

Барнаул

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

сентябрь 2016

НАМ 286!

Лукашин. «У «Букиниста», 1999 г.

Барнаул

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

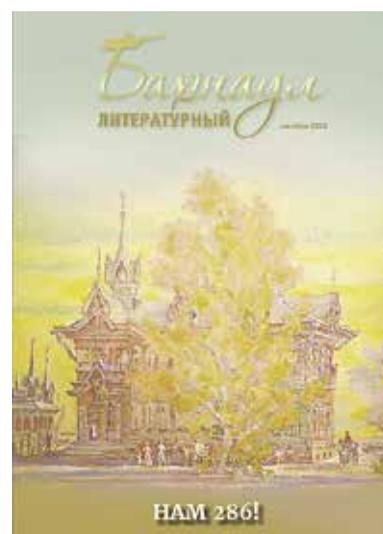

Издается при поддержке
администрации Барнаула

СЕНТЯБРЬ-2016

НАМ – 286!

- «Мой Барнаул» 3
*Эссе А. Истоминой, М. Гундарина Ю. Нифонтовой,
М. Зимогора*
- Евгений Платунов. «Пушкин и Барнаул» 8
Статья
- Наталья Железникова. «Первый храм
в сердце и памяти города» 14
Статья об истории Петропавловского собора
- Евгений Платунов. «Барнаульцы
на портретах Третьяковской галереи» 16
Статья
- Владимир Токмаков.
«И дольше века длится жизнь...» 20
Воспоминания о Марке Юдалевиче
- Марк Юдалевич. «Стихи о Барнауле» 28
Подборка произведений разных лет
- Лидия Дмитриева. «Барнаул
в сознании жителей города» 30
Статья
- Елена Клишина. «Улица Радищева» 37
Воспоминания об улице детства
- Сергей Боженко. «Мои горожане» 40
Мемуарные очерки-эссе
- Евгений Чекирка.
«Барнаульцы в шпионском жанре» 43
*Статья о бойцах невидимого фронта,
связанных с Барнаулом*

Леопольд Цесюлевич,
«Гостиница «Империал»
в Барнауле в свои лучшие
годы», 2005 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
 А.В. Артёмов — председатель,
 С.А. Боженко,
 М.К. Зимогор,
 А.Г. Истомина,
 С.А. Мансков,
 В.Г. Паршков,
 Ю.А. Нифонтова.

Главный редактор
 Михаил Гундарин.

Заместитель главного
 редактора
 Елена Клишина.

Наш адрес:
 7storon@rambler.ru.

Тираж 500 экземпляров.

Поэты в городе. <i>Подборка стихов местных авторов о Барнауле</i>	48
Ольга Колбашева. «Барнаул в библиотечном измерении» <i>Статья о вкладе городских библиотек в развитие городской культуры</i>	50
«И это все о нем... 10 книг, в которых увековечен Барнаул» <i>Обзор</i>	54
ПОЭЗИЯ	
Михаил Гундарин. «Облака» <i>Подборка стихотворений</i>	59
ПРОЗА	
Владислав Пасечник. «Скарна» <i>Главы из нового романа</i>	61
ПРЕМИЯ	
Пушкинские лауреаты-2016 <i>Подборка стихов лауреатов Пушкинской премии этого года и фоторепортаж с ее вручения</i>	76
ДЕБЮТ	
Оксана Косова. «Герой «Невского»» <i>Городская зарисовка – дебют молодого автора</i>	80
ГОСТЬ НОМЕРА	
«Алтайская песня» Гарика Сукачёва. <i>Беседа Сергея Манскова с поэтом, музыкантом, актером и режиссером Игорем Сукачевым</i>	82
Сибирь литературная	
Поэты столицы Сибири <i>Беседа с новосибирским поэтом Юрием Татаренко, подборка его стихов.</i>	87
ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ	
Павел Великанов. «Алтайское говишти».	89
Иван Акаев. «Декадент в предгорьях» <i>В рубрике «Дискуссионный клуб» критики обсуждают повесть А.Пешкова «Зеленая Юрта»</i>	91
ХРОНИКИ	
Шукшинские дни в Барнауле-2016 <i>Репортаж</i>	92

Для каждого из нас город наш чем-то отличается. Есть в нем какие-то особенные места. Жили и живут какие-то особенные люди... Но часто бывает и так, что эти места и эти люди становятся важными для всех. Мы попросили членов редакционного совета «Барнаула литературного» сказать несколько слов об этом. Особенном. Важном тем не менее для многих.

МОЙ БАРНАУЛ

ГОРОД-САД

Алла Истомина, руководитель
Централизованной библиотечной
системы Барнаула

В начале XX века в России стала необычайно популярна книга Эбенизера Говарда «Город будущего». Автор предложил схему совмещения города и сельской местности, подвергая критике хаотичный рост промышленного города и его антисанитарию. При этом в книге были даны подробные графические планы-схемы, по которым Говард предлагал создавать новые городские пространства. В 1915 году в Барнауле даже был открыт филиал русского общества городов-садов.

После пожара 2 мая 1917 года в Барнауле более пятнадцати тысяч человек остались без жилья. Остро встал вопрос строительства домов для погорельцев. Через несколько месяцев, 23 октября 1917 года, Барнаульская городская Дума утвердила план сада-города, разработанный с участием архитектора Ивана Носовича. Это был удивительный проект, предусматривающий и выделение участков под строительство, и строительство жилых зданий в расчете один дом на одну семью.

80% площади должно было быть абсолютно свободно от построек и находиться под садом, огородом, цветником, хвойными насаждениями; земельный участок, по плану, нельзя было обносить забором, скот и птицу разрешалось держать только в закрытых помещениях. Но главное во всем плане – зеленые насаждения и малая этажность зданий. Каждый дом должен был утопать в зелени.

Мой дед Афанасий Тимофеевич Островский по окончании Томского технологического института в 1924 году приехал вместе с семьей в Барнаул, получив назначение на работу в мастерские (так тогда назывался вагоноремонтный завод). Жили они в казенной квартире, рядом с заводом, сейчас в этом помещении находится поликлиника. И письма, которые они получали в то время,

были подписаны следующим образом: г. Барнаул, Сад-город и т. д. Через несколько лет семья купила дом на улице Красносельской. И этот дом дед обустроивал исходя из проекта города-сада, уже понимая, что вряд ли проект будет осуществлен в масштабах города. Сажены плодовых деревьев и кустарников заказывали и привозили из разных городов России (дед проработал на железной дороге долгое время). Наш сад удивлял прохожих и планировкой, и обилием плодовых деревьев. Весна начиналась с буйного цветения первоцветов, цвели яблони, вишня, груша, малина, черемуха, сирень. Дед высаживал редкие по тем временам цветы, и соседи брали пример с него. Наша улица разительно отличалась от остальных улиц поселка.

Проект города-сада был во многом утопическим, но ориентированным на счастливую жизнь людей, имеющих собственное жилье, свой огород, сад и возможность жить в городе с хорошей экологией. Наверное, поэтому мы часто вспоминаем об этом нереализованном проекте, ведь некоторые идеи его сказались на облике Барнаула.

ГОРОД БУДУЩЕГО

Михаил Гундарин, главный редактор журнала «Барнаул литературный»

Буквы были простыми. Слова — непонятными. Судите сами: «Сулима», «ЗСВ». Как-то они увязывались в одно. Заранее увязывались: нам там жить и отцу там работать. Для того мы и прибыли в город Барнаул. Мне было шесть лет, и, собственно, эта непонятность скорее привлекала.

История долгая. Моя мать родом из глухой алтайской деревни, стоявшей на берегу одного из многочисленных наших озер (и давно не существующей). После школы она окончила техникум, потом институт (Томский политехнический). Где-то в промежутке мама и познакомилась с моим отцом, который из своего родного города Дзержинска, что в Горьковской области, был послан в Барнаул по распределению (также после химического техникума). Ну, в Барнауле они встретились-поженились, потом уехали в Дзержинск, где родился я (а также Эдуард Лимонов, певец Чиж, министр внешней торговли СССР Патоличев, певица Натали и — в один год со мной — олигарх Дерипаска). Собственно, вернулись в Барнаул из-за квартиры: новый завод с таким странным названием ее давал как раз в том самом непонятном районе.

Наш дом на улице Георгиева, 41, смотрел окнами в поле. По ту сторону Георгиева (где позже появился, а потом исчез кинотеатр «Искра») не было ровным счетом ничего. Где-то там стоял таинственный ЗСВ. А до него — километры чистого поля с чудесной полыньей и норами сусликов летом и по-деревенски певучей выюгой. По ту сторону Павловского — огромные овраги, не до конца ликвидированные и сегодня. На месте будущего общежития рядом с домом — котлован, заполненный водой, где так здорово было кататься на плотках, сооруженных из строительных заборов (ржавый гвоздь, пропарывающий сандалии, проблемой не считался).

Строек было вокруг столько, что даже я, предпочитавший скорее посидеть дома с книжкой, удержаться от их освоения в компании одноклассников не мог. Да и как удержаться! Сквородка с котлетами на плите. Ключ на шее — а родители на работе до шести. На том же ЗСВ или других заводах, из которых за проходную так просто не выберешься.

Поездка в город — так это называлось, то есть, собственно, в центр Барнаула — становилась событием. Да, мне казалось, что новая, веселая, молодая Сулима — все равно самое лучшее место.

Вот каким стал для меня Барнаул — новым, строящимся. Устремленным в будущее. Не старые кварталы, как для кого-то, а вечные новостройки. Сулима застраивалась до самого моего выпускного, потом пошла дальше — в район ул. Шумакова. Побывал я и не раз на этом самом ЗСВ, где мой отец был начальником цеха.

Нет завода, погибшего в перестроечные годы. Именно как боец на посту, убитый некими дельцами буквально из-за угла. Нет отца. Наш дом давно уже не нов, на фоне нынешних новостроек смотрится неказисто.

И все равно для меня наш город — это город будущего. Которое будет обязательно. И в нем сбудутся мечты — пусть не все, но самые главные.

БЕЛЕНЬКИЙ ДОМИК

Юлия Нифонтова, писатель

Значительная часть жизни моей семьи (а следовательно, и все мое детство) была тесно завязана с поселком Осипенко. В народе этот район частного сектора называют попросту — Осипуха. Только недавно, работая над одним из рассказов, где фигурирует вышеупомянутое местечко, я с удивлением узнала, что названо оно в честь летчицы, Героя Советского Союза Полины Денисовны Осипенко, которая еще до Великой Отечественной войны установила мировой рекорд дальности беспосадочного перелета (среди женщин) Москва — Дальний Восток. Раньше за поселком ходила

сомнительная слава, мол, осипухинским на дороге лучше не попадаться.

На самом деле этот скрытый от невнимательного взгляда мирок признает только своих и к чужакам относится настороженно. В самом сердце города, прислонившись к железнодорожному полотну, этот отважный островок, чьи улочки так просто перепутать с сельскими, держит оборону, отстаивая право на своеобразие, сохраняет привычный уклад жизни. Тут тебе и петухи наперебой горланят на заре, соседская коза щиплет муравку у покосившегося забора, стайка цыганят верхом на лошадях белозубо гикают, торопясь радоваться новому дню.

Помню, бабушка в свое время держала во дворе «курей», «утей» и даже «поросся» — резвого и своенравного Черныша. Поросянок был такой чернуший, что даже его сало оказалось окрашено в голубоватый пигмент. Но бабушка не ела это сало, а только горько плакала, нашиповывая голубоватые брусочки чесноком с солью — жалко было Черныша. Но это было тогда, давно... А сейчас? Наверняка заповедный уголок деревенского рая съезжился под натиском многоэтажек. Может, еще и остался где-нибудь в самой сердцевине, но и его стремительно и неуклонно поглотит неподдающаяся урбанизация.

А тогда, в детстве, я стремилась в этот параллельный мир, в центре которого стоял маленький белый дом, и не дом даже, а только половина дома, где жили бабушка и дедушка. Я отправлялась в путь из девятиэтажки на Молодёжной через говорливый суетный вокзал. Перемахнув железнодорожный переход, шла по маленькому дощатому мосточку через быструю заросшую ивняком речушку, затем по Путейской на исток Юрина до Рельсовой, с десяток метров по Аэродромной, а там уже по Красному Текстильщику до бабушкиной Меланжевой — рукой подать!

Путешествие мое занимало больше часа, поэтому перемещение из шумного современного городского центра в неспешную, почти деревенскую благодать происходило постепенно, как глубоководное погружение. Здесь текла своя, другая жизнь, другие запахи, другие звуки. Высокая душистая трава, тягучие паровозные гудки...

Теперь уж и не осталось, наверное, столь маленьких ветхих хаток, большие новые строения жмут островок Осипенко со всех сторон, повсюду появились магазины, шикарные коттеджи, канула в Лету большая общественная баня на Текстильщиках, а прохладная уютная Зелёная Роща и вовсе осталась только в названии улицы да в воспоминаниях старожилов.

Но мое сердце, видимо, навсегда осталось в том белом домике с голубыми ставнями, приюте моего детства, куда возвращаюсь во снах снова и снова. Недавно вдруг поняла, что домик этот описан мной во множестве рассказов, а в некоторых становится даже самостоятельным персонажем.

«Обстановка в доме, как, собственно, сам дом и все надворные постройки, сделаны дедушкой собственноручно. Поверить в это трудно даже сейчас. Как человек без специального образования, движимый лишь талантом и безграничной любовью к семье мог создать все это: резной буфет, массивный комод, маленький стульчик у печки, круглый обеденный стол. Вся мебель благородного вишневого цвета празднично поблескивает. Только дедушка знает, что такую несусветную роскошь можно

сделать из вагонки, густого раствора марганцовки, морилки и лака.

Двор, словно остров со множеством притягательных и загадочных мест: дровяник, углярка, сарай, погреб... Посреди острова — замок с обилием не менее секретных закутков: сени, полати на русской печи, многочисленные кладовки, подпол, духовка... Но самый манящий объект — это, конечно, шкаф-великан.

Грандиозное сооружение высится почти до самого потолка. Брюхо великана набито прекрасными бальными платьями, шелковыми лентами и воздушными прозрачными пелеринами. В многочисленных ящиках — полках и ящиках — спрятаны настоящие драгоценности: сумочка феи, усыпанная бисером, броши, цепочки. Есть там разные очки, шляпы, кепки, панамы, даже взаврадашные волосы: шиньоны и косы, которые с легкостью могут превратить вас в совершенно другого человека.

Внутри гигантского чрева — огромное зеркало, наверняка тоже заколдованное. Я люблю притаиться в темном шкафу, дыша смесью духов, нафталина и еще чего-то таинственного, а рядом со мной в темноте тихонько сидит другая девочка. Она живет в зеркале и трепетно слушает чудесные сказки, что возникают в моей голове...» (отрывок из рассказа «Смерть Золушки»).

Несколько лет назад я пошла навестить старый дом, в котором уже давно живут чужие люди, и ничего не узнала там, в родимых пенатах. Повсюду асфальт, другие строения, универсам, которого не было раньше. Вот только неизбывная тоска по потерянному гнезду такая же щемящая, как всегда...

УЛОЧКИ ДЕТСТВА

Теплый ветер вдоль Зелёной Рощи,
От Меланжевой* до Обводной*
Простыни крахмальные полощет
И вздымает к небу по одной.*

*По дорожкам, утонувшим в травах,
Стелит ароматные дымы.
Воробьев веселые оравы
Разгоняют утренние сны.*

*На ветвях беременные почки
Скоро к небу вскинут паруса.
Помню здесь все рытвины, все кочки,
Узнаю собак по голосам.*

*По ночам тут слышен стук колесный,
Поездов тревожные гудки —
К нам спешат страстей грядущих весны,
Жизнь со смертью наперегонки...*

* названия улиц поселка Осипенко, одного из старых кварталов Барнаула

РЫЖИЙ РЫЖЕГО СПРОСИЛ...

Михаил Зимогор, шеф-редактор газеты «Вечерний Барнаул»

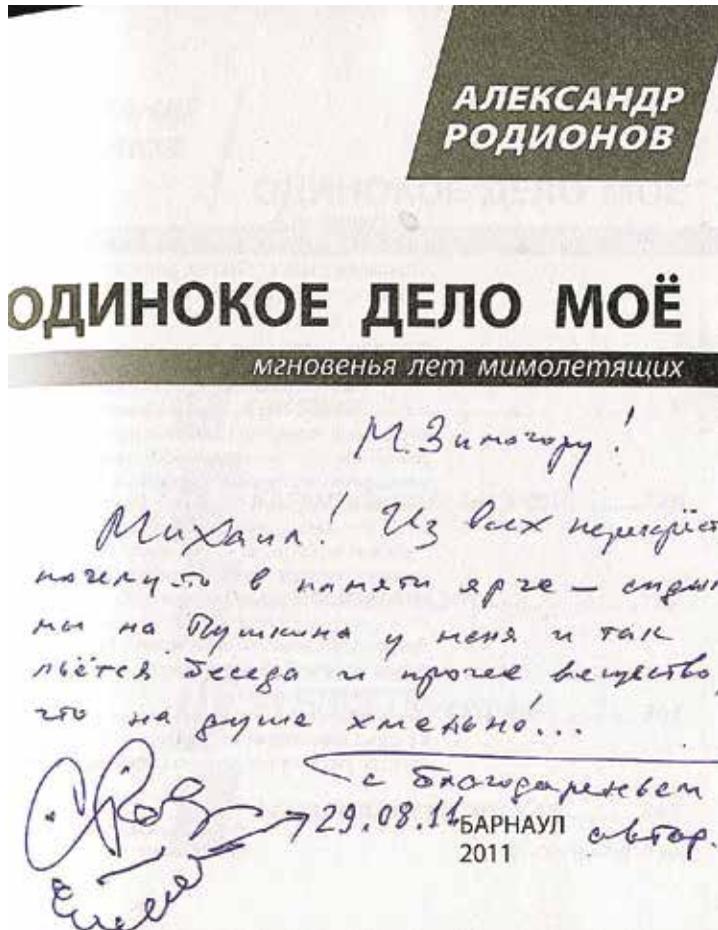
Я уж и не помню, где, когда и при каких обстоятельствах мы с ним познакомились, но чувство такое, что знал я его чуть ли не с самого детства, потому что только в те далекие времена слышал я дразнилку «Рыжий рыжего спросил, чем ты бороду красишь». Расставшись с партийной работой и уйдя в журналистику, я отрастил бороду, и меня ничуть не смущало, что она была рыжей, — родителей ведь не выбирают (они, кстати, были брюнетами). Первые слова, которые вместо приветствия сказал Саша Родионов в мой адрес при встрече, звучали именно так: «Рыжий рыжего спросил...». Он ведь тоже носил рыжую бороду, совершенно роскошную, под самые глаза, почти квадратную. При этом мы оказались почти нос к носу, и его синие глаза смотрели так озорно и задорно, что тут же в голову пришла мысль: как это замечательно, что и он рыжий, и я рыжий — и никаких обид между нами.

Встречались мы с ним нередко, но все больше по делам: я — по журналистским, он — по писательским и общественным, так как в то время руководил Демидовским фондом. Я ни на миг не сомневался в его

организаторских способностях и, когда меня в разговоре как-то спросили, почему он возглавляет фонд, ответил: «Потому что он — Родионов».

Однажды сырым и тусклым зимним деньком мы совершенно случайно встретились с Сашей на Ленинском проспекте. После обмена ставшим уже традиционным «Рыжий рыжего спросил...» он вдруг пригласил меня в гости. Я, признаться, замешкался: на коньяк у меня явно не хватало... К тому же о вспыльчивости своего рыжего визави я был осведомлен весьма неплохо, да и у самого характер не подарок к 8 Марта, ну, словом, два рыжих — они и есть два рыжих. Помнится, проговорили мы тогда до глубокой ночи. Говорил, правда, больше он. Я же был просто покорен тем, что он знал, кажется, все. Меня восхищали его искренность и глубокие познания того, что имело отношение не только к истории Барнаула и Алтая, но и литературе, географии, мироустройству. О том, как умел работать Александр Родионов, можно, пожалуй, и не говорить: все, что им написано, — итог его многолетних трудов в архивах, экспедициях, встреч с интереснейшими людьми и, конечно же, результат его кипучей, неумной энергии. И мне было удивительно вдруг прочесть заглавие его последней книги «Одинокое дело мое». Слово «одинокое» как-то не увязывалось с Сашей Родионовым — шумным, веселым, упрямым до скандала, которого любил, кажется, весь город, включая врагов.

«Летопись города Барнаула», изданная им в 2007 году, стала пособием по истории и, если хотите, описанием жизни, быта и нравов барнаульцев. В ней собрано все или почти все, что накопил город за время своего существования. Труд получился объемным, основательным и... дорогим. Уже тогда он стоил более 600 рублей за экземпляр. Как реализовать солидно оформленные фолианты? Магазины берут неохотно — уж больно высока цена, не будешь же сам на углу стоять и предлагать плод трудов своих. Александр Михайлович по старой памяти зашел ко мне, я в то время был начальником пресс-службы администрации города Барнаула. Не жаловался он, не просил помощи, просто спросил — нужна ли такая книга мэрии. Договорились, что я ему завтра утром перезвоню, и он укатил на своем велосипеде, с которым, кажется, не расставался даже зимой. Моим куратором в мэрии был Пётр Дмитриевич Фризен, в то время заместитель главы администрации, руководитель аппарата. К нему я и направился, понимая, что помочь Саше реализовать тираж может либо он, либо никто. Казалось бы, причем здесь литература и строгий вице-мэр, отвечающий за работу аппарата, главного механизма огромного муниципального округа? При том, что Пётр Дмитриевич всегда прекрасно разбирался не только в людях, но и в их делах.

За две минуты я рассказал ему и о Родионове, и о его книге. Вердикт последовал тут же — «Берем, но деньги отдадим частями.» Как решил эту проблему Пётр Дмитриевич — для меня загадка до сей поры, однако «Летопись Барнаула» стала одним из лучших подарков, который получили многие уважаемые и заслуженные люди нашего города в связи с знаменательными событиями в их жизни. Через несколько лет история повторилась один в один с книгой о Барнауле из серии «Тобольск и вся Сибирь».

Впрочем, случались у нас с Александром Родионовым и встречи иного порядка. Звонит он как-то под осень и говорит: «Слушай, Кириллыч, не поможешь с водой?». Помня наши встречи, переспрашиваю его: «Может быть, с водкой?»

— Да с водкой-то я и сам разберусь, я без воды уже несколько дней сижу. Ты же был у меня, помнишь наш старый дом? Вот и водопровод у нас такой же старенький да дохленький. Нет воды, а почему — не знаю, может, мне к мэру на прием записаться?

Горяч, ох и горяч был Александр Михайлович, не выносил состояния ждать да догонять. Попросил я коммунальщиков посмотреть водопровод в его доме, они пришли и сделали, в общем, не пошел он к мэру.

С годами наши рыжие бороды поседели, но мы по-прежнему при встрече обменивались: «Рыжий рыжего спросил...».

Ушел Александр Михайлович как-то тихо, быстро и незаметно. Он уже лежал в коме, и в тот день, когда я собирался прийти к нему, Саша Родионов умер. Став легендой еще при жизни, Родионов с неистовостью первопроходца разрабатывал исторический пласт, залегший во глуби-

не веков, и сделал столько, сколько мог и успел, но вместе с ним, как мне кажется, ушла целая эпоха, ведь самородки даже в самом богатом пласте попадаются редко, но оттого они так дороги.

P. S.

Однажды ко мне в пресс-службу заглянул Александр Михайлович, как обычно, без звонка, без предупреждения, видимо, знал, чертяка, что ему всегда и везде рады, он же Родионов! Открыл свою сумку, достал из нее какой-то камень, подает мне и говорит: «Угадай, что это?». Я гляжу — уголь не уголь, но аспидно-черный, небольшой, тяжелый и блестит. Как будто лаком облит. А Саша улыбается, хитро этак, как же — задал ребус и кроссворд. «Это тебе на память. А наперед скажу — в этом камешке серебра еще немало осталось. Я его нашел на территории нашего сереброплавильного завода, это самый настоящий сплав серебряной руды». Странно, но камешек по форме напоминал Эверест, такие же острые края почти идеальной пирамиды.

Его книга «Одинокое дело мое» лежит на тумбочке у кровати. И нет у меня сил убрать ее вглубь книжной полки. Открываю ее и будто слышу его слегка глуховатый голос. И теперь, чтобы я ни читал о нашем городе, родионовский Барнаул мне понятнее, ближе и роднее, хотя бы уже потому, что он знал и любил его так, как никто другой.

Когда Александр Родионов умер, ему зачем-то сбрили его знаменитую бороду а-ля Хемингуэй. Сможем ли мы, встретившись с ним в горних высях, сказать другу другу: «Рыжий рыжего спросил...»?

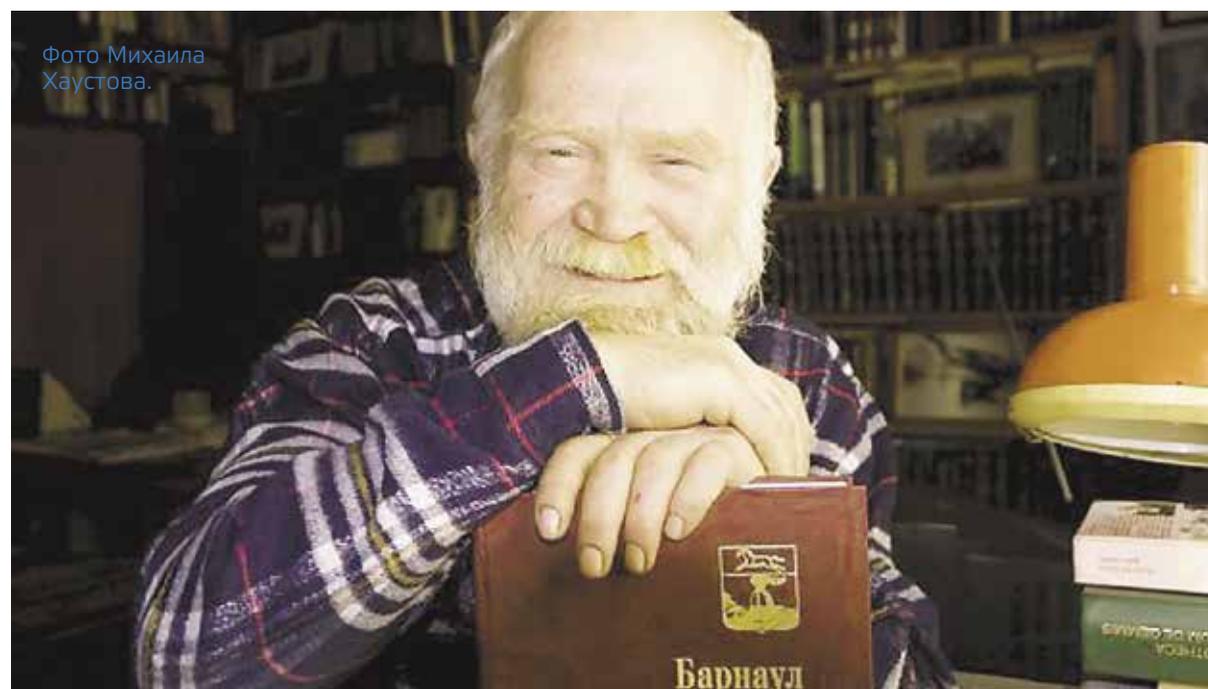

Фото Михаила Хаустова.

Что общего может быть у Александра Сергеевича Пушкина с нашим регионом? Оказывается, что при всей удаленности Алтая от берегов Невы есть несколько ниточек, связывающих наш край с великим поэтом.

ПУШКИН И БАРНАУЛ

Евгений Платунов.

В ОДНОМ ДЕПО

Крылатую фразу «узок круг этих людей» с полным правом можно отнести к кругу людей, служивших в военном ведомстве при Александре I. Например, на странице 169 столичного адрес-календаря за 1809 год Афанасий Кириллович Лаксман соседствует среди чиновников Комиссариатского депо Военной коллегии с Сергеем Львовичем Пушкиным. Афанасий Кириллович Лаксман – сын Эрика (Кирилла) Лаксмана, ранее «оборотившегося» в Барнауле из пасторов в ученые. Сергей Львович Пушкин – отец Александра Сергеевича.

ПРИЗРАК – СВЯЩЕННИКУ

Университет канадского Торонто в 2009 году выпустил книгу, где среди прочего сообщил одну старую историю из архива писателя-эмигранта Алексея Ремизова, посвященную призраку... Александра Сергеевича Пушкина в алтайском селе в 1924 году. Источник этой истории хранится сейчас в Пушкинском Доме. На странице 173 в издании Аллы Грачевой «Алексей Ремизов: исследования и материалы» («Дмитрий Буланин», 1994) можно прочесть: «Другой пример – кажется, не очень известный. Изготовленная собственноручно писателем

тетradка из коллекции госпожи Л. Варсоно, подаренной в Пушкинский Дом и хранящейся в его Пушкинском кабинете. Самим же Ремизовым и озаглавлена: «Потерпевшие в 125-летие со дня рождения А.С. Пушкина в Париже и в России». Заглавие переделано из вполне мирного и чинного извещения о торжественном чествовании памяти великого русского поэта 2 июня в помещении Сорбонны (амфитеатр Ришелье), организованном Комитетом помощи русским писателям и ученым во Франции, Союзом русских писателей и журналистов и Русским народным университетом. Почтенные организации вследствие язвительного вторжения ремизовского пера и оказались в результате «потерпевшими».

Внутри сначала газетная вырезка из эмигрантской печати (*из газеты за 1926 год – год помечен рядом рукой Ремизова. – Прим. авт.*):

«Дело о видении Пушкина

Согласно последних сведений дело о «явлении» окровавленной тени Пушкина у колодца в с. Пиканском Барнаульского уезда окончилось привлечением к суду еп. Барнаульского Никодима, протоиерея Смирнова и свящ. Погоржинского. Епископ Никодим и протоиерей Смирнов приговорены на шесть лет тюрьмы «со строгой изоляцией», священник Погоржинский – на 4 года».

Воистину потерпевшие. Юмор, разумеется, получается черный.

Похоже, что та старая история с привидениями продолжается и сейчас. Епископ Барнаульский Никодим (в миру Николай Саввич Воскресенский) действительно был арестован в 1926 году. Но Алтайская епархия почему-то числит по тому времени епископом Барнаульским совсем другого человека (с другой фамилией в миру).

«НЕТ ПОДЛЕЕ... ДО АЛТАЯ...»

Эта строчка – из эпиграммы друга Пушкина Сергея Александровича Соболевского

на литераторов Полевых. Эпиграмма долгие годы приписывалась самому Пушкину. Например, ее включил в свое издание 1938 года «Пушкин в печати за сто лет: 1837-1937» известный пушкинист Мстислав Александрович Цявловский. Полностью эпиграмма звучит так:

*От Каспийского
До Балтийского,
До большого до Черного понта
Нет подлее,
Нет сквернее
Полевого
Ксенофонта.
От Кавказского
До Уральского,
До большого хребта до Алтая
Нет сквернее,
Нет подлее
Полевого Николая.*

ИССЛЕДОВАТЕЛЬНИЦА СЕМЕЙНОГО ДРЕВА ГАННИБАЛОВ

Алла Кторова (настоящее имя – Виктория Ивановна Кочурова-Шандор) – это своеобразный, еще не востребованный «осколок» для более полной антологии «Образ Алтая в литературе». Виктория оказалась в Барнауле в эвакуации в годы войны. После возвращения из эвакуации окончила московскую школу, проучилась некоторое время в Ленинградском театральном институте, но бросила его. Окончила английское отделение МГПИИЯ в 1954 году. Работала переводчиком в бюро обслуживания иностранцев, школьным учителем английского. В 1957 году получила разрешение на брак с американцем Джоном Шандором (John H. Sandor), с которым познакомилась еще в 1954 году, и в марте 1958-го выехала с ним в США. В 1961-м получила степень магистра в Джорджтаунском университете. Преподавала русский язык в Университете Джорджа Вашингтона (1962-1968), международную лексику в аспирантуре Университета Джонса Хопкинса (Paul H. Nitze School of

Advanced International Studies, 1969-1979). Работала на радио «Голос Америки» под именем Минодора Михайлова. Живет в Роквилле, штат Мэриленд. Начала публиковаться в 1960-м, взяв псевдоним, скомбинированный из имен любимых актеров – Аллы Тарасовой и Анатолия Кторовы.

Ее воспоминания о жизни в Барнауле в эвакуации во время войны разбросаны по разным книгам и статьям:

«Во время Отечественной войны, в 1943 году, я с матерью и бабушкой попала в г. Барнаул Алтайского края. Бабушка смертельно болела, мама день и ночь работала на текстильном меланжевом комбинате, спала на полу у станка, ела суп с сухой коркой, падала от слабости, голодая... Страшно вспомнить все это. ...Александра Львовна (*младшая дочь Льва Толстого!* – Прим. авт.) говорила, а я вспоминала, как во время Второй мировой войны в Барнауле, я тогда подростком была, ездила и моя мать менять наши тряпки на еду в далекие алтайские села со смешными для меня тогда названиями, оканчивающимися на «иха» – Топчиха, Белокуриха, Кривулиха, и как мы с бабушкой всю ночь дрожали, казалось нам, что маму нашу убили, отняли старую простыню, что на менку была, а ее бросили под поезд. Воодушевленная моими воспоминаниями, Александра Львовна, улыбаясь, продолжала: «Все тут было – и смех и горе». (В издании «Пращурь и правнуки».)

Долгие годы Виктория изучала историю русской ономастики, подготовив интересное исследование о происхождении предков Пушкина Ганнибалов... с территории Абхазии!

ОСТАЛОСЬ В ПАМЯТИ ЧТЕНИЕ ПУШКИНА

«А одна актриса рассказывала, что еще в детстве, живя в Барнауле, услышала, как Марцевич читает Пушкина. (Холодный зал дома культуры наполнен битком, народ в пальто, после рабочей смены, все усталые, привычно грубые и не очень расположенные к искусству, а со сцены звучит этот проникновенный, пламенный голос: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли...») Артист показался ей «ангелом, слетевшим с небес на грешную землю». Принц, король, ангел – все это, конечно, не только о внешности, она – лишь зеркало, отражающее мир души. И потому даже с возрастом, когда юношеская свежесть и хрупкая красота, и стройность фигуры безвозвратно уходят, – тот духовный свет, озаряющий изнутри, способен затмить все возрастные изменения физики артиста, сделать внешность – вообще не важной», – можно прочесть на странице 219 в издании Бориса Поюровского «Звезды Малого театра» («АСТ-Пресс книга», 2002).

Из творческого наследия Эдуарда Марцевича осталось много аудио- и видеозаписей чтения строк Пушкина. Их легко можно найти в Сети.

ПУШКИНИСТ – В БИЙСКОМ РАЙОНЕ

Во время Великой Отечественной войны в Бийском районе жил и работал известный пушкинист Гессен.

С его сыном связала себя узами брака Эстер Гольдберг. Она так вспоминала отца и сына Гессенов в книге «Белосток – Москва»: «Дело в том, что вскоре после выхода из тюрьмы я познакомилась со своим будущим мужем Борисом Гессеном. Молодой московский инженер, он сразу же после защиты диплома в 1941 году пошел на фронт, в начале 1943 года был тяжело ранен в челюсть и после госпиталя, получив инвалидность, приехал к родителям, эвакуированным на Алтай. Его отец, Арнольд Ильич Гессен, впоследствии известный писатель-пушкинист, по смешному совпадению попал, уже после ареста моей мамы, в тот же совхоз, куда ее сослали из Белостока, и в течение двух с лишним лет работал там заместителем директора, хотя, по моим наблюдениям, едва отличал корову от быка. Борис, которому надлежало сидеть в совхозе, приехал на несколько дней в Бийск и остановился у белостокской семьи, знакомой с его родителями по совхозной ссылке. Именно там мы и встретились, почти сразу приглянулись друг другу, и он стал регулярно приезжать, чтобы со мной повидаться (несколько десятков километров, зачастую в лютый мороз, на подножке вагона, потому что билеты без пропуска не продавались). Вместо цветов, которые поклонники традиционно преподносят девушкам,

Борис, видя, как мы бедствуем, привозил с собой из совхоза то немного картофеля и овощей, то немного муки и крупы, за что мы ему были бесконечно благодарны».

ИЛЛЮСТРАТОР «ПОВЕСТЕЙ БЕЛКИНА» ИЗ БАРНАУЛА

Два рисунка на сайте аукционистов www.gelos.ru в 2011 году были атрибутированы так: «Смирнов А.С. (1939 г. р.) 2 иллюстрации к произведению А.С. Пушкина «Повести Белкина». «Барышня-крестьянка». Бумага, офорт. Ленинград, 1976 г. Размер офорт – 19 x 13,5 см; размер листов – 34 x 26 см. Смирнов Анатолий Сергеевич – ленинградский художник-иллюстратор. Окончил Академию художеств, мастерскую А.Ф. Пахомова (1965). В большей степени работал в области станковой картины, отдавая предпочтение темам родного Барнаула и Ленинграда, но увлекся иллюстративной графикой, оформив более 40 книг. Самыми удачными и талантливыми можно считать иллюстрации к произведениям А.С. Пушкина «Повести Белкина» (1976), заказанные художнику Горьковским книжным издательством. Иллюстрации к «Повестям Белкина» интересны двуцветием – черная линия и коричневое пятно. Чаще всего они строятся в виде двух-трехфигурных композиций с необходимыми обстановочными атрибутами. Эта простота, следствие длительного обдумывания темы, сама по себе имеет силу эмоционального воздействия, которую художник увеличивает лирическим тоном».

ТРИ КАРТЫ И ДВЕ РОДИНЫ ГЕРМАНА: ФАМИЛИЯ УРОЖЕНЦА БАРНАУЛА – ДЛЯ ПЕРСОНАЖА ПУШКИНА

В 1789 году в Барнауле родился Фридрих Александр фон Герман – сын Ивана Филипповича Германа (Бенедикта Иоганна Франца фон Германа), автора «Сочинения о Кольвано-Воскресенских рудниках и заводах», которое считают «первой печатной энциклопедией горнозаводского дела в нашем крае». Биография Германа-старшего есть в Энциклопедии Алтайского края. Младшего Германа, который родился в Барнауле во время пребывания здесь отца, больше знают сейчас специалисты-филологи как Фридриха (Фёдора) Германа.

На Урале, где Герман-старший оставил о себе долгую память, Германа-младшего с 80-х годов XVIII века очень аргументированно рассматривали как человека, подарившего свою фамилию известному пушкинскому персонажу из «Пиковой дамы».

Прототипы – это всегда спорный вопрос. Тем более что игроком Фёдор Герман не был. Приведу лишь две цитаты – биографию и отрывок из книги Александра Георгиевича Никитина «Пушкин и Урал: по следам находок и утрат» (Пермское книжное издательство, 1984).

«Герман, Фёдор (Фридрих) Иванович — полковник, состоявший при Министерстве финансов, сын обер-берг-гауптмана Ивана Филипповича, родился в 1789 г. на Барнаульском заводе Томской губ., воспитывался в Горном корпусе, служил при отце, по смерти которого ушел из горного ведомства. В 1817 г. П.К. Эссен, назначенный Оренбургским военным губернатором и командиром отдельного Оренбургского корпуса, взял Германа в адъютанты, причем Г. был зачислен в гвардию. Эссен поручил ему пограничную часть своей канцелярии. В 1823 г., по доносу в главный штаб, Г. был переведен тем же чином в армию. Причиной удаления выставлено было сильное влияние его на Эссена. По словам Вигеля, Г. отличался необыкновенным умом и удивительными способностями, а по свидетельству декабриста Штейнгеля, — и благородством характера. Г. печатал статьи по горной части в «Горном журнале». Скончался он в С.-Петербурге 3 июля 1852 г. после продолжительной тяжкой болезни.

«Северная пчела», 1852 г., № 151, стр. 602; Геннади. Справочный словарь о русских писателях, т. I; «Русская старина», 1881 г., т. XXXII, 786; Ф.Ф. Вигель. «Записки», М. 1891 г., II, 201.

Н. Чулков».

«Вместе с Германом-младшим заседания Вольного общества любителей российской словесности посещали ближайшие пушкинские друзья: А.А. Бестужев, Ф.Н. Глинка, А.А. Дельвиг, К.Ф. Рылеев, В.К. Кюхельбекер, П.А. Плетнёв и другие. К примеру, в феврале и марте 1820 года Ф.И. Герман присутствует на заседаниях вместе с перечисленными лицами. Что и говорить, серьезная компания! Как раз в это время Пушкин тоже находится в

Петербурге, часто посещает своих друзей, не пропускает товарищеских пирушек. Только в мае поэт отправится в Кишинёв, в свою первую ссылку. Заседают в обществе и давно знакомые Герману по Уралу горные инженеры и ученые: Д.С. Меншенин, преподававший тогда минералогию в Горном кадетском корпусе, и Е.П. Ковалевский. Членами общества в это время становятся будущий отец великого химика Иван Павлович Менделеев, историк Урала и Сибири Пётр Андреевич Словцов. Оба — жители Тобольска. В один день с ними в члены общества был принят и будущий декабрист, лейтенант флота Николай Бестужев. Все общество находилось под сильным влиянием декабристских идей».

Как бы там ни было, но знакомый с Пушкиным реальный инженер Герман родился в Барнауле в 1789 году и достоин не меньшей памяти, чем его более известный отец.

ПУШКИНСКИЕ НАЗВАНИЯ НА АЛТАЕ

Кроме улицы Пушкина, появившейся в Барнауле в честь столетия со дня рождения поэта, в 1899 году, были и остались и другие названия. Например, в Бийске, на улице Советской, сохранилось здание бывшего мужского реального училища им. Александра Сергеевича Пушкина. Здание построено в 1902 году на месте старого (1875 года) одноэтажного городского деревянного училища для мальчиков. Новое здание сохранило за собой название Пушкинского училища, присвоенное ему в честь юбилея Пушкина в 1899 году. Сначала здание было построено как одноэтажное. В 1904 году купчиха Морозова получила разрешение надстроить второй этаж для домового церкви во имя Святых равноапостольных царей Константина и Елены. В 1920-1923 годах здесь находился центральный городской молодежный клуб, с 1924 года — средняя школа им. Крупской, позднее — педагогическое училище, с 1939 года — учительский институт. Сейчас здесь находится естественно-географический факультет БГПУ им. Шукшина.

Директор Топчихинского районного музея Сергей Поздин хранит старый план земельных владений колхоза им. Пушкина. Название колхоза появилось, видимо, в честь 100-летия гибели поэта, которое широко отмечалось в СССР в 1937 году. Колхозы им. Пушкина появились в довоенное время в самых разных уголках нашей страны, например на Брянщине и на Алтае. К 1 января 1938 года колхозов им. Пушкина было на Алтае семь: в Алтайском (в Н.-Камарском сельсовете), Краюшкинском (в Средне-Красиловском сельсовете), Павловском (в Лебяжинском сельсовете), Родинском (в Грано-Маяковском сельсовете), Рубцовском (в Рубцовском

Рубцовская основная общеобразовательная школа № 26 им. А.С. Пушкина.

Здание бывшего мужского реального училища им. А.С. Пушкина, г. Бийск.

сельсовете), Топчихинском (в Макарьевском сельсовете) и Шипуновском (в Пороженском сельсовете) районах. Также в Михайловском сельсовете Змеиногорского района и в Васильчукском сельсовете Ключевского района были колхозы под названием «Память Пушкина». В годы Великой Отечественной войны названия хозяйств стали и адресами для похоронок семьям невернувшихся солдат – рубцовчанина Петра Михайловича Кривенцова, топчихинцев Якова Ивановича Суковатова и Петра Григорьевича Фатеева, шипуновца Емельяна Матвеевича Бревнова. Сейчас у Рубцовска есть село Пушкино, сохранившее название бывшего хозяйства. Но название Пушкино еще в январе 1942 года попало и в похоронку для семьи рубцовчанина Василия Тихоновича Калычева.

О примере своеобразного бартера в пушкинском колхозе в военное время было рассказано в издании «Великая Отечественная война: военно-исторические очерки в 4-х книгах» (Институт военной истории, Наука, 1999): «Широкое распространение получила меновая торговля. Горожане везли в деревню одежду, обувь, посуду, мыло, какое-то имущество, только бы обменять все это на картофель, свеклу,

квашеную капусту, соленые огурцы, а если очень уж повезет, то на масло, яйца, мясо или сало. Причем товарообмен осуществлялся не только между частными лицами, но и между каким-то предприятием и колхозом. «Приезжает из Барнаула к нам машина, – рассказывала председатель колхоза им. Пушкина Топчихинского района Алтайского края Кузнецова, – не знаю, с какого предприятия, и привозит вилы, лопаты, тазы, гвозди, проволоку – все это нужно колхозникам, а они набрали себе три машины. Они брали 6 килограммов муки за ведро; 6 килограммов муки за таз или 5 ведер картошки, масло, яйца. И все это расхватали».

В Рубцовске сейчас есть школа им. Пушкина. Была школа им. Пушкина и в Волчихинском районе: «Так, например, в Волчихинском районе работают 23 тимуровские команды с охватом 274 пионера и школьника. Ими проведено 3 концерта, собранные средства, с которых в сумме 1150 р. переданы в фонд помощи детям фронтовиков. Тимуровские команды школ им. Кирова и им. Пушкина оказали большую помощь 40 многодетным семьям фронтовиков, засадив им огороды, а в настоящее время помогают в уборке урожая с огородов» – рассказано в издании Людмилы Илларионовны Снегиревой «Во имя победы: спасенное детство», издательство ТГПУ, 2005.

ПУШКИНИСТ ИЗ БИЙСКА

Среди выпускников Бийской педагогической академии есть и такой: Shmuel Shvartsband, PhD., is a graduate of the Daugavpils Pedagogical Institute (Latvia). He taught in various schools in Latvia and at the Biisk Pedagogical Institute (Russia). Since 1984 he has been a professor at the Hebrew University, Jerusalem. He is the author of two monographs on A.S. Pushkin and over 100 articles (ranging in subject matter from Old Russian literature to Mandel'shtam).

У работающего сейчас в Университете Иерусалима Самуила Шварцбанда пушкинская тема появилась давно. Среди его публикаций есть, например, статья «А. Мицкевич и А. Пушкин, 1830-1833 гг.

[К творческой истории создания «Медного всадника»]. Есть и другие работы, посвященные Пушкину, в том числе наполеоновской теме. Наверное, действительно символично, что земляк легендарного генерала — бийчанина Скалона, выпускник Бийского пединститута писал о наполеоновской теме у Пушкина?

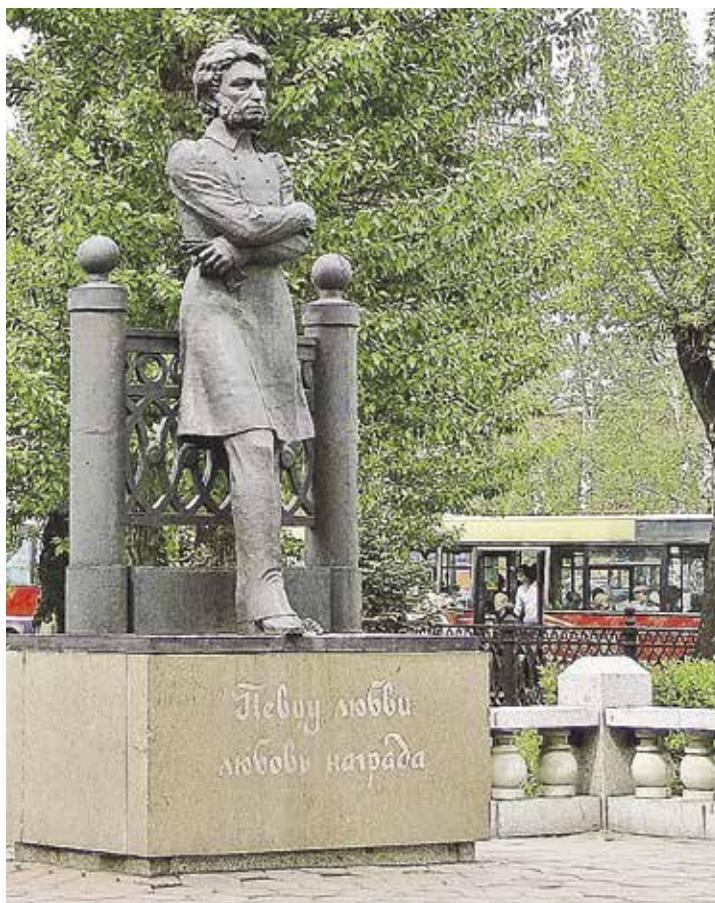
В 2014 году у Самуила Моисеевича вышла очередная книга о Пушкине «Пушкин: опыты в стихах и прозе» («Дмитрий Буланин»).

ЖЕНЩИНЫ ПУШКИНА: ВЗГЛЯД ИЗ БАРНАУЛА

Биографиями женщин золотого века русской поэзии глубоко занималась в свое время барнаульский библиотекарь. Ее исследования упоминались на Пушкинской конференции в Воронеже: «Собирательница из Барнаула — библиотекарь Балыкова Раиса Витальевна решила написать книгу о женщинах пушкинского окружения. Она долгие годы собирала материалы по этой теме, выступала с лекциями «Адресаты лирики Пушкина» («А.С. Пушкин в Воронежских степях: материалы Первой Пушкинской конференции», Российский фонд культуры. Воронежское отделение, ВИГО «Генезис», Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, 1994).

ПРЕМИИ И СТИПЕНДИИ

Во время празднования в Барнауле столетия Пушкина в 1899 году самоуправлением города была открыта подписка на пожертвование средств для Стипендии им. А.С. Пушкина в Барнаульском реальном училище. К 1903 году необходимая сумма была собрана, положена в банк, и на проценты учреждены две Пушкинские стипендии — в реальном училище и женской гимназии. Как писал архивист Яков Кривоносов, стипендии назначались специальной комиссией «наиболее бедным учащимся» ежегодно вплоть до Гражданской войны. Открывая 6 июня 1999 года памятник Пушкину в Барнауле, мэр краевой столицы Владимир Баварин объявил об учреждении Пушкинских стипендий для молодых поэтов. Со временем стипендии стали называться Пушкинскими премиями. Первое вручение состоялось в 2000 году, лауреатом стала Елена Безрукова — ныне начальник управления Алтайского края по культуре и архивному делу. С 2005 года совместно с краевой писательской организацией и Алтайским крайкомом КПРФ была учреждена еще одна Пушкинская премия, так называемая малая Пушкинская премия. Первым ее лауреатом стала Юлия Нифонтова.

История Петропавловского собора Барнаула, построенного в 1774 году, во многом похожа на судьбы всех храмов России и в то же время индивидуальна. Разрушенный в 1935 году, он стал почти не известен молодому поколению барнаульцев, но не забыт. Архивные документы сохранили много интересных фактов, касающихся жизни первого кафедрального собора.

ПЕРВЫЙ ХРАМ В СЕРДЦЕ И ПАМЯТИ ГОРОДА

Наталья
Железникова,
заведующая
Музеем истории
православия
на Алтае.

Строительство каменного храма велось на средства сереброплавильного завода. Из Москвы был прислан проект архитектора П. Макулова, однако он был переработан горным инженером И. Медером и подпоручиком Я. Поповым. Храм был возведен на площади, названной впоследствии Соборной (ныне площадь Свободы).

О церквях градо-Барнаульского Петропавловского собора за 1841 год представлен отчет об общем состоянии прихода и храма. Из этого документа видно, что здание каменное, престолов в ней два: главный – в честь апостолов Петра и Павла – и второй предел освящен во имя св. Благоверного Александра Невского. Для собора был определен штатный состав, включавший одного протоиерея, двух иереев, двух диаконов, трех дьячков и трех пономарей. При церкви имелось пашенной и сенокосной земли 33 десятины, однако приход пользовался

только сенокосной землей, а пахотная оставалась никем не обработанной и пользы для храма, как показывают документы, не приносила. В личной собственности дом деревянный имел только диакон Николай Сапарин (?), протоиерей Васильев проживал в доме Заводовских, прочие служащие собора проживали на квартирах, так как отведенной для строительства церковной земли не было. К Петропавловскому собору с 1834 года была приписана (тогда еще деревянная) кладбищенская церковь во имя Крестителя Господня Иоанна Предтечи.

Для храма от Кабинета Ее Императорского Величества через подданного обер-бергмейстера Черницына в 1795 году, 16 сентября, были подарены облачения для ризницы. В комплект входили: риза для иеромонаха, стихари дьяконские, епитрахили, набедренники, орари, ризы для священнослужителей, подризники, поручи, воздух.

Все облачения были пошиты из дорогой парчи и отделаны серебряными и золотыми украшениями, расшиты золотом. Такой подарок подчеркивал заинтересованность Ее Императорского Величества в дальнейшем развитии Барнаула как горнозаводского города и духовного центра всего Алтайского региона. На протяжении 150 лет храм в полной мере соответствовал своему статусу главного соборного храма Алтая.

Потрясения 1917 года коснулись Русской православной церкви со всей широтой и масштабностью разрушений. По России прокатились волны закрытия и уничтожения храмов. Репрессий против священства. Однако программа по ликвидации РПЦ имела свои определенные этапы, одним из которых стало обновленческое движение.

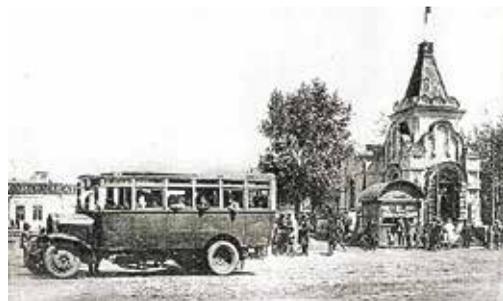
Главным вдохновителем и организатором обновленческого раскола стала советская власть, стремившаяся разделить Церковь на отдельные части и затем уничтожить ее. Истинное отношение к Церкви советская власть показала, когда, на словах выражая поддержку обновленцам, с 1929 года репрессировала духовенство и верующих, не делая разницы между церковными ориентациями.

В Барнауле в 1925 году храм Святых Апостолов Петра и Павла был передан обновленческой общине. На тот период здание храма находилось в идеальном состоянии, но по истечении восьми лет и ситуация изменилась.

В 1933 году, 15 мая, состоялось общее собрание общины обновленцев Петропавловского собора. В архивных документах не указано количество членов общины, основанием же организации собрания послужила необходимость размещения в здании храма городского совета. Однако в повестке собрания напрямую упомянут лишь один вопрос – о дальнейшем содержании Петропавловского собора.

В сообщении церковного совета особо подчеркивалось, что из представленных цифровых данных видно, что бюджет собора за 1932 год отразился в сумме 5795 руб. 71 коп. Но на содержание и на поддержку клира этой суммы в 1932 году не хватило. Потребовалась значительная помощь со стороны, которая и была оказана Алтайским епархиальным управлением из суммы свечного производства. Всего из указанного источника было потрачено денежных средств на сумму 8338 руб.: на отопление 2100 руб., на содержание хора 2400 руб., на уплату налогов 1038 руб., на содержание притча 1600 руб., на очистку мостовой 1200 руб. Однако, как указывается в протоколе, удовлетворения получили лишь самые необходимые нужды, а решение ряда вопросов было отложено. Так при соборе упоминается сторож, который, если верить архивному документу, никогда не справлялся со своими обязанностями, и все дефекты караульной службы были якобы обусловлены скудностью материальных средств.

Отсутствие в течение ряда лет какого-либо ремонта стало приводить здание собора в упадок: отваливалась штукатурка, крыша

прохудилась, дала течь и стала ржаветь, потолок внутри храма был испорчен от постоянной влаги, печи давно не работали и были заменены на железные. Стены и потолок нуждались в ремонте и покраске.

В докладе отмечено, что по приблизительным подсчетам весь ремонт храма, не считая текущих расходов на его содержание в 1933 году, может потребовать 50 тыс. руб. Изыскать такую сумму не представлялось никакой возможности, тем более что епархиальное управление в 1933 году отказалось что-либо предоставлять, ссылаясь на сокращение производства и крайнюю нужду. Собственные средства слишком незначительные, община очень мала.

В заключение доклада было подчеркнуто, что, учитывая все вышеперечисленные обстоятельства, община вынуждена просить Барнаульский городской совет освободить ее от заключенного ранее договора на пользование Петропавловским собором и разрешить влиться в состав обновленческой общины Вознесенского храма. Кроме того, община просит перенести в Вознесенский храм резиденцию епископа, а так как Вознесенский храм не был для такого служения подготовлен, то нужно передать из Петропавловского собора все, что необходимо для архиерейского служения.

В 1935 году Петропавловский кафедральный собор был разобран, фундамент частично взорван. Из газеты «Красный Алтай» от 21 мая 1935 года: «Городской совет доводит до сведения граждан города Барнаула, что в ночь с 21-го на 22-е мая начиная с 12 часов горкомхозом будут производиться небольшие подрывные работы основания бывшего собора. Вход на площадь во время подрывных работ строго запрещен».

Сегодня на месте, где когда-то стоял храм, разбит сквер и установлены памятники, а молодежь с удивлением слушает рассказ о первом каменном соборе Барнаула. По Соборной площади проезжают машины, спешат прохожие и не задумываются о том, что здесь бьется сердце нашего города, а ангел молится за нас и ждет, ждет вот уже много лет возрождение храма.

Использованы документы Алтайского государственного архива:

Ф138 оп. 1 м. 2Д. 41;

Ф26 оп. 1 м. 1Д. 1132;

Ф26 оп. 1 м. 1Д. 1129

Датой создания Третьяковской галереи традиционно считается 1856 год, когда московский купец и промышленник Павел Михайлович Третьяков (1832–1898) приобрел первые работы современных русских художников. То есть в этом году Третьяковке – 160 лет. Кто из барнаульцев попал в знаменитую галерею за прошедшие полтора века? В 1995 году 14 автопортретов барнаульского художника Василия Фёдоровича Рублёва были приобретены Государственной Третьяковской галереей. Это стало продолжением давней традиции.

БАРНАУЛЬЦЫ – НА ПОРТРЕТАХ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ

Евгений
Платунов.

ДОЧЬ НАЧАЛЬНИКА ЗАВОДОВ

Портрет работы Александра Григорьевича Варнека в Третьяковской галерее сохранил для нас облик Екатерины Борисовны Ахвердовой, урожденной Меллер. Датируется портрет «не ранее 1817 года». Екатерина Ахвердова – дочь Бориса Ивановича Меллера – начальника Колывано-

Воскресенских заводов (1779-1785), правителя Колыванской области, затем губернии (1779-1796).

В Колыванскую область вошла тогда большая часть округа Колывано-Воскресенских заводов. Руководство ими стало осуществляться через Казенный департамент (с 1783 года – Горную экспедицию). В указе о назначении Меллера говорилось, что «самовластие и неограниченная суровость» прежнего начальника заводов Ирмана породили среди большей части горных офицеров уныние и робость «объявлять мнение свое или совет полезной». Меллеру предписывалось «человеколюбием и кротостью» вывести их из этого состояния, всячески поддерживать тех, кто честно трудится, а с нерадивыми «поступать без послабления, как закон повелевает» (цитирую по книге Василия Гришаева «Алтайские горные офицеры»).

Любопытно выглядит послужной список в биографии зятя Бориса Ивановича Меллера – Николая Исаевича Ахвердова: «В 1776-м окончил шляхетский кадетский корпус с чином поручика и золотой медалью.

Командирован за границу в числе троих питомцев корпуса, выбранных в спутники графу Бобринскому, побывал в Германии, Англии, Франции и Италии и занимался изучением памятников искусства.

По возвращении из-за границы в 1779-м произведен в секунд-майоры и назначен воспитателем в кадетский корпус.

В 1782-м перешел на службу в Экспедицию о государственных доходах.

В 1788-м – поручик при правителе Колыванского наместничества. В этой должности он содействовал устройству Колыванских рудников.

В 1797-м назначен Архангельским гражданским губернатором, 1 сентября 1798 года

уволен, но через две недели принят снова на службу по провиантмейстерской части».

По рекомендации Рибаса Николай Ахвердов был назначен кавалером к великим князьям Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу. В 1802 году Ахвердову было поручено преподавание русского языка, истории и географии, а с половины 1804 года — и арифметики. Учебные занятия Ахвердова с великими князьями продолжались почти до самой его смерти: еще в начале 1816 года он проходил с будущим царем Николаем I русскую историю.

С 1807 года Николай Ахвердов — генерал-майор. Известен он как писатель и переводчик, а с 1806 года стал почетным членом Академии художеств: Ахвердов перевел на русский язык и напечатал «Письмо дон Антония Рафаела Менгса, первого живописца двора Его Величества Короля Испанского, к Дон Антонию Понзу, переведенное с испанского (писанного самим художником) на итальянский, а с итальянского на российскую» (СПб, 1786).

Самое известное изображение Николая Ахвердова отпечатано с работы того же художника Варнека, который выполнил и портрет Екатерины Ахвердовой.

По своей педагогической должности Николай Исаевич Ахвердов продолжил в определенной степени барнаульско-алтайскую традицию, по которой наставником будущего императора Павла I стал в свое время сын другого начальника Кольвано-Воскресенских заводов — Семён Андреевич Порошин.

ЕЩЕ ОДИН ЗЯТЬ

Любопытно, что в Третьяковской галерее есть и портрет свояка Ахвердова — другого зятя Бориса Меллера: бывший житель Барнаула, капитан конной роты Кольванского горного батальона Василий Семёнович Хвостов изображен на портрете Ореста Кипренского. Этот портрет в Третьяковской галерее датируется 1814 годом, когда Хвостов (злостными усилиями губернатора Сибири Пестеля, отца декабриста) уже вышел в отставку с поста первого губернатора Томской губернии.

Томский историк Виктор Гахов подробно изучил биографию первого общего для Западной Сибири губернатора. «Непрост был жизненный путь этого человека. На своем веку он повидал взлеты и падения, награды монарших особ и опалу от злого навета».

Василий Хвостов родился в маленьком городке Гдове Петербургской губернии в самом конце 1754 года. Его отец — небогатый помещик — не мог обеспечить сыну ровную и накатанную дорогу к славе, чинам и наградам. Василию пришлось выбиваться наверх в основном благодаря своей энергии и способностям.

Окончив Петербургскую гимназию, Хвостов начал в семнадцать лет государеву службу в качестве секретаря знаменитого графа Григория Орлова. В 1779 году в жизни Хвостова произошел крутой поворот. Новый начальник Кольвано-Воскресенских горных заводов Борис Иванович Меллер предложил ему поехать вместе с ним в центр горного округа город Барнаул. Здесь Василий Семёнович провел девять лет, которые считал самым счастливым временем в своей жизни. В Барнауле он начал военную службу, командуя конной ротой.

В 1782 году после учреждения Кольванского областного управления Хвостов был отправлен Меллером в столицу с донесением о выполнении этого административного преобразования. Здесь при содействии своих кураторов — князей Вяземского и Омуфьева — он был представлен государыне Екатерине. Хвостов императрице явно приглянулся. Она одарила его золотой табакеркой и сотней червонцев. Пробы в Санкт-Петербурге месяц, Василий Семёнович вернулся в Барнаул, оставил военную службу и устроился на должность советника в гражданскую палату.

По долгу службы Хвостов много путешествовал по Алтаю, познавая секреты горного дела. Попутно он собрал богатейшую коллекцию минералов, которую позднее из-за финансовых затруднений продал за круглую сумму Российской академии наук.

В 1788 году Василий Семёнович, движимый честолюбивыми намерениями, решил круто изменить свою судьбу и перебрался в Санкт-Петербург. В 1793 году решил попробовать себя на дипломатическом поприще. Из столицы он отправился в составе делегации чрезвычайного русского посла, будущего фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова. По прибытии из Турции Хвостов вскоре оставил службу и ушел в отставку в чине статского советника, сделав за пятнадцать лет завидную карьеру.

А вот в семейной жизни он был не так удачлив. В первый раз Хвостов женился в 1784 году на дочери своего покровителя Меллера Марии. В браке они счастливо прожили одиннадцать лет. Супруга родила Хвостову шестерых детей, но четверо из них умерли в младенчестве. Во время седьмых родов Мария скончалась вместе с ребенком. Погоревав, спустя три года Хвостов женился снова. Его избранницей стала Екатерина Кулюбакина, но она, к сожалению, повторила печальную судьбу своей предшественницы – умерла при родах.

С момента отставки Василий Семёнович в течение восьми лет постоянно проживал в своем имении, заботясь о его благоустройстве. Лишившись второй жены, Хвостов, видимо, желая отвлечься от печальных раздумий, покинул имение и отправился в столицу для продолжения государственной службы. Воспользовавшись протекцией своих высокопоставленных друзей, прежде всего сподвижника императора Александра I графа П.А. Строганова, Хвостов получил в 1803 году должность руководителя еще не созданной Томской губернии. Его непосредственный начальник генерал-губернатор И.О. Селифонтов держал в уме другого кандидата. Узнав о назначении Хвостова, при личной встрече открыто выразил свое неудовольствие по этому поводу, но ставить палки в колеса первому томскому губернатору не стал, а наоборот, дал Василию Семёновичу полный карт-бланш на назначение чиновников в губернские учреждения. На сибирскую службу Хвостов старался принять людей толковых, деятельных и честных. Многих своих подчиненных он знал еще по барнаульскому периоду.

Свой полувек юбилей Хвостов встретил в роли наместника царя-батюшки в огромной Томской губернии. В 1804 году новоиспеченная губерния располагалась на территории современных Томской, Новосибирской, Кемеровской областей, Алтая и всего Красноярского края. Шесть Франций или четырнадцать Англий могли свободно разместиться на такой площади.

Сразу по приезде в Томск Хвостов рьяно взялся за новое дело. В короткий срок были

созданы все необходимые государственные институты: губернское правительство, прокуратура, уголовный суд и другие. Василий Семёнович приложил руку и к открытию в 1806 году первой томской больницы. При нем начали появляться общественные бани. Под его постоянной опекой находился Томский приказ общественного призрения – государственная благотворительная организация, ведавшая устройством школ, больниц и различных богоугодных заведений. А вообще, большую часть времени губернатору приходилось уделять скучной рутинной работе – чтению жалоб и удовлетворению прошений. Захотел какой-нибудь ссыльный поменять место своего проживания – пишет ходатайство на имя губернатора. Обидели солдатскую вдову, не дали пенсию – одна надежда на царского наместника. Ни один крупный чиновник не мог быть снят или назначен без санкции первого лица губернии.

Добросовестному губернатору до всего было дело. Уже в первый месяц своей работы он обратил внимание на отвратительное качество мяса, которым торговали на местном базаре купцы Иван Сапожков и Михаил Губинский. В результате вмешательства губернского начальника коммерсанты были примерно наказаны.

По воспоминаниям одного из современников: «Хвостов был человек тучный, степенный, рассудительный, лицо имел багровое, говорил тихо и размеренно, действовал осторожно, однако же не медленно. Если прибавить к тому, что он был самых честных правил и исполнен человеколюбия, то надо признаться, что лучших качеств для занимаемого им места требовать не можно».

Для того чтобы иметь представление о положении дел в провинции, Хвостов неоднократно совершал инспекционные поездки в самые отдаленные уголки губернии, приносящие реальную пользу. Например, его стараниями был предотвращен голод в Туруханском уезде.

Несмотря на свой почтенный возраст, Василий Семёнович был полон благородных реформаторских порывов, суть которых он изложил министру внутренних дел при посещении в 1806 году Санкт-Петербурга. Например, Хвостов предложил открыть школы для коренных жителей, построить солеварный завод в верховьях Енисея, перенести город Нарым в более удобное место. Им была выдвинута идея об отмене сбора ясака с инородцев натурой, который давал чиновникам много возможностей для злоупотреблений, не принося при этом видимой пользы казне.

К несчастью для Хвостова, подобные здравые предложения оказались не по душе его непосредственному начальнику генерал-губернатору Сибири И.Б. Пестелю

(отцу будущего декабриста П.И. Пестеля). Сибирский наместник, по единодушному мнению знавших его, был человеком малограмотным, крайне ограниченными и в то же время с непомерными амбициями. Его мстительность и страсть к произволу поломали карьеру и исковеркали жизнь многим, в том числе и Хвостову. Придравшись к одному незначительному упущению Хвостова, Пестель настроил на него злобный донос, из-за которого Василию Семёновичу пришлось уйти в отставку и потом в течение почти двенадцати лет отмываться от необоснованных обвинений.

Помог Хвостову реабилитироваться следующий сибирский генерал-губернатор М.М. Сперанский. Он тщательно вник в суть дела и нашел, что: «Хвостов невиновен, будучи обвинен по личным недовольствам генерал-губернатора; служил же он в Сибири с истинным усердием и бескорыстием, оставив о себе доброе имя и лучшие отзывы». В докладе императору Сперанский отметил, что «Хвостов, находившийся совершенно незаслуженно под судом 6 лет, достоин правосудного Его Величества на службу его воззрения и справедливому по примеру других вознаграждения». Император прислушался к мнению Сперанского. В 1822 году Хвостов был пожалован в сенаторы и получил чин тайного советника.

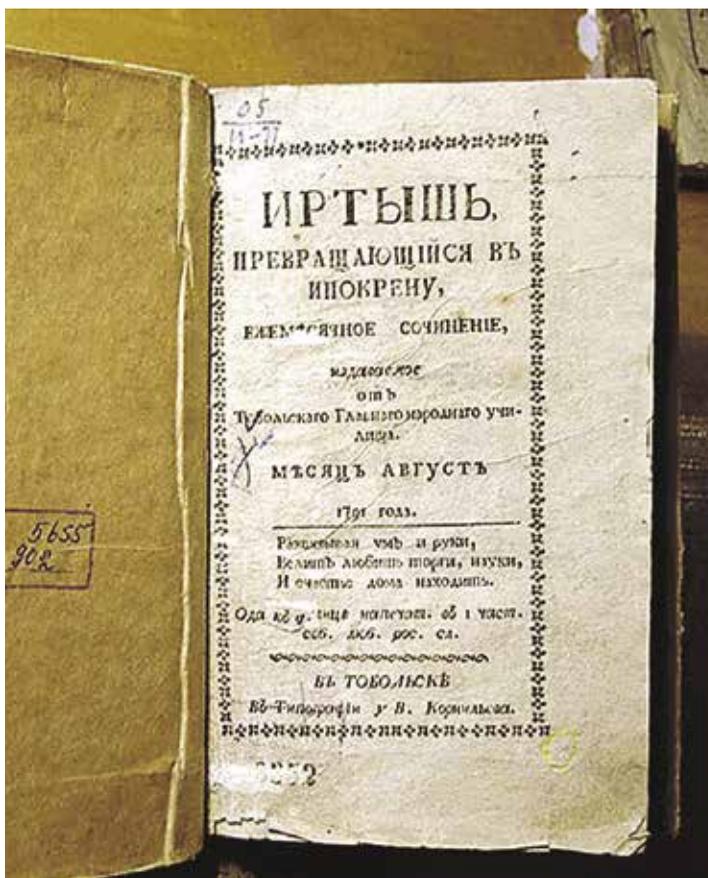
Уже на склоне своих дней, в возрасте шестидесяти лет, бывший томский губернатор женился в третий раз, на молодой красавице Дарье Николаевне Арсеньевой. Очарование ее было так велико, что знаменитый русский художник О.А. Кипренский с удовольствием согласился написать совместный портрет Хвостова и его жены. Сейчас эта картина — одна из жемчужин Третьяковской галереи.

Чтобы как-то разнообразить свои дни, Хвостов на старости лет принялся писать мемуары, в которых он подробно описал все изгибы и повороты своей нелегкой, но чрезвычайно интересной жизни. До самого последнего момента Василий Семёнович живо интересовался тем, что происходит в далекой, но ставшей ему родной Томской губернии. Умер он в 1832 году в возрасте 77 лет.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ «ТРИЛЛЕР» XVIII ВЕКА

Насколько вольно при Меллере вели себя чиновники, можно судить на таком примере.

В первом литературном журнале Сибири «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» в марте 1790 года Ахвердов опубликовал сатиру «Волк-судья, или Наказанные злость и невежество» — памфлет на председателя Колыванской палаты уголовного суда Семёна Шалимова, изображенного в образе невежественного волка, совершенно

несведущего в грамматике. Резолюции волка, построенные на принципе фонетического письма, вызывают дружный смех зверей, что доводит волка до самоубийства. Мораль басни: «Знай, сверчок, свой шесток». Шалимов пожаловался в Сенат, но Ахвердов в августовском номере журнала возобновил атаку на судью, написав продолжение прежней басни — с ироническим отпеванием погибшего волка. Через год, в августе 1791 года, в «Иртыше» появилось еще одно продолжение басни про волка, в котором он возвращается с того света в виде вампира. Специалисты считают, что к третьей части басни Ахвердов уже не имеет отношения.

Кстати, жена брата Николая Исаевича Прасковья Николаевна Ахвердова, урожденная Арсеньева (1786-1851), — близкий друг А.С. Грибоедова и воспитательница его будущей жены Н.А. Чавчавадзе. Муж Прасковьи Николаевны Фёдор Исаевич Ахвердов (1774-1820) был начальником Кавказской артиллерии. Иракий Андроников отметил в работе «Лермонтов. Исследования и находки»: «До самого последнего времени никому не было известно, что Лермонтов находился с Прасковьей Николаевной Ахвердовой в родстве. Между тем она — урожденная Арсеньева — доводилась троюродной сестрой покойной матери Лермонтова, а самому ему — троюродной теткой».

Что такое настоящая слава? Одни говорят, что лучшая слава – это деньги. Другие, что слава – это солнце мертвых и прижизненного признания достичь невозможно. Гавриил Державин на примере Александра Суворова показал, что истинная слава – это когда достаточно произнести имя героя, без добавления его титулов, и все сразу понимают, о ком идет речь. Марку Иосифовичу Юдалевичу повезло. В родном крае он достиг именно такой известности. Его узнавали на улицах – наверное, первый и единственный случай в алтайской литературе.

Владимир
Токмаков.

И ДОЛЬШЕ ВЕКА ДЛИТСЯ ЖИЗНЬ...

Фото из архива
автора.

«ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА»

В апреле 1990-го Алтайское отделение Союза писателей СССР и Алтайская комсомольская организация решили провести литературный семинар молодых. На последний и решительный бой, как мы тогда считали, с монстрами соцреализма пришли представители всех существовавших в Барнауле неформальных литобъединений: ЭРА, ГРИАДКа, «Город», «Свет», альманах «Ликбез». Руководителями семинара были поэты В. Сергеев, В. Башунов, И. Пантюхов и другие.

В перерыве ко мне подошел высокий улыбающийся старик. Про себя я отметил, что так улыбаются уверенные в себе, известные люди. Для меня, тогда 20-летнего, все старше 40 лет казались стариками. Он сказал, что прочитал мои стихи, первую подборку, опубликованную в альманахе «Алтай», и предложил зайти к нему в гости. Назвал телефон. «А кого спросить?» – «Марка Иосифовича Юдалевича».

Тут я немножечко опешил. Фамилию Юдалевич я, естественно, слышал еще в школе. Но в лицо писателя не видел ни разу. Тем более так близко. А тут вдруг...

Патриарх алтайской литературы подходит к зеленому студенту университета и как равный с равным говорит.

Так я познакомился с Марком Иосифовичем, так начались наши многолетние дружеские отношения. Уже позже я узнал, что возиться с молодой поэтической порослью – его любимое (после писательских дел) занятие.

Секрет его молодости был в непреходящем любопытстве к окружающей жизни, людским судьбам, человеческим отношениям. «Старик, что нового у тебя (у вас, у них), в мире (на работе)?» – первый вопрос, которым встречал своих многочисленных гостей Марк Юдалевич. Как-то тогда я не задумывался, что родился он еще при Ленине (в 1918 году!), потом ему «посчастливилось» жить при всех правителях – от Сталина и Хрущёва до Горбачёва и Ельцина. Участвовал в боях Великой Отечественной войны, был ранен, награжден орденами и медалями. Несколько раз бывал на целине. Никогда не хвастался своей богатой биографией, зато написал обо всем этом много прекрасных стихов, рассказов, повестей.

Отрывок из интервью для «Российской газеты» (ноябрь, 2008 год):

– Марк Иосифович, вы ведь, вернувшись с фронтов Великой Отечественной войны, успели и в космополитах побывать?

– В конце марта 1949 года меня уволили из «Алтайской правды» с формулировкой: за грубые политические ошибки и искривление линии партии. В газете я возглавлял отдел культуры и быта. Но благодаря участию в моей судьбе писателя Константина Симонова через некоторое время меня на работе восстановили.

Был у нас в газете такой посредственный,

малограмотный журналист, но зато идейный большевик и ревностный борец с космополитизмом Лука Спицын. Наш редакционный сатирик Алексей Сотников подсунил как-то ему информацию: «В Барнауле прибывает бригада писателей – Яков Полонский, Лев Мей и Константин Балмонт». Возмущенный Спицын побежал к редактору газеты: «Вы посмотрите, что творится. Надо принимать меры. Одних евреев посылают».

Марк Иосифович здорово «наследил» в литературно-художественной, краеведческой и общественной жизни региона. Если кто-то не видел его пьесы, то наверняка читал прозу, если не читал прозу, то интересовался стихами. Однако все вышеперечисленные категории наших читателей знают хотя бы то, что Марк Иосифович воскресил, воссоздал прекрасную легенду о высокой любви. Он написал удивительную повесть «Голубая дама». После нее по Барнаулу стало ходить множество таинственных историй и притч, связанных с появлением Голубой дамы. Да Марк Иосифович и сам со временем превратился в полуполюгендарный персонаж барнаульского фольклора. Наши местные деятели культуры из поколения в поколение звали его Марком: это звучало как пароль между своими.

Отрывок из интервью для «Российской газеты» (ноябрь, 2008 год):

– **Марк Иосифович, о советской цензуре ходит столько легенд, вам с ней тоже наверняка приходилось сталкиваться?**

– Да, было дело. Помню, цензура сняла с полосы «Алтайской правды» мою статью к 50-летию со дня рождения Есенина. Мотивировка: вы цитируете – «Цветы мне говорят – прощай, головками склоняясь ниже». Это что? Грусть. Куда вы зовете советских людей? Другой раз во время дежурства по номеру – телефонный звонок. «Говорит Попова из ЛИТО. Что вы все время портачите! Пишете «двести голов скота», а где же туловища?».

Вспоминаю такой случай. Секретарь крайкома партии Василий Трушин пришел на вернисаж и стал давать оценки: «Ничего, но можно бы и покрасочнее», «Бледновато как-то», «Вот это красиво!». Вдруг заинтересовался: «Эту картину кто написал? Автор здесь? У меня есть серьезные замечания». Художник немедленно явился. И тут Трушин выдает историческую фразу: «Вот сюда, – показывает на холст, – нужно добавить два сантиметра неба».

«Я прожил в Барнауле почти всю жизнь, уезжал отсюда только на войну и учебу, – рассказал мне Марк Юдалевич в 1990-е годы. – Мне непросто расставаться с уходящим в прошлое старым городом. Раньше

в свободное время очень любил побродить по старинным кварталам, примыкающим к Оби. Я ведь помню, как мы там гуляли еще с Михаилом Светловым, Ярославом Смеляковым, Александром Яшиным, когда они приезжали к нам в город в творческие командировки».

Отрывок из интервью для «Российской газеты» (ноябрь, 2008 год):

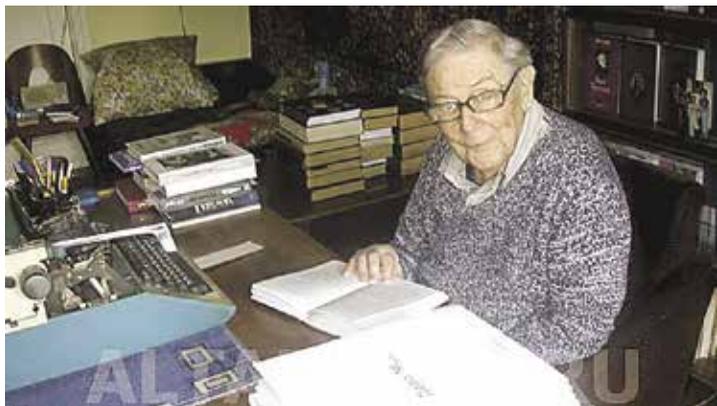
– **Видимо, здоровое чувство юмора здорово вам помогало жить в те непростые времена?**

– Так было всегда, веселое перемежается с грустным, трагическое с комическим. Мне повезло дружить и встречаться с лучшими писателями той эпохи. Например, с Михаилом Светловым. Как-то он гостил у нас в крае. Руководящий товарищ возил нас на новенькой «победе» по районам и везде не забывал подчеркивать свою роль: «У трактористов трехразовое питание – это я организовал. Первый в районе книжный магазин – это я организовал». И так без конца – организовал, организовал. Мы приехали на берег Оби. Светлову хотелось помолчать, полюбоваться сибирской рекой, но наш неугомонный гид уже энергично шел к нему. «Скажите, – поинтересовался у него Светлов, – а Обь не вы организовали?».

ОСЕНЬ ПАТРИАРХА

Марк Юдалевич долгое время был центром притяжения для всей местной литературы, давая путевки в жизнь молодым поэтам и прозаикам. Это потом, уже став известными писателями, они как-то стеснялись об этом говорить.

В 1994-м я окончил университет, устроился работать в «Вечерний Барнаул».

Писать приходилось много. В том числе вести несколько тематических полос. Мне поручили заниматься заполнением страницы «Вечернее чтение», и я тут же вспомнил о Марке Иосифовиче. Позвонил, зашел в гости, предложил сотрудничество.

— Спасибо, старик, а то я подумал, что меня уже стали забывать, — сказал он. Забыть, конечно же, не забыли, но многие молодые коллеги, работавшие тогда в «ВБ», с удивлением спрашивали:

— Марк Юдалевич? Тот самый? А он что, еще жив?

Так Марк Иосифович стал регулярно писать для «ВБ». После работы я заходил к нему в гости в дом под шпилем. И мы до моего последнего автобуса, идущего в спальный Индустриальный район, разговаривали с Мэтром о литературе, журналистике, политической жизни. Эти беседы были для меня настоящей школой мастерства и погружением в живую историю. Как раз в эти годы он работал над книгой исторических очерков о Барнауле. Казалось, Марк Иосифович знал о Барнауле все. Умел рассказать о нем увлекательно, причем о таких вещах, о которых я раньше и слыхом не слыхивал.

Благодаря этим встречам я по-настоящему полюбил город, перестал относиться к нему снобистски, презрительно, как к глухой и отсталой сибирской провинции. Я вдруг понял, что ничего о городе не знаю. Марк Иосифович рассказывал мне много городских мифов и легенд, баек и анекдотов, которые сам почему-то нигде так и не использовал.

У него была большая, может быть, в те годы лучшая в городе поэтическая библиотека. Тогда не было еще ни компьютеров, ни Интернета, и многих не известных мне доселе поэтов я прочитал благодаря его рекомендациям.

Помню, как он рассказывал о выходе в Барнауле его первой прозаической книги — повести «Газетки» в 1961 году. Повесть наделала много шума, так как некоторые его знакомые — журналисты из «Алтайской правды» узнали себя в ее героях. Запомнилась история, как Марк Иосифович с первых

литературных гонимых от издания книги в конце 1940-х купил маме небольшой дом, кажется, на улице Анатолия.

Рассказывал он мне и о том, как на фронте чуть было не попал под трибунал. Во время боя, после смерти командира батальона, он взял командование на себя. Чтобы отразить атаку немцев, принял решение снять пулеметы, охранявшие командный пункт, и выставить их на фланги. Тут-то и произошел конфликт со смершевцем, который требовал вернуть пулеметы на место. Марк Иосифович вступил с ним сначала в словесную перепалку, а потом сгоряча выстрелил в его сторону. Атака была отбита, но лейтенанта Юдалевича через несколько дней чуть не отдали под трибунал. Рассказывал, как однажды во время рукопашной руками задушил фрица, и это потом часто снилось ему ночами. Войну Марк Иосифович закончил в звании капитана.

Запомнились истории о его работе военным журналистом, когда ему, уже корреспонденту «Красной звезды», посчастливилось сделать интервью с маршалом Жуковым и маршалом Рокоссовским.

В 1990-х острые, резонансные, полемические статьи Марка Юдалевича становились настоящим событием для читателей «Вечёрки»: «Время сутяг», «Умеет ли русский человек работать?», размышления писателя о современном состоянии общества и многом другом. Будучи у него в гостях, я слышал, как по телефону некие раздраженные чиновники грозилась подать на Марка Иосифовича в суд за то или иное острое выступление.

Для меня всегда был загадкой тот факт, что, не являясь членом коммунистической партии, он всю жизнь оставался самым последовательным сторонником коммунистических идей. Причем отстаивал идеи социального равенства и справедливости, соблюдения конституционных прав на бесплатное образование, медицину, необходимость сильного суверенного государства именно в те времена, когда многомиллионная армия коммунистов разбежалась. Райкомовские и крайкомовские бонзы стали банкирами или бизнесменами и стеснялись своего коммунистического прошлого. А Марк Иосифович не стеснялся, регулярно публикуя в местной прессе острые полемические статьи о том, как разворовывают и разваливают некогда великую страну.

В «ВБ» он публикует материалы и на исторические темы: «Молочный бунт: история Анатолия Ивахненко, датчанина», «Степан Гуляев: труды и дни», «Колдун Ползунов, изобретатель «огненной машины», «Губернатор — внук крепостного» (о Петре Фролове), «Достоевский в Барнауле», «Странная» судьба Степана Исакова», «Премудрая Крыса Онуфрий», «Мальчик с берегов Убы — доктор философии

в Америке» (о Георгии Гребенщикове) и т. д. Думаю, эти статьи помогали «ВБ» поддерживать тираж, а вот гонорары тогда платили скудные и крайне нерегулярно.

В 1993-м Марк Иосифович основал литературно-публицистический журнал «Барнаул», в котором находилось место писателям всех жанров и направлений.

Многие тогда задавались вопросом: зачем и почему в столь непростое время он решил издавать новый журнал? Дело было вот в чем. Произошел конфликт. Редакция «Алтая» отвергла несколько новых произведений Марка Юдалевича. И, как выяснилось, не только его. Суть претензий редакторов мне не известна. Скажу только, что и проза, и стихи Марка Иосифовича были ничуть не хуже произведений, публиковавшихся тогда в «Алтае».

Идею Марка Иосифовича поддержал Иван Кудинов, Лев Квин, Василий Гришаев, Василий Нечунаев. Так началась настоящая конкурентная борьба между литературными журналами — первый и последний раз в истории города и края. Новый литературный журнал был нужен, чтобы уйти от монополии и вкусовщины «Алтая», заостренного в литературном традиционализме и консерватизме.

На издание нужны были деньги, и не малые. Доставал их тоже в основном Марк Иосифович. Звонил своим знакомым директорам предприятий, депутатам, бизнесменам и банкирам, выходцам из коммунистов и комсомольцев, которые его хорошо знали, договаривался с типографиями. Если того требовала ситуация — надевал костюм и шел на прием к губернатору или мэру. Много делалось только под честное слово Марка Юдалевича. Его квартира того периода стала своеобразным штабом местной литературы: с утра до вечера звонили авторы, приносили свои рукописи, обсуждали с редактором следующий номер. Спорили, ругались, обижались и снова мирились.

В журнале публиковалось много молодых и малоизвестных литераторов. Марк Иосифович сумел собрать сильный авторский актив прозаиков, критиков, краеведов, поэтов. Он не только организовал регулярный выход «Барнаула», но еще умудрялся платить гонорары особо нуждающимся литераторам.

Мне он поручил критику, сказал, что у нас не очень-то любят писать честные рецензии — никто не хочет ссориться друг с другом. Так я стал писать критические обзоры, а Марку Иосифовичу на меня постоянно жаловались рецензируемые авторы. Моим плюсом было то, что я не был связан никакими цеховыми интересами с местными писательскими кружками и мог писать то, что считал нужным.

Одним из творческих методов Мэтра было рассказывание вслух историй,

которые в будущем становились его повестями и романами. Он обкатывал их на слушателях и другим советовал: прежде чем записать — сначала отточь текст устно.

Память у Марка Иосифовича была феноменальная: сотни имен, дат, поэтических строк. Он был ходячей историей, знал огромное количество литературных баек и анекдотов. Большинство из них опубликовал в книге «Однополчане» (1980) и «Два сантиметра неба» (1996). От него я впервые услышал истории о «кулацком поэте» Павле Васильеве, тогда это имя только-только возвращалось из советского забвения, об омском поэте-скандалисте Антоне Сорокине.

*Сам Сорокин идет по улице,
Да по Любинской — вот потеха!
Ну, а улица, эта умница,
Набухает, ярится смехом.
Гимназистик построил рожницу,
И уткнулась в муфту курсистка.
Старый дом от смеха корежится,
Чердаком нависая низко.
Сам Сорокин идет по улице,
А навстречу ему — лавиной,
Кто со спутницей, кто с распутницей
Офицер, чиновник, купчина.
Шум, шипение:
— Лезешь в гениш...
— Ишь, штукарь, сочиняешь книжки,
— Выставляешь себя на премию
И свои выпускаешь деньги...
— Сумасшедший! Уж это слишком...
Сам Сорокин идет по улице.
Что ж, шипите на скандалиста!
Только вы, кто с презреньем щурится,
Время вас списало по чистой.
Не нарушит оно регламента
И денег не отпустит даже.
Лишь на миг возникнете в памяти
При Сорокине антуражем.*

На мне Марк Иосифович обкатывал и повесть «Купцы», и одно из лучших своих произведений — роман «Адмиральский час». Все сто историй из сборника литературных анекдотов «Два сантиметра неба»,

пока они не стали книгой, я слышал от него в разных вариантах по нескольку раз.

С романом «Адмиральский час», по его же словам, он опоздал лет на десять-пятнадцать. Появился такая книга хотя бы году в 1986-м — это стало бы настоящим литературным событием, а сам роман наверняка литературным бестселлером. Ведь эту свою одну из главных книг он начал писать еще в 1970-х, и основной материал был уже собран.

Марк Иосифович рассказывал, что его дальний родственник, дядя Сергей Константинович Мамонтов, был адъютантом у Колчака. В 1937-м его расстреляли. Но он много успел рассказать ему и о самом Колчаке, и о том удивительном времени. Марк Иосифович имел доступ к архивам, редким документам. Дело оставалось за малым — оформить этот материал в роман. Но извечный страх перед репрессивной машиной, внутренний редактор, который сидел глубоко внутри у всех писателей, сформировавшихся в советское время, заставлял его осторожничать, перестраховываться, выжидать. Марк Иосифович сам мне говорил, что из-за этого диктата внутреннего редактора он не смог до конца реализовать свой талант, использовать в литературе все, что знал, слышал и видел за свою долгую жизнь.

Отрывок из интервью для «Российской газеты» (ноябрь, 2008 год):

— Вы автор известного исторического романа «Адмиральский час» об адмирале Колчаке. На экраны вышел фильм «Адмирал», вы его случайно не видели?

— К сожалению, нет. Свой роман о Колчаке я начал писать еще в советские годы, а вышел он в конце 1990-х годов. У меня есть одно преимущество: я лично был знаком с возлюбленной Колчака, Анной Васильевной Тимиревой. Встречался с ней в Москве, даже передал копию письма, которое Александр Колчак написал ей, но не успел отправить, и оно осталось в советских архивах, с которыми я тогда работал. Думаю, это письмо и сыграло главную роль в наших отношениях — она, к тому времени уже пожилая женщина, решительно отказывалась общаться с писателями и журналистами, но мне сделала исключение. Многие, что она мне тогда рассказала, вошло в книгу».

В 1996-м он написал трагикомедию в стихах о современности «Страна моя Метания». В Театре драмы устроили читку, Марк Иосифович говорил, что актеры слушали с интересом, смехом реагировали на наиболее удачные места, но пьесу не взяли. Мол, времена сейчас другие, пьеса в стихах — это прошлый век: никто их не ставит и зритель на нее не пойдет. Помню, отказ сильно его огорчил. Тем более ему было

обидно, что многие его пьесы шли в сибирских театрах годами, а «Голубая дама» в Театре музыкальной комедии — больше десяти лет, выдержав 500 представлений и став настоящей театральной легендой. Он не мог поверить, что времена круто изменились — и не в пользу писателей и поэтов.

В 1998-м я перешел работать в «Алтайскую правду», женился, родился старший сын Глеб. Свободного времени становилось меньше, и я стал бывать у Марка Иосифовича реже. Но все равно заходил, чтобы забрать очередную статью, теперь уже для «АП». Марк Иосифович говорил, что все эти хлопоты с журналом «Барнаул» сильно утомляют (все-таки возраст), после каждого номера обещал оставить редакторство. Но продолжал его издавать и редактировать до 2000 года. Думаю, в то время Марк Юдалевич был единственным из местных писателей, кто так активно печатался и публиковался в периодике, регулярно выпускал книги.

СОРОЧЬЯ ЯРМАРКА

В каждом российском городе или деревне есть интересные, неординарные люди, которых знают все. Правда, называют их по-разному. Шукшинские чудики, горьковские босяки, деревенские дурачки и городские сумасшедшие. Иногда такие странные люди добиваются достаточно большой известности и даже популярности в обществе. На какое-то время они становятся заметными фигурами, и порой даже умному человеку бывает трудно определить, кто же перед ним — опытный авантюрист, просто сумасшедший или действительно великий человек?

И к Марку Иосифовичу в 1990-х зачитил самодельный поэт Сергей Сорока (настоящая его фамилия Кротов). Он писал ужасные стихи, которые потом издавал отдельными сборниками со смешными названиями «Осиновая высь» или «Полет в самосожженье», «Дайте камень». Одно время он разыгрывал всех, уверяя, что у него есть брат-близнец, который иногда переодевается в Сороку и выдает себя за поэта. В доказательство Сорока показывал фотографию, где он действительно сидел с человеком, как две капли воды похожим на него. Нужно ли говорить, что это был профессиональный, качественный фотомонтаж.

Сорока издавал газету алтайских литераторов «Поэт», организовал фонд «Пушкин и Поэт» и даже издал совместно с Марком Юдалевичем книгу «Россия первая любовь».

Тогда многие удивлялись, что общего у Марка Юдалевича и Сороки, который на всех углах хвастался своей дружбой с Мэтром? Все очень просто: у Сороки был один талант — он умел добывать деньги на издание книг, газет и журналов. Уж не знаю,

что он плел этим многочисленным бизнесменам и предпринимателям, но деньги на все его проекты они давали.

Именно в его забубенную голову пришла идея поставить в Барнауле памятник Пушкину. И именно к Марку Юдалевичу он с ней пришел, прекрасно понимая, что без авторитетного слова «алтайского патриарха» найти средства, заручиться поддержкой чиновников будет трудно. О всех перипетиях строительства памятника Пушкину в Барнауле написано много. Я только хочу напомнить, что одним из первых, кто об этом заговорил и стал этот проект продвигать, был и Марк Иосифович. Его общественный авторитет и личное знакомство часто играли главную роль. Думаю, для бизнесменов и предпринимателей немаловажно было видеть под просьбами фамилию известного на всю Сибирь писателя.

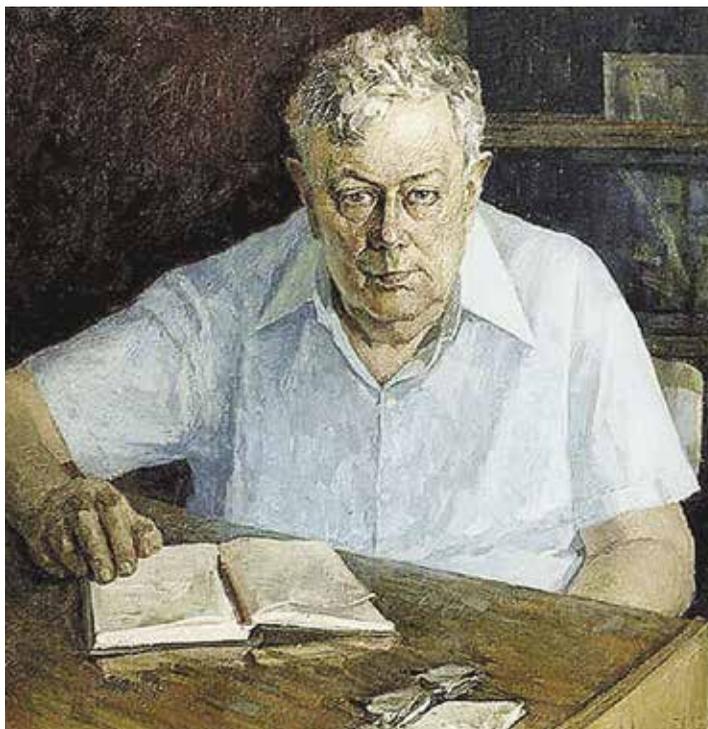
И это сработало. Памятник Пушкину, до недавнего времени единственный в Сибири, в Барнауле все-таки появился. Его открыли в год 200-летия великого русского поэта, в 1999 году. Будем честны: памятник появился в том числе и благодаря мистификатору Сергею Сороке.

ПАМЯТНИК НЕРУКОТВОРНЫЙ

Марк Иосифович рассказывал, как в 1990-х ему предложили переехать в Израиль. Тогда в эту страну уже уехали жить несколько его знакомых и родственников. Они готовы были похлопотать, чтобы ему как известному писателю, участнику Второй мировой войны предоставили и достойное жилье, и пенсию. Не поехал. Я поинтересовался: почему? Ответ угадывался: моя Родина здесь, что я там, русский писатель, буду делать, о чем писать?

Я не знаю никого, кто бы любил поэзию так, как Марк Юдалевич. Стихи писал до конца жизни и очень грустил, что в наше время поэзия больше никому не нужна. По сути, он был единственным в регионе профессиональным писателем — жил литературой, и литература помогала ему жить. Один из немногих регулярно писал рецензии, отзывы на книги молодых, давал рекомендации для вступления в СП, в том числе и нам с Михаилом Гундариным.

Марк Иосифович опубликовал две рецензии в «Алтайской правде» и на мои поэтические сборники «Аромат девушки за каменной стеной» (1995) и «Двойное дно» (1997). Для меня, начинающего и, как все начинающие, постоянно сомневающегося в себе автора, отзывы Марка Юдалевича стали настоящим событием, повлиявшим на мое дальнейшее творчество. «К чести поэта Владимира Токмакова он не боится вечных тем — пишет о жизни и смерти, смысле бытия, верности и дружбе, творчестве, любви и изменах. Не боится, потому что, несмотря на свою молодость, успел

Художник
Иван
Мамонтов.

основательно поразмышлять, потому что умеет думать. В его стихах видится его личность, запечатлено состояние души, гамма его переживаний. Разнообразные аспекты изображения действительности обусловили богатство ритмики и метрики поэта. И, наконец, едва ли не самым сильным составляющим его поэтики является уже упомянутая образность».

Пожалуй, тогда это были единственные положительные публикации обо мне в местной прессе. Как-то у меня сразу не сложились отношения со старшим поколением алтайских писателей, которые видели во мне только литературного хулигана, молодого нахала и разрушителя традиций русской литературы. Рецензии Марка Иосифовича поддержали меня в осознании правильности выбора — такие слова бывают дороже золота: «Стихи Владимира привлекают прежде всего совершенно нестандартным подходом к теме. Взять, например, тему Великой Отечественной войны. О ней написано очень много, но драматичные, а местами трагедийные стихи Токмакова не затеряются среди сотен других... В стихах видна еще одна замечательная черта поэта — незаурядная поэтическая фантазия. Почти все стихи книги «Двойное дно» отличает богатый подтекст».

Весной 2001 года произошла история с выходом Марка Иосифовича из СП России. А случилось вот что. Тогда за один раз в Союз писателей России приняли сразу 12 человек. Причем у некоторых из них не было издано даже приличной книжки, принимали так, по газетным и журнальным

подборкам. Событие неслыханное, если учесть, что в былые годы стать членом Союза было очень и очень сложно. Талантливые литераторы, имея на руках по несколько книг, не могли туда вступить годами. На глазах падал авторитет писательства, самого писательского Союза, его профессиональный престиж. А Марк Иосифович помнил время, когда писатели не уступали в известности космонавтам. Он был против приема в Союз писателей всех, кто умеет рифмовать или написал несколько слабых рассказов. Его не послушали, и тогда он сам решил выйти из СП России. ИА «Банкфакс» писало: «...Юдалевич еще раз высказал Свинцову свои претензии относительно недавнего принятия в алтайский СП 12 новых членов. Кроме того, в ходе встречи затрагивалось данное Свинцовым корреспонденту ИА «Банкфакс» телефонное интервью, в котором руководитель краевого СП охарактеризовал действия Юдалевича как «старческий маразм». После продолжительной беседы Марк Юдалевич и Владимир Свинцов пришли к единому мнению, тем самым нивелировав конфликтную ситуацию...». Это был бы удар по репутации алтайской писательской организации – Марк Юдалевич оставался единственным, кого признавали писателем власти и предприниматели.

В.Б. Свинцов сам мне рассказывал, как ездил к Марку Иосифовичу извиняться и мириться, говорил, что журналисты все напутали, и готов был стать перед Мэтром на колени, чтобы тот его простил.

Марк Иосифович был по натуре человеком общительным, опровергая сложившийся стереотип, что писатели – люди замкнутые и нелюдимые. Я не помню, чтобы о ком-то из местных авторов он отзывался плохо. Меня это даже удивляло, ведь многие ему завидовали, рассказывали байки о его невероятных гонорарах, богатстве, благосклонности властей. Мол, Марк Юдалевич умудрялся хорошо жить при любом строе, никогда не конфликтовал с властью имущими, был конформистом и приспособленцем. Существует масса эпиграмм и литературных пародий на Марка Юдалевича, редко талантливых, в основном грубых и злых. Никто из этих критиков, живших в Советском Союзе в тепличных условиях, издававших и переиздававших свои производственные романы и колхозные поэмы, получавших от государства бесплатно квартиры, машины, путевки в дома творчества, не хотел признавать, что все, что имел Марк Юдалевич, – он заработал своим трудом, ибо такой работоспособности я больше не встречал ни у кого из известных мне писателей. Я вспоминаю Марка Иосифовича, всегда сидящим в своем старом кресле перед огромной печатной машинкой. За спиной – книжный шкаф, и каждый день – если не идут стихи, то проза, если не пишется проза, значит, он будет

работать над газетной статьей, рецензией, краеведческим очерком или обдумывать план новой книги. Ни дня без строчки – это про него.

Популярность и читательский успех были заслуженными. Многие его коллеги, занимая у него деньги, забывали возвращать долг, но любили посплетничать о его жизни и творчестве. Я не знал более скромного человека, хоть он и был известен в городе и крае. Причем это была не рисовка, а черта характера. Один только факт: первую свою литературную премию он получил почти в 80 лет, в 1996 году, когда менее талантливые, но ушлые и пробивные коллеги уже по несколько раз стали лауреатами множества самых удивительных краевых и муниципальных премий. Первую книгу стихов «Крутояры» издал в Москве в 1975-м (издательство «Советский писатель»). Даже легендарную «Голубую даму» не пытался пробить в столичные издательства.

Время все расставило по местам: эти «лауреаты», таланты которых проявились больше в самопиаре, выглядят сейчас смешными литературными москьями, лающими на слона.

Несомненно, Марк Юдалевич – это целая эпоха в алтайской литературе; к его мнению прислушивались, его оценкой дорожили, его слово многое значило. Заручиться поддержкой Марка Юдалевича означало выиграть почти любое дело. Такая репутация зарабатывается годами, но зато – на века. Можно смело сказать, никто из алтайских писателей советского периода не добивался такой литературной известности, как Марк Иосифович. Причем сам он всегда относился к своей славе с самоиронией и юмором, показывая нам, молодым, пример скромности, отшучиваясь, что, мол, нетрудно стать известным, прожив почти сто лет в одном городе. На своей книге очерков «Барнаул» он оставил мне такую надпись: «На добрую память, семимильными шагами шагающему в литературу Володе Токмакову от старого барнаульца.

Ах годы, годы! Вы куда шагнули!

Остричь осталось, горечь затая.

Два старика сегодня в Барнауле –

Извечный стол Демидовский и я.

Ноябрь, 1993 г.».

Лучший памятник для любого писателя – не из бронзы. Нет, этот памятник нельзя увидеть – это признание и любовь читателей. Когда помнят и любят благодаря не тиражам, а высокому уровню произведений и не забывают сразу после смерти.

Недавно в Музкомедии возродили спектакль «Голубая дама». Имя Марка Юдалевича в Барнауле носит детская библиотека № 20 (забавно, но именно в нее я ходил, когда учился в школе). Скоро появится и мемориальная доска, и улица Марка

Юдалевича. Но, будь моя воля, я бы разбил небольшой сквер во дворе дома, где жил Марк Иосифович (место там есть). С удобными лавочками, фонарями под старину, с талантливо сделанным бюстом писателя, не прилизанным, а в нонконформистской манере, в центре красивой цветочной клумбы. Сюда приходили бы мамы с детскими колясками, старики поговорить о житье-бытье и, конечно же, молодые поэты — почитать в день рождения Марка Иосифовича стихи о нашем прекрасном и яростном мире.

P. S.

Напоследок хочу рассказать историю одного посвящения. В своей рецензии в 1997 году Марк Иосифович написал: «В стихах Токмакова видна еще одна замечательная черта поэта — незаурядная поэтическая фантазия. Еще с большей силой она сказалась в «Стихотворении с эпиграфами», посвященном Н.В. Гоголю. Вечная драма гения, его непрекращающиеся поиски, его трудные сомнения, великая его ответственность за все, что он написал. Обо всем этом сказано в сравнительно коротком стихотворении. По проникновенности, богатству поэтической мысли, умению выразить ее средствами художника, так что она вытекает самородно, без тени декларативности, это стихотворение я бы не побоялся поставить рядом со знаменитым стихотворением Максимилиана Волошина «Дметриус-император».

Это было высшей для меня похвалой.

Свое стихотворение я тогда посвятил Марку Иосифовичу.

СТИХОТВОРЕНИЕ С ЭПИГРАФАМИ

Марку Юдалевичу

*Редкая птица долетит до середины
Днепра.*

Н. Гоголь.

*Гоголь отвинтил какой-то винт внутри
русского корабля, после
чего корабль стал разваливаться.*

В. Розанов. «Опавшие листья».

*Сотряслись осквернители праха,
не увидев в гробу мертвеца.*

Был ли Гоголь?

Ю. Кузнецов. «Тайна Гоголя».

Входит Гоголь в бескозырке...

И. Бродский. «Представление».

«Я бессмертен, — отрезал Гоголь.

— Бери лопаты. Скоро полночь».

А. Королёв. «Голова Гоголя».

*Редкий Гоголь доплывет до середины Оби, —
это не тайна теперь для Востока и Запада.
«Что хмурый сегодня, Василич?» —*

«Немного знобит...»,

Гоголь не любит акулыего сильного запаха.

*Объ ведь богата акулами, есть в ней киты,
опасное место — бывает, пираты-проказники
наедут гурьбою — а Гоголь ну прятать листы
поэмы, где правда про Пушкина, Ленина, Разина.*

*Трудно живется Василичу в наших краях,
климат не ласков, что лето, зима — все едино.
Близят заботы провинции Гоголя крах, —
знаком вопросы согнули писателя спину.*

*Что за фантазия в ссылку отправить его
в эту дыру, в Барнаул, Богом проклятый угол, —
шепчутся, что умерщвляет свое естество,
ходит сутулый, худющий и черный как уголь.*

*Мучает что-то Василича, что-то гнетет,
тайна развела его, только НОС и остался:
в полночь сквозь зеркало переправляется вброд
и возвращается утром смертельно усталым.*

*Вечно ему уготовано жить на земле, —
смена фамилий, мелькание центров, окраин,
вместе с толпою юродивых, грязных калек
ищет спасения, веры и истинных таинств.*

*Часто в припадках в Италию рвется и вновь
просит, в Сибирь чтоб его к декабристам сослали.
Слухи ползут, что замучила Гоголя кровь
тех, кого книжками предал, когда правил Сталин.*

*«Душно мне! Душно!..» — сдавила тисками кровать.
«Век поднимите мне!.. Вижу — хоронят живого!»
Дай ты нам каждому, Боже, свое написать...
Но упаси нас сказать гениальное слово!*

Марк Юдалевич.

СТИХИ О БАРНАУЛЕ

*Старый город! Не надо хмуриться,
вспомни славных своих сынов:
по твоим нешироким улицам
проходил Иван Ползунов.
Здесь пешком торопливо хаживал,
вечно занят, на вид суров,—
а порой в своем экипаже
проезжал — генерал Фролов.
Люди кланялись им несмело,
но не ведали наверняка —
то, что ими в то время сделано,
будет долгие жить века.
Старый город! Ты видел всякое,
даже уличные бои,
и колчаковские вояки
брали штурмом дома твои.
Были белые, были красные,
был твой путь, как всегда, не прост.
Но, пройдя через все опасности,
город мой хорошел и рос.
В устремленьях своих неистовы,
и дома рвались в небеса,
и приземистые, плечистые
заводские росли корпуса.
...Старый город! Не надо хмуриться,
вспомни славных своих сынов,
по твоим нешироким улицам
проходил Иван Ползунов.*

УЛИЦА ДЕТСТВА

*Наша улица Анатолия,
ты была далеко слышна,
ты была страна Волейболия
и футбольная сторона.
Деревянные низкие домики
да листовы тополиной родник,
эти домики, словно томики
в раннем детстве прочитанных книг.
Эта улица книжной полкою,
нет, не кинутой в забвенье,
только вот — не припомню сколько,
все мне было не до нее.*

*Жизнь учила меня, уютжила
и в другие края звала.
И, волнуясь, вдруг обнаружил я —
эта улица все ждала.
Поднимались кварталы праздником,
постаревшей ей не родня,
а она стояла заказником,
золотую давность храня.
Я не знаю, что с нами случилось бы,
если б где-то, пусть далеки,
нас не ждали до самой старости
эти тихие уголки.
Если б наши дороги дальние,
и кривить и прямить устав,
не вели бы в исповедальные,
в изначальные те места.*

СОБОР В БАРНАУЛЕ

*Я помню собор в Барнауле —
багровая туча прошла,
и словно бы к солнцу прильнули
крутые его купола.
И в синем просторе блестели
его золотые кресты,
но мы понимать не умели
летящей его красоты.
И весь устремлен в поднебесье,
как будто к полету готов,
он символом был мракобесья
по меркам тридцатых годов.
За это с размахом немалым,
довольные очень собой,
мы рвали собор аммоналом,
ломали ломками собор.
Мы были не люди, а масса,
и в этот вписались оскал
ребята из нашего класса,
конечно, и я не отстал.
Работали мы исступленно,
рубали, крушили сплеча,
а рядом, у древней иконы,
горела, мерцала свеча.*

*Наверно, могут позавидовать
в сибирском городе любом
просторной площади Демидова
с ее Демидовским столпом.
Старинный быт на этой площади
перемешался с новизной:
здесь мчится верховой на лошади,
трамвай проходит стороной.
Вокруг — веков прошедших здания,
что до сих пор у нас в чести,
а рядом, словно с опозданием,
и новые спешат расти.
Когда холодный ветер жесткий
гуляет тут осенним днем,
на взгорье стройные березки
стремятся греть своим огнем.
И ходит слух, что в этом месте
(народ об этом не забыл)
гулял опальный Достоевский,
когда в сибирской ссылке был.*

ОБЬ-РЕКА

*Много дорогого в Барнауле,
но дорожке нет наверняка,*

*чем в жару, в июне да в июле,
наша Обь — великая река.
Мы тебя любили с малолетства,
Обь-река, что светлая текла,
научились мы в тебя глядеться,
а потом смотрелись в зеркала.
И на нашей улице Олонской,
что там ребятишки — старики,
неизменно верили, что солнце
по утрам выходит из реки.
А под вечер, уходя на запад,
на ночь где-то прячется на дне.
Обь-река, я помню даже запах
на родной приречной стороне.
Запах детства — аромат живицы,
на воде настоящей хвои.
Обь-река со щедростью царицы
раздавала нам дары свои.
Гордые — на удилице связки, —
помню, возвращались мы с реки,
и сверкали щуки и подбязки,
окуньки, стерлядки, чебаки.
И не зря про нас ходила слава,
что на речке нас не победить,
мы сначала научились плавать,
много позже — по земле ходить.*

Глубокое изучение истории, культуры и языка возможно только при обращении к человеку: «...все в этом мире приобретает значение, смысл и ценность лишь в соотношении с человеком, как человеческое. Все возможное бытие и весь возможный смысл располагаются вокруг человека как центра и единственной ценности...» [1, с. 509].

БАРНАУЛ В СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА*

Лидия Дмитриева, научный руководитель проекта «Барнаул в воспоминаниях старожилов. XX век», доктор филологических наук, профессор.

Такое изучение и описание представляет большой интерес для современной культуры, фиксирует глубокую связь с сознанием народа. Учитывая это, следует отметить высокую познавательную ценность подобных материалов: они дают возможность узнать много нового о жизни народа в прошлом (а без знания прошлого, как известно, невозможно в полной мере понять и оценить настоящее), почувствовать дыхание жизни города в начале, середине и конце XX в.

Человек живет во времени, и то, что делает человека полноценным, — это прошлое в широком смысле этого слова.

Развитие человека есть рост того прошлого, которое лежит в основе всей его жизни, сохранение его и передача другим поколениям. «Именно сохранение и накопление прошлого и приводит к такой особенности исторического развития человека, когда каждое новое поколение людей начинает не с того, с чего начинало свою деятельность предыдущее поколение, а с того, на чем оно остановилось. Поэтому

в истории, собственно, нет повторяемости, а есть аналогии, если речь идет о событиях и явлениях. С этой точки зрения, история никогда не повторяется»

Прошлое — это отрезок времени, о котором знает человек и которое принадлежит ему, это сохраненное и накопленное им время, события, предметы, явления, элементы пространства. Образ Барнаула в середине XX в. представляется таким: «Автобус спускался с Горы и у сада делал круг, потом опять поднимался, доезжал до кинотеатра «Алтай» и там поворачивал обратно. Вот и весь его маршрут... Раньше, помню, спускаясь с Горы, я видела сплошной деревянный город, состоящий из маленьких домов-опят, не выше трех этажей».

Этот мир города, заполненный событиями, предметами и явлениями, связанными с деятельностью и жизнью Барнаула, активно живет в сознании людей, воплощаясь в языке. Для барнаульцев это сохраненное прошлое, в котором человек выразил себя, определил свою деятельность, сущность, представлено в виде символов, маркирующих действительность:

вокзал: «Барнаул от других городов отличается прежде всего вокзалом. Площадь хорошая возле вокзала, район застроен возле вокзала. Вокзал ведь очень много значит в жизни каждого человека. Уезжаешь и приезжаешь с вокзала, вокзал — это лицо города. Я считаю, у нас очень хороший вокзал, и это просто как визитная карточка Барнаула...»;

Старый базар: «Мне кажется, что очень мало осталось барнаульцев, которые помнят, чем была засыпана территория Старого базара. Она была, как и прилегающие

* В статье используются фрагменты воспоминаний старожилов Барнаула, опубликованные в книге «Барнаул в воспоминаниях старожилов. XX век. Часть I»

к ней территории, засыпана шлаком от отходов сереброплавильного в прошлом завода, где значительно позже находилась Барнаульская спичечная фабрика. Мы ходили в то время по хорошо утоптанному временим, очень твердым, черным камушкам, а называли их в те годы соковинками. Почему так, не знаю до сих пор».

Главными маркерами прошлого являются воспоминания о «деревянном городе»: «Сам город был совсем другой — деревянный. Это особенно запомнилось. Конечно, улицы наши были песчаные, но это такие дорогие, милые сердцу улицы — все детство, юность и молодость прошли на этих улицах»; «В предвоенные годы Барнаул был в основном одноэтажным. Двухэтажные деревянные дома были, но их было не столь уж много. Только три строения возвышались над городом: Покровская церковь, Барнаульский элеватор и дом на пересечении улицы Гоголя и проспекта Красноармейского, называемый горожанами «небоскреб».

Восприятие современного города: «Сейчас мне нравится, какой у нас в городе хороший асфальт, мне нравятся красивые дома, которые стали строить» — в сознании старожилов идет параллельно с представлением о «песчаном городе», «песчаных улицах», «частном секторе»: «Старый город мне не нравился за то, что в нем были песчаные улицы, и центр был не очень обустроен»; «...раньше в районе кинотеатра «Россия» были частные дома с огородами, где площадь Сахарова, там был сплошной песок, коров гоняли... Практически это была окраина города...»; «А старое здание школы 42 возвышалось над частным сектором. На месте сельскохозяйственного института тоже были частные дома. И кругом песок, незаасфальтированные улицы...»; «После мы еще несколько раз меняли квартиры, пока не поселились вот в этом доме напротив политехнического института. Когда мы здесь поселились, это была песчаная улица, она утыкалась в наш подъезд, повсюду рядом стояли маленькие деревянные домики частного сектора».

Яркими являются воспоминания о том, что вся территория, прилегающая к городу, была засажена картофелем: «Картошку сажали везде: по Анатолия, по Партизанской...»; «Трамвай ходил до выемки, где делал разворот — это была конечная. За выемкой сажали картофель даже после войны»; «...да и там не было города, там вообще ничего не было — поле одно, где

картошку сажали. Транспорта еще не было, и я помню, как увозили картошку: клубни укладывали в огромные железные тележки и везли их на себе до самого дома, иногда километров 5–6»; «Дом напротив магазина «Океан», там, где сейчас находится машиностроительный техникум, это был «конец света». Все, дальше была заснеженная, голая-преголая, ровная, как скатерть, белая степь. Летом там сажали картошку, а зимой там было по пояс снега».

Существенно дополняется образ города образом холодной зимы и обилием снега: «Помню, зимы у нас были очень морозные. Окна застывали так, что мы нагревали монетку и прислоняли ее к окну, чтобы можно было хоть что-нибудь увидеть на улице. Деревья вечно в инее были, и сугробы были, и метели были»; «Снегу было много, он был очень чистый»; «Тогда сугробы были огромные, в них мы проделывали ходы, выкапывали пещеры».

Образ прошлого, вызывая положительные или отрицательные воспоминания, может существовать и в виде здания — в качестве результата труда строителей: «Это было время, когда только начали строить хрущевки: быстро из бетонных блоков возводили четырех-, пятиэтажные жилые дома. Вот сейчас Хрущёва ругают, но тогда это помогло решить жилищный вопрос. Вы знаете, что значило получить такую квартиру в то время!»; «...сейчас мы недобрым словом вспоминаем новостройки 1950-х — начала 1960-х гг. — хрущевки. ... прошло 10–13 лет после войны, проблема жилищная была очень острой, здесь, в Барнауле, было много эвакуированных, живших до сих пор в бараках. Проблему жилья нужно было решить, и поэтому был использован поточный метод строительства. Появился новый район, получивший название Поток. К сожалению, он и до сих пор ассоциируется с неблагоприятной экономической обстановкой. Молодежь должна знать: жилье пусть было не очень большое и комфортное, но все же жилищная проблема была решена».

Не уходит из памяти старожилов, передается из поколения в поколение воспоминание о пожаре 1917 г. в Барнауле, нанесшем колоссальный ущерб всему будущему развитию города: «В 1917 г. в городе вспыхнул пожар. По рассказам очевидцев, это было страшное зрелище. С человеческими

жертвами. Осталась целой только Нагорная часть, Зайчанская часть в сторону Булыгиной заимки (теперь поселок Кирова); «Рассказывали, что огонь моментально охватил город... Это было страшное зрелище: горели дома, магазины, мастерские... Люди бежали от огня и не успевали добежать до реки... Пожар уничтожил всю центральную часть города»; «Пожар уничтожил город и всю его историю на много лет. Если бы не пожар, наш город уже далеко ушел бы вперед. Наверное, был бы первым среди других городов... За что же нас Бог наказал?...».

История прошлого России переписывалась много раз, и такое искажение вело к потере прошлого в различной степени, но прошлое всегда возвращается к человеку, в виде исторической памяти в том числе. Таким значимым элементом исторической памяти является разрушение соборов по всей России, в том числе и Барнауле: «Там, где сейчас сквер на углу улицы Ползунова и проспекта Социалистического, раньше стоял великолепный Петропавловский собор. Оттого и улица с переулком были Петропавловской и Соборным. Как в свое время в Москве был уничтожен храм Христа Спасителя, так и в Барнауле был взорван Петропавловский собор. Вначале его хотели разобрать и для этого в 1936–1937 годах с предприятий посылали людей на разборку храма. <...> В дальнейшем этот собор вынуждены были взорвать: не поддавался он разборке, да и люди саботировали.

Долго потом развалины красавца-собора зияли кровавой раной на теле нашего города, бередя людям души»; «...я, живший на улице Республики № 1, в доме треста «Водосвет», оказался перед церковью, что стояла на Большой Олонской – Знаменской церковью. Неожиданно для себя я стал свидетелем снятия креста с храма. В школу на уроки я опоздал, наблюдая это событие. Стояла толпа молчаливых людей, а среди них суетились люди с веревкой (скорее, канатом) в руках. Канат-веревка был привязан к основанию креста, венчавшего купол церкви, а конец этой веревки был в руках группы мужиков, которые рывками дергали веревку, пытаясь свергнуть крест на землю. Крест не поддавался. Чтобы усилить тягу, привели лошадь, к ее амуниции привязали конец каната-веревки, и мужики, крепко взявшись за нее, стегнули лошадь бичом, вновь пытаясь сорвать крест с купола. После нескольких усилий людей и лошади крест со скрежетом и треском сорвался и упал на землю. Кто-то в толпе крестился, а кто-то стоял, угрюмо глядя в землю... Эпизод с крестом и теперь четко стоит перед моими глазами».

Отдельные исторические этапы жизни человека, отдельные периоды характеризуются определенными особенностями жизни и повседневного быта, особенно тяжелой была работа: «На заводах люди работали с утра до ночи, отовсюду ходили пешком. Со Старого базара на заводы, на меланжевый комбинат – везде люди ходили пешком. Прежде чем работать, пешком вон сколько километров надо пройти. А после отработаешь – опять пешком идти. Я помню, у нас работала Таня Морозова, а у нее мальчик был. Так она сама идет, да еще его на плечи посадит.. Дочка у меня ходила в детский садик. И вот до «Трансмаша» я доеду, потом я должна идти пешком в 22-й детский садик на Юбилейном. Пока я ребенка заберу, пока домой приедем, пока я печку затоплю, совсем поздно, и в доме холодно. Вспоминать тяжело... Уйдем из дома еще чуть-чуть светать начнет, а приходишь по потемкам».

Самым памятным, радостным событием XX в. старожилы города считают окончание войны: «Самый запоминающийся день в жизни города – День Победы. День Победы-то какой был праздник! Это же таких праздников сроду не было и не будет никогда. А люди шли сами. Вот я утром в 6 часов встала, мама с улицы приходит и говорит: «Девчонки, война кончилась!». И все пошли на работу, все пошли, никто никого не звал, все пошли»; «Там уже гармошка играет, кто плачет, кто что делает»; «И все поприходили и пошли на площадь, выходим прямо на Ленинский, потом на Старый базар пошли, на площадь Свободы»; «С заводов все выходили на Калининский, а там – на Ленинский, и все шли, и духовой оркестр играл, и гармошки играли.

Все и пели, и плясали, и ревели — все было. По дороге шли все, и по тротуарам шли и посередине по дороге шли»; «Помню, как-то шел я из 25-й школы, а навстречу мне лейтенант — молодой такой, высокий, фуражка в руках. Он, наверное, меня знал, потому что он схватил меня, обнял крепко и радостно сказал: «Война кончилась!».

«Мир человека — это его прошлое, а его прошлое есть его мир» — это вечная истина. Отсюда интерес человека к своему прошлому, к своей родословной, к истории того места, где он родился и рос, где прошла большая часть его жизни. В Барнауле существует множество мест, которые вызывают различные воспоминания у наших старожилов, — это улицы, переулки, парки и т. д. Ленинский проспект в прошлом — это «деревянные тротуары», «болото в районе «России», «часовня», «тополя», «песок», «место прогулок и встреч»: «Однажды я прошла по Ленинскому проспекту: это был сплошной песок, правда, кое-где имелись деревянные тротуары. Помню, тогда я была в босоножках, поэтому об этот песок стерла себе ноги. Еще постоянно дул ветер, поднимающий тучи песка и пыли... Какие красивые были тополя, когда их высадили! За ними следили, обстригали верхушки, делали из листьев круглые шапки. Это была такая красота!»; «Вечерами катались на велосипедах. У меня велосипеда не было, потому что мы жили бедно, но зато он был у моей подруги. Мы по очереди ездили на Ленинский проспект»; «По Ленинскому проспекту, мощенному щебенкой, обстроенному деревянными домами, были проложены, да и то не везде, деревянные же тротуары»; «Ленинский проспект — сплошь частный сектор, ни одного большого дома. Песка было по щиколотку, деревянные тротуары по обе стороны Ленинского — по четную и нечетную. А посреди проспекта время от времени попадались водоразборные колонки»; «На Ленинском проспекте были деревянные тротуарчики, начиная от Старого базара и до Октябрьской площади. За ними следили, и ходить по ним было очень удобно»; «На Октябрьской площади ставили новогоднюю елку, такую как теперь ставят везде. Она тогда, по-моему, была одна»; «Магазин со шпилем — вот это я помню, как его строили. Тут частные дома были, деревянные избышки. Их снесли и построили».

Демидовская площадь для города — фрагмент истории, «часть Петербурга», это отмечают все барнаульцы: «Мне нравится строение Демидовской площади: очень красивый столп, колонны. Это тихое местечко среди всеобщей суеты, маленький Петербург. Знать, которая здесь жила, буквально воспроизвела его по чертежам»; «Мне очень нравится ансамбль на Демидовской площади, в нем чувствуется влияние Петербурга»; «Площадь Демидова,

она сейчас похожа на площадь, как в Петербурге, а раньше это было какое-то бесформенное место, кусты; бегали пацаны, в футбол гоняли».

Такие важные для города географические названия, как Обь, Барнаулка, кроме того, что они обозначают объекты, обладают яркими коннотациями историко-социального, историко-культурного плана: «большая река», «полноводная река», «место для купания».

В восприятии старожилов Барнаулка — это «чистая судоходная река», «река с прозрачной водой» и т. д.: «Мы бегали гулять в лес, ходили на Барнаулку. Речка тогда была чистая, прозрачная. В Барнаулке купались, а потом через эту речку ходили в лес за грибами, ягодами»; «Помню, раньше Барнаулка была полноводная, чистая. Мы купались в ней, ловили рыбу. Как мне рассказывали соседи, в 1920–1930-е годы из Барнаулки даже брали воду для питья»; «Речка Барнаулка была судоходная почти до Демидовского завода. От завода была возведена плотина со шлюзами, по плотине шла дорога на Гору, плотина преграждала течение Барнаулки, образуя большое водохранилище, разлившееся от улицы Ползунова до самой Горы, протяженность водохранилища простиралась до железнодорожного моста через Барнаулку, посередине водохранилища был остров, на нем были построены закусочные с баром. На лодках и катерах горожане ездили на этот остров отдыхать. Остров, весь в зелени, с чистым воздухом, благоухал, благотворно действовал на здоровье людей, привлекал многочисленных посетителей».

Обь в сознании старожилов — любимое место отдыха, место встреч, это «большая река», «глубокая река», «любимое место отдыха», «место для купания» и т. д.: «Тогда по Оби ходили трехэтажные пароходы. Река была полноводная, широкая, глубокая. Мы всегда ходили на Обь смотреть»

ледоход. Купались на Ковше. Там ходил паром... Когда я была на 3-м курсе, самостоятельность нашего института наградили путевками на 12 дней на пароходе по Оби. Эти пароходы я прекрасно помню, Обь мы любили»; «Очень нравилась Обь, нравилось бывать там на пляже»; «Истинным наслаждением было купание на реке Оби. Спустившись с крутого берега против своей улицы чуть ли не кубарем, бросались в воду. Обь в те годы была полноводной, противоположный берег был далеко и с трудом просматривался. На лодке на веслах нужно было грести долго. Не было тогда и в помине островов на реке, в том числе и массивного, заросшего теперь лесом острова против Никитинской улицы. Накупавшись, мы без труда поднимались по крутому берегу обратно»; «Обь-то раньше какая река была! До самого Новоалтайска – все Обь. Пароходов много ходило... И грузовые ходили, и пассажирские...».

Любимым местом отдыха горожан был стадион «Динамо», он был местом встречи влюбленных, местом развлечения детей, это был своеобразный центр общения интеллигенции города: «На «Динамо» всегда был каток. Все цеплялись друг за друга, образовывался паровозик, этот паровозик вел кто-то сильный. Он ведет, ведет, а потом свернет круто, и все падают»; «Одним из любимых мест для детей и юношей города в предвоенные годы был стадион «Динамо». Деревянные трибуны с небольшим количеством мест и не очень ухоженным полем. Зимой поле превращали в каток, и мы, пацаны, почти каждый вечер толкались там. Для посещения каток был бесплатным. Нам там было уютно. Звучала приятная музыка, ледяное поле было подсвечено прожектором, и мы гоняли по кругу на коньках, развлекаясь и веселясь. Правда, не у всех были коньки, но те, кто имел их, делились спортивным инвентарем с неимущими. Каток посещали и взрослые»; «Зимой очень часто ходили на каток «Динамо» – тогда очень популярно было катание на коньках. Играла музыка, вальсы, и под эти старинные вальсы все катались на коньках – это было очень и очень красиво».

Двуплановость содержания названий «Нагорный парк», «парк меланжевого комбината» и тому подобное – специфическая историко-культурологическая черта Барнаула. С одной стороны, в сознании старожилов города парки – место отдыха, с другой – это места, где были расположены кладбища: «В парке, который находился за меланжевым комбинатом, летом проходили танцы, а зимой катались на коньках. Молодежь каталась на катамаранах и на колесе обозрения, мы прекрасно провели в этом парке всю свою молодость... Когда-то этот парк был кладбищем. И когда копали озеро на территории нынешнего парка, вытаскивали гробы из ямы... Нынешний

Нагорный парк назывался ВДНХ»; «Мне очень дорого место, где была ВДНХ (а еще раньше там было Иоанно-Предтеченское кладбище, церковь там была, она была приписная к Петропавловскому собору), когда заканчивался учебный год, мы шли на бывшее старое кладбище. Там оставались еще надгробные памятники, стелы. Оно было заброшено. Но в то же время было какое-то таинственное, красивое место. Там было много черемухи, сирени. Еще там была полуразрушенная лестница. Потом на этом месте разместили ВДНХ, и мы ходили на ВДНХ. Там все очень хорошо оборудовали, красиво. Павильоны красивые. Мы не понимали тогда, что все это находится на кладбище. Мы с семьей почему-то ходили туда осенью. Такая у нас была традиция. Наблюдали за полетом журавлей, любовались панорамой Оби, Затонам»; «Свободное время любил проводить в парках, где играла музыка, знаменитые тогда вальсы и танго. Гуляли целые семьи, ходили под руку шеренгами, парами, пробегали стайками ребятишки. Работала вышка аэроклуба, где можно было спуститься на парашюте»; «Еще ходили в Нагорный парк – там была ВДНХ. Он был очень хорошо обустроен, весь в цветах, все достижения края были представлены в павильонах. На месте этого парка тоже было старинное богатое кладбище, оно было элитным, там хоронили не всех. В числе других там похоронен и Ядринцев. Парки в городе построены на могилах. Могилы не снесли, снесли только памятники, а могилы остались»; «Парк меланжевого комбината – это бывшее кладбище. В 1942 г., в мае, его открывали, и я туда пришел. Кустарники там высадили рядами, дорожки заасфальтировали, акации, статуи поставили. Я пошел днем гулять. Я знал, что там было кладбище, мне было интересно посмотреть. Там работала танцплощадка, играл духовой оркестр, но я пошел дальше. И вот увидел я могилки еще

незаглаженные, незаасфальтированные. Пошел в сторону стадиона «Красное знамя», а там — большая куча каменных крестов. И я не понимал: вот здесь кресты, а там танцуют, веселятся».

Если рассматривать названия Копай-город, Зайчанские переулки, то на первый план выступает отрицательное значение: «Заячий район (или Заячья Губа) — так называлось место в районе Покровского собора. Говорят, когда-то там бегала зайцы, а славился он тем, что там всегда происходили драки...»; «Примечательным местом города была сторона Зайчанская. Это та часть, где находятся 13-я и 14-я школы и трамвайное депо № 1. Примечательна она была тем, что там частенько происходили молодежные драки. Пацаны Нагорной части и Зайчанской находили повод для конфликта, и начиналась драка. Вокруг собиралась ватага, она росла. Конфликтующие брали друг друга за грудки, стремясь первым успеть дать в ухо или по глазу сопернику. Страсти накалялись, в руках появлялись палки. В эти схватки иногда ввязывались и взрослые, либо заступиться за сына, либо поддержать свою сторону. Порой схватки были кровавые».

Трудности жизни города ассоциируются и с тем местом, которое имело название Копай-город: «Помню, еще в первый год моего пребывания в городе я спустилась со знакомой учительницей с Горы и заметила, что прямо в земле вырыты отверстия, как пещеры. Потом я заметила, что в некоторых «пещерах» есть самодельные двери, окна. Я спросила у знакомой, что это такое, она мне ответила: «А там живут». Это называется Копай-город. Там жили некоторые эвакуированные»; «Барнаул в годы войны вырос, появилось много новых промышленных предприятий. За выемкой железной дороги, где до войны было несколько землянок Копай-города, выросли корпуса заводов — станкостроительного, котельного, транспортного машиностроения, механических прессов, радиозавода»; «Там, где 80-я Гвардейская и другие улицы, — это бараки все были. И там, где на Ленинском сворачивают трамваи по правой стороне, там тоже был Копай-город. Там жили люди, которых вербовали из деревень на строительство «Трансмаша», «Химволокна» и котельного завода. Работали эти люди там, а жить-то негде. И вот они выкапывали эти землянки, используя обломки досок, кирпичи и всякий ненужный материал, обрезки. И даже продавали эти землянки»; «Копай-город — еще поселок такой был. «Океан» заканчивается, затем красивое здание «Водоканала», и все — вслед за этим был Копай-город, землянки, как кроты, нарыли. Их ведь относительно недавно убрали... Я ходила на работу пешком с Матросова (тогда она называлась Обводная) мимо этих землянок, сейчас там ели высадили»; «Копай-город

был. Вот на этой стороне Жилплощадка строилась, а по ту сторону выемки, где ходят поезда. Прямо на этом косогоре были выстроены домишки — Копай-город. Так его называли потому, что он наполовину в земле — вырытая в земле избенка, а сверху крыша какая-нибудь, трубу поставят, и жили люди. А когда меланжевый комбинат построился, здесь стали жилье строить. Потом сюда приехал станкостроительный завод, тоже стали свое жилье строить. Так постепенно вот этот Копай-город убрали».

Самым частотным топонимом, зафиксированным нами в воспоминаниях старожилов, является Дунькина роща. О названии этого места существует много разных легенд, однако ни одна из них не имеет документального подтверждения. На картах города это место обозначается как Городская роща. Для старожилов города Дунькина роща — это: «глыбы песка», «сугробы снега», «высокие сосны», «катание на санках»: «Уже при нас построили памятник Ползунову. А сначала там был песок, Дунькина роща. Ту часть проспекта, на которой сейчас находится политехнический институт, искусственно вырывали, раньше тут было ровное место»; «Дунькина роща была там, где сейчас библиотека Шишкова — в стороне. Ее название связано с преданием. Девушка безответно любила парня и покончила с собой в этой роще. Сейчас только старые люди помнят, что была Дунькина роща, а для молодых людей это уже история»; «Легенды здесь не очень красивые... А из исторических событий известно, что там в 1917 году происходили некоторые политические события, даже расстреляли кого-то из революционеров... Хотя я не очень в это верю, но, возможно, действительно была какая-то несчастная любовь и кто-то завершил там свой жизненный путь. Ну, вообще это было любимое место отдыха»; «Там, где сейчас горбольница и технический университет, была Дунькина роща. Потом ее, видимо, уничтожили во время войны на дрова, к тому же здесь запроектировали дома, и надо было сносить деревья»; «С Дунькиной

рошей я сразу вспоминаю кустарники и огромные глыбы песка»; «В середине города возвышались Красные казармы – военный городок, к нему прилегала обширная сосновая роща (Дунькина роща, как ее тогда называли). С другой стороны рощи уже построили городскую больницу, вдали возвышался элеватор»; «Там, где сейчас политехнический институт, была сосновая роща, там были такие толстые высокие сосны. Они сами там выросли, их не сажали. А почему эта роща называлась Дунькиной, я не знаю»; «На месте сегодняшнего политеха была Дунькина роща, очень интересное место, по шиколотку песок. Там сейчас осталась одна-единственная сосна (перед горбольницей) в районе стеклянного магазинчика. Там раньше была густая сосновая роща, был такой смолистый запах, а дальше – сплошной частный сектор вплоть до Оби. Название – Дунькина – было связано с преданием. ...Видите, политех стоит как бы в низине, а тогда ведь этого котлована не было, видимо, когда строили, его выкопали. Это было ровное место, песок, дюны настоящие, и на дюнах росли сосны, очень красивое было местечко»; «Вот эта часть бора была рошей, где отдыхали горожане, потом эта роща была прозвана Дунькиной после убийства в этой роще дочери городского головы Дуни. К большому сожалению, после Отечественной войны окончательно уничтожили чудную сосновую рощу. Сперва построили хирургическое отделение городской больницы еще до войны, а после построили политехнический институт и другие строения. После этой

стройки Дунькина роща окончательно исчезла, осталась одинокая сосна, которая как бы напоминает о знаменитой роще. Нужно было, на мой взгляд, убрать все старые строения и не строить новых, подлечить израненную Дунькину рощу, то есть произвести посадку новых деревьев, на оголенных местах рощи, возродить рощу для отдыха трудящихся города Барнаула».

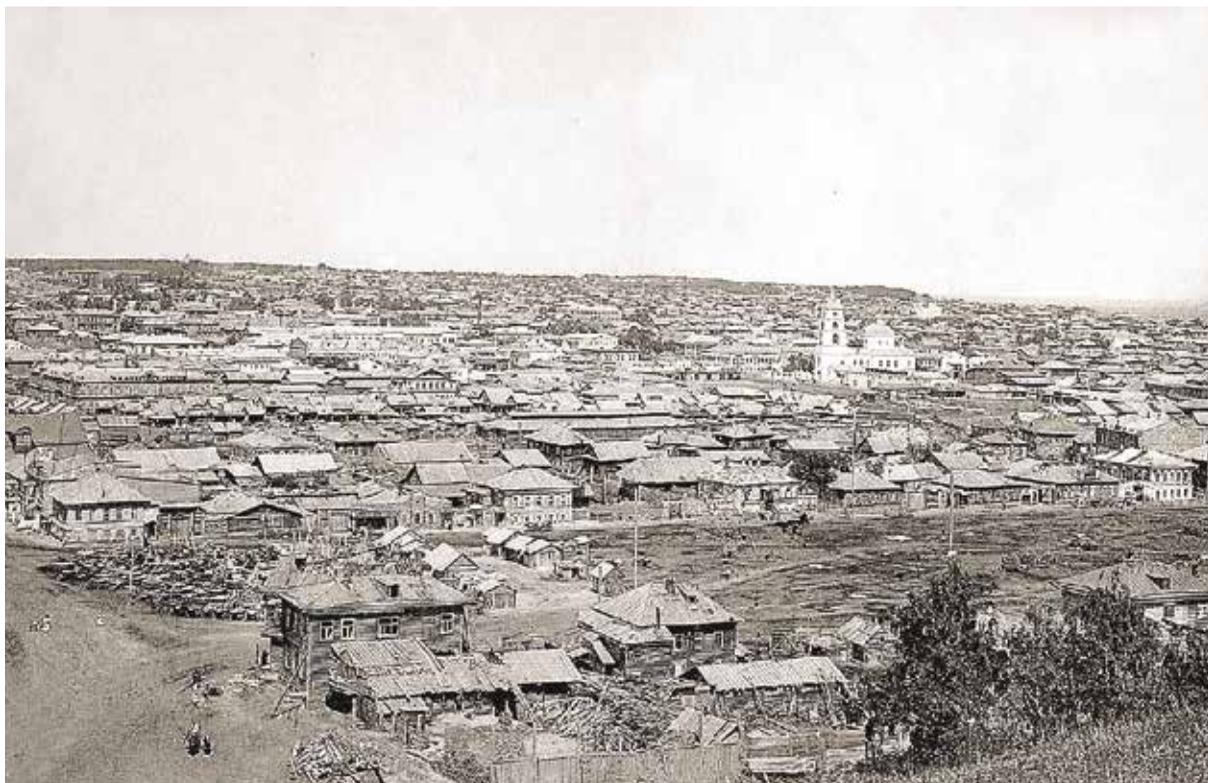
Человек имеет будущее в форме целей и планов, которые определяют его настоящее, будущее, его деятельность. «Жить бы и жить, современная молодежь должна любить свой город и ценить его», – отмечают старожилы.

Именно из прошлого черпает человек свои цели, которые формируют и даже определяют будущее. Настоящее, вычеркивающее прошлое, включает в себя хаос, причем в той же мере, в какой теряется прошлое.

Если человек создает нечто, что относит к творчеству будущего, то достигает он этого, мобилизуя, оживляя весь свой опыт, знания и ценности, унаследованные от прошлого. Прошлое мстит тем, кто разрушает его, необходимо сохранять все то, что было у нас ценного, и передавать его потомкам.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. *Литературно-критические статьи*. М., 1986.
2. Оруджев З.М. *Философия прошлого (или понятие прошлого не в обыденном смысле)* // Вестник МГУ. Сер. 7. 2002. № 3.

УЛИЦА РАДИЩЕВА

Елена Ожич.

Наша семья жила на улице Радищева. В доме на нескольких хозяев. Когда-то родители моих родителей купили в нем одну комнату с кухней, а потом стали пристраиваться – облеплять эту комнатку другими комнатками.

По сути, это был мой первый дом, который я бы с большой радостью почитала как родной, как дом, в котором родилась. Но дома этого сейчас нет, и сама улица уже другая. А какими они были тогда, когда я родилась, не помню.

Мое самое первое воспоминание – переезд на новую квартиру. Мне четыре года. Раньше не помню – ни себя, ни маму, ни бабушку, ни дом, ничего.

Жили мы раньше, как мне рассказывала мама, в этом доме со многими соседями – я с родителями, бабушка с дедушкой и мамина сестра, тетя Люда, с мужем и дочкой. Так, соседями, все в новую девятиэтажку и переехали. А на месте дома, одного временного пристанища, построили другое – общежитие для студентов университета. Сам университет открыли за два года до моего рождения, и мама рассказывала, что к нему меня на колясочке возили гулять. Позже я в него поступила – и даже окончила.

Когда мы жили на улице Радищева, у нас был большой общий двор с высоким забором. Этого я тоже не помню, но сохранилось несколько фотографий с каких-то семейных праздников, которые в этом дворе отмечали всей родней. В этом дворе дедушка сети плел, а потом после рыбалки сушил, их тоже на снимках видно. Говорят, кроликов еще держал, и нам из них шапки и шубки шили.

И есть еще одна фотография – не праздник никакой, просто вечер летний. Все сидят раздетые, загорелые и смеются.

А другая фотография осталась – тот же дом, только изнутри. Мне там года два, отец только что с мороза зашел, а я с него шапку стянула и топаю по деревянным половицам. Отец смеется – молодой совсем еще, не седой. На дверном проеме шторочки висят – в каких-то египетских мотивах. Рукомойник жестяной – такой, в виде шкафа.

Я искала еще хоть что-нибудь о той своей жизни, которую не помню. О том доме, в котором родилась. В моей детской медицинской карточке, толстой пожелтевшей тетради, прошитой суровыми нитками, с корешком, подклеенным зеленой ситцевой тканью в цветочек, и загадочным розовым треугольником на обложке, рука педиатра в уже далеком 1975-м написала: «Условия проживания удовлетворительные». То есть тепло, светло и мухи не кусают. Все удобства, скорее всего, находились на улице. Была печка ведь наверняка, дровяник или углярка, а может быть, и то, и другое. Колонка на улице. Шарик в будке. Герань на окнах. Кошки, гревшиеся в солнечных пятнах. Голуби гуркали на чердаке, пух тополиный летел летом, кленовые «самолетки» – осенью.

В том доме наши с бабушкой комнаты были через стенку. Мне рассказывали, что по утрам, когда родители уходили на работу, я сообщала бабушке, что проснулась, — стучала пяткой в стену. Бабушка приходила, умывала-одевала-кормила меня, а что мы потом делали, я не знаю. Родители-то рассказать не могут, они же не видели, а бабушка умерла давно, и не спросишь. На одной фотографии бабушка сидит во дворе за дощатым столом и вяжет носок, а мы с двоюродной сестрой Янкой катаемся на смешном рогатом трехколесном велосипеде.

Все эти фотографии, по которым я силюсь вспомнить самое свое раннее детство, сделал дядя Гена, маминой сестры муж. Он служил на Балтике, прожил всю жизнь на Алтае, а умер там, где родился, — в Нижнем Новгороде, когда поехал в родные места в отпуск.

Свадьбу родителей наверняка снимал тоже он. На одном снимке от дома на Радищева видно только стену. Между этой стеной и забором молодожены и их гости встали в три этажа, а дядя Серёжа, и так самый высокий, еще и на какую-то приступку на заборе забрался. На маме — кофточка белая без рукавов, очень простая, совсем без украшений, и юбка светло-серая в клетку. На отце — белая толстовка со шнурком. Дед Покидов, молодой, важный, в пиджаке с наградами — он на фронте воевал, на Дальнем Востоке в береговой артиллерии. Дед Покидов Александр Агафонович — муж бабы Нади, родной сестры отцовской матери, бабы Дины, Евдинии. Она умерла еще до того, как отец женился. Моя младшая сестра Ольга, все говорят, очень на бабу Дину похожа. И баба Надя была моему отцу все равно как мать, хотя он был уже взрослым человеком и на заводе работал.

А я, все говорили, была похожа на мамину маму, на бабу Аню. Чем же, думала я, похожа? Я рыжая, конопатая, а у бабушки волосы серые — седые потому что.

Когда дом решили сносить, нам всем дали по квартире. Тете Люде и бабушке — по однокомнатной, а нам, потому что мама второго ребенка ждала, дали двухкомнатную. И все, даже те соседи, которые нам не родственники, переехали вместе с нами. Так получилось, как будто весь наш полудеревенский квартал переехал в девятиэтажный дом, и все по-прежнему во дворе по вечерам собирались, мужики доминошный столик себе в уголке соорудили, только двор другой уже был, городской, с железными ракетами и паровозиками, весь в асфальте и без забора.

Вот это я помню: как завязали веревками трельяж, как придерживали его, чтоб не хлопал о борт, как мы с мамой ехали в кабине грузовика, а папа — в кузове, что погода была солнечная, март. Как мы вошли с папой в комнату, ту, что поменьше, он щелкнул выключателем и сказал, что она теперь — моя.

Там обои были такие серенькие с жидким золотым тиснением, в кухне — красный линолеум, а в комнатах — желтый. И в пустых комнатах аукалось, как в лесу. И если в окно выглянуть, то с девятого этажа был виден весь город и даже темной щеткой на горизонте сосновый бор. На такую высоту я еще не забиралась.

Помню, что я обрадовалась, конечно. Хотя мама рассказывала, что первую зиму жить

в новостройке было невозможно — квартира угловая, на девятом этаже, и в углу якобы щель была, через которую внутрь надувало снега. И что мама одевала меня и сестру и выводила в соседнюю промерзшую комнату — гулять. А потом ничего — сделали ремонт, щель закрыли, и стало очень жарко. И большая лоджия была, на которой я в первом классе по утрам в тренировочном костюме с начесом зарядку делала. С этой лоджии как-то летом у нас улетели из клетки два волнистых попугая. В детстве на этой лоджии у меня был «дом» под навесом из покрывала, а после окончания одиннадцатого класса, лежа на отцовской старой фуфайке, я готовилась поступать в университет. Перед Новым годом на лоджии всегда морозили пельмени — штук двести или сколько их там входило на огромную съемную крышку от кухонной электроплиты.

Бабе Ане дали квартиру в соседнем подъезде. У бабушки квартира была маленькая, и балкончик был в ней маленький, но на нем дедушка по-прежнему плел сети и вялил рыбу. Вообще, переехав, дедушка и бабушка сохранили многие свои привычки от жизни в том, прежнем, доме. Например, в баню ходить. Как это, совсем в баню не ходить? И однажды бабушка взяла меня с собой в общественную баню. В бане мне не понравилось: жарко и страшно. И беззащитный ты там какой-то, даже одежды на тебе нет.

У бабушки была коса, и поэтому у нее были расчески-гребешки, изогнутые дугой. Она косу на затылке узлом сворачивала и гребешком закрепляла. И нам, бывало, тоже такие гребешки дарила, но в наших стриженных волосах они плохо держались, и мы ломали их быстро.

А бабушка Надя дарила нам духи — «Красную Москву» и «Белую сирень». Это были самые первые духи в моей жизни. Конечно, пахучая жидкость очень быстро тратилась на наши комариные укусы или проливалась случайно. Пробки шли в игру (ширк ногой по полу!), а пустые флакончики мама клала между свежeweыглаженными простынями, и в деревянной утробе шкафа еще долго сохранялся еле слышный аромат «Белой сирени» или «Красной Москвы».

А однажды баба Аня подарила мне красивое платье. И я так обрадовалась, что пообещала тоже подарить ей платье — только с первой пенсии. «Ну, долго ждать придется!» — засмеялась бабушка. Не дождалась...

От деревенской жизни у бабушки осталась прялка. Иногда ей из деревни привозили овечью шерсть, бабушка пряла ее и вязала из нее носки. Они всегда были серые или коричневые, а в шерсти попадались щепочки и соринки.

— Овечкой пахнет, — говорила бабушка и объясняла мне: — Это кудель, а это веретено.

Когда я прочитала сказку про спящую царевну, которая укололась веретеном и уснула на сто лет, я пошла к бабушке смотреть, как там этим веретеном уколется можно было. У бабушкиного веретена был тупой кончик, которым проколоть палец не было ну никакой возможности.

— Так у той-то, у царевны, оно же, поди, железное было, — объяснила бабушка. — Мое-то веретено простое, деревянное, только занозу и можно подцепить. А может, это она так себе палец занозила?

У бабушки дома был еще самовар — только не настоящий, а электрический. Но все равно редкость, у нас такого не было. Еще железная кровать с сеткой. Если такую вдруг кто выбрасывал, то мы на этой сетке во дворе прыгали до тех пор, пока не начинало колоть в бок. Настоящая деревянная скамья. В ванной всегда веник висел — для бани. На полу кружки, из лоскутков связанные, и дорожки тканые. Все это переехало вместе с бабушкой с улицы Радищева, со «своего дома» на несколько семей.

Каждый раз, оказываясь по каким-нибудь своим делам на улице Радищева, в любой ее части, я пытаюсь представить, каким был этот «свой дом», где он стоял, насколько ветхим он мог бы стать спустя почти сорок лет. И не могу представить, потому что кроме тех нескольких фотографий, сделанных любительской камерой, собственных воспоминаний не имеется. Не хватает будто чего-то, одного маленького корешка. Его отсутствие, конечно, никаким образом на общую устойчивость моей жизни не влияет, но хорошо бы, коли такой корешок у меня был.

В очередной подборке мемуарных очерков Сергея Боженко – портреты тех замечательных людей, благодаря которым Барнаул стал таким, каким мы все его знаем и любим. И пусть они не коренные горожане, возможно, даже жили в краевой столице не так долго, но созданные ими городские образы с нами всегда!

МОИ ГОРОЖАНЕ

Сергей Боженко.

Фото из архива редакции.

КОГО НАДО БЕРЕЧЬ

В 70-80-х годах прошлого века в Барнауле блистал талантом известный зодчий Анатолий Шимин. Родился он в Новосибирске во Власьев день, в год организации первого в Сибири зоопарка. Наш герой гордился тем, что свой день рождения он праздновал одновременно со звездой советского кинематографа Еленой Соловей. Интересно, что его дед некогда работал в Барнауле главным землемером.

Творческая юность нашего героя пришла на время войны во Вьетнаме. Поэтому друзья дразнили его Хо Ши Мином.

Зодчий Шимин стал широко известен в Барнауле тем, что спроектировал на улице Анатолия самый большой жилой дом для партноменклатуры. Народ прозвал этот дом малосемейкой, потому, что в нем поселилось очень мало семей.

Анатолий Шимин был партийным. Приятным сюрпризом для него стало

открытие XXV съезда КПСС в день его рождения.

Некоторое время Шимин занимал кресло главного архитектора города. Он фонтанировал идеями. Избыток творческой энергии выплескивал на подчиненных. Более того, награждал их правом эти идеи исполнять. Благо плановая экономика позволяла финансировать реализацию. Будучи человеком наблюдательным, он поучал:

– Чем меньше чиновник знает, тем большая часть его речей понятна публике! – Потом добавлял: – Нет такой работы, которую невозможно было бы не выполнить...

В силу должностных обязанностей он принимал участие в сдаче-приемке построенных объектов. Однажды комиссия приехала на приемку многоэтажного жилого дома. Заказчик говорит:

– Прекрасный дом. Надо принимать!

Шимин его останавливает:

– Рано. Дом дает усадку.

Подрядчик настаивает:

– Надо принимать. Девятиэтажка смотрится как на картинке!

Шимин разворачивает проект:

– Какая картинка? Дом-то двенадцатиэтажный!

Короче, не верил главный архитектор города застройщикам. И проявлял свой холерический темперамент. В этом виде господин случай свел его с известным московским скульптором И.Д. Бродским.

Столичный мастер увидел в лобастом голубоглазом Шимине воплощение художественного образа сибиряка. Так волею судьбы зодчий Шимин стал прообразом скульптуры изобретателя двухтактного паротмосферного двигателя Ивана Ползунова. Той самой, что стоит перед главным

корпусом Алтайского государственного технического университета.

Позже Анатолий Арсентьевич оставил архитектурный след в Калуге.

Эпоха рыночной экономики открыла незаживающую рану в душе нашего героя. Шимин провидчески ругался:

– Мы, архитекторы, – бревно на пути инвестора. Нас спихнули с дороги. Из этого бревна скоро выстругают нового Буратино для битья за чужие грехи!

Последние годы жизни он работал Москве, в бывшем Госстрое. Он любил повторять:

– Хороших людей мало. Нас надо беречь!

БЫТЬ НЕ ГЛУПЕЕ

Будущий архитектор Галина Тешурина (в замужестве – Первушина) появилась на свет, когда в Стране Советов было введено обязательное начальное образование. Она родилась, когда расцвет революционной архитектуры в СССР достиг апогея и начался ее закат. В тот год маховик репрессий лишь начал раскручиваться. Однако товарищ Бендер уже завел «дело» на гражданина Корейко.

Скромная девушка из Белоаярска закончила обучение в Сибстрине в год смерти Сталина и десять лет отработала в Омске. В год убийства Кеннеди она стала главным архитектором проектов – в Алтайгражданпроекте. Так даты исторических событий обозначили вехи ее профессионального роста.

Галина Первушина вступила в Союз архитекторов, когда Белку и Стрелку запустили в космос. Она из когорты советских зодчих, обреченных государством на изнуряющую душу экономию строительных и отделочных материалов. Из Омска Галина

отправилась в Барнаул, когда в космос впервые отправилась женщина.

Мало кто знает, что Первушина – автор проекта башни с часами на угловом трансстроевском доме на площади Победы в Барнауле. Однако по-настоящему Галина прославилась, запроектировав спорткомплекс «Обь». Совместно со Станиславом Зенковым она создала проект барнаульского автовокзала. Для конца 1970-х годов это было заметным архитектурным событием. Кроме того, она разработала для столицы края ряд жилых кварталов и микрорайонов.

Архитектор Первушина – скромный человек. Она говорила:

– Мудрый человек не считает себя умнее всех. Он старается быть хотя бы не глупее остальных...

Звание «Заслуженный архитектор России» она получила в год гибели Индиры Ганди.

Галина Ивановна выпестовала целую плеяду барнаульских зодчих. В духе времени она исправно играла роль наставника начинающих проектировщиков. С вкрадчивыми речами и грудным голосом в казенных стенах проектного института она казалась воплощением материнской доброты и заботы.

Она была инициатором и идеологом так называемого клуба молодых зодчих. Клуб просуществовал полтора десятка лет. Пока молодые зодчие не состарились.

Будучи широко известной, Галина Ивановна отличалась интеллигентностью, кротким нравом и хорошим вкусом. При этом она ориентировалась на современные образцы европейской архитектуры. Поэтому на архитектурно-технических советах ненавязчиво предлагала молодым зодчим:

– Не могли бы вы запроектировать что-нибудь пофранцузистей?

ЗА ЧТО НАДО ДЕРЖАТЬСЯ

Известный барнаульский зодчий Николай Вдовин явился на свет Божий в горячие годы. В то время в Краснодаре (Донбасс) была создана подпольная комсомольская организация «Украинская гвардия», которая позже стала известна как «Молодая гвардия».

Когда у Вдовина интересовались его возрастом, он с гордостью отвечал:

– Я человек образца 1942-го...

Детство будущей звезды алтайской архитектуры прошло в Тальменке. После окончания школы Коля работал на заводе. Высшее образование он получил на архитектурном факультете Новосибирского инженерно-строительного института, который старожилы ностальгически называют Сибстрином.

Профессиональную деятельность архитектор Вдовин начал в Томске. Там же вступил в Союз архитекторов. Это случилось в год 50-летия СССР, когда впервые возник дефицит колбасы, зато вошли в моду брюки клеш.

Творческую карьеру маэстро Вдовин продолжил в Барнауле, в Алтайгражданпроекте. Будучи членом партии, он проявлял административные способности, терпение и самодисциплину. Однако в теплой компании мог помучить гитару. Там он познакомился с архитектором Андреем Гётте. Однажды они побеседовали и расстались весьма довольные друг другом. И собою тоже. Позже архитектор Гётте вспоминал:

– Николай Филиппович – прекрасный человек. Жаль, что слишком молчалив.

Вдовин не оставался в долгу. Он рассказывал:

– Андрей Павлович – замечательная личность. Жаль, что слишком разговорчив.

В советские времена институт Алтайгражданпроект был средоточием технической интеллигенции. В период так называемого застоя Вдовин возглавил мастерскую генеральных планов. Та мастерская стала кузницей кадров управленцев-градостроителей.

В 70-х годах прошлого века тему строительства на Алтае освещал известный журналист Иван Прилипченко. Однажды он спросил у Вдовина:

– Что такое богема?

– Аристократия духа, – последовал ответ.

Некоторое время наш герой возглавлял городскую архитектурную службу Армавира, но вернулся в Барнаул.

Вдовин – один из основателей градостроительной школы на Алтае. Усиленные занятия градостроительной наукой сказались на лексиконе знаменитого зодчего. Он выражался примерно так:

– Архитектурно-планировочное решение структуры дифференцированно актуализируется необходимостью функционального насыщения градостроительной ткани...

Краевое начальство потом интересовалось у очевидцев:

– Какую такую ткань Вдовин требовал от заказчика?

В другой раз на градостроительном совете зодчий Вдовин выразился еще замысловатее:

– Объемно-пространственное решение композиции обусловлено дискретностью развития скелета системы общегородского центра и насыщения его градостроительным мясом...

Представитель инвестиционно-строительной мафии потом любопытствовал:

– Чего это Вдовин про мясо говорил? Может, лучше деньгами?

Короче, опережал Николай Филиппович своих современников. Или они не догоняли? В конце концов наш герой переключился с административной деятельности на педагогическую. При этом было ясно, что он очень впечатлительный человек. Однажды Вдовин рассказал:

– Вчера я весь вечер консультировал свою студентку. Потом всю ночь не мог заснуть. Лучше бы я с нею не занимался!

– О-о-о! – многозначительно восхитились его коллеги.

– Я о дипломной работе говорю... – обиделся рассказчик.

Заслуженный архитектор России Николай Вдовин известен как замечательный педагог и добрый наставник. Начинающему зодчему он давал единственный совет:

– Держись за карандаш...

Новость о смерти в США высокопоставленного российского разведчика-перебежчика Потеева стала поводом вспомнить череду «их шпионов / наших разведчиков», которые имеют отношение к Алтайскому краю. Если углубиться в биографии некоторых из них, то можно увидеть, что они имеют определенное отношение (подлинное или мнимое) к некоторым известным книгам и фильмам о разведке.

БАРНАУЛЬЦЫ В ШПИОНСКОМ ЖАНРЕ

Евгений
Чекирка.

«ИСТОКИ»

В советское время органами уделялось особое внимание показу в литературе и кино работы разведчика. Шли к этому вниманию, конечно, путем проб и ошибок. В 1939 году в журнале «Литературная учеба» критик Михаил Платошкин разобрал публикацию «Алтайской правды»: «Вот рассказ В. Владимирцева «Незванный гость» (газета «Алтайская правда», гор. Барнаул). К колхознику Степану Капитонычу приходит сын, служивший в Гражданскую войну у белых и после разгрома Колчака сбежавший за границу. Держится он смело, и отец подумал, что сын его прощен, вернулся в СССР с разрешения правительства. Он рад, мать тоже рада. Казалось, матерый белогвардеец Пётр легко проведет своих доверчивых родителей, но он сам раскрывает карты. Когда отец спросил, давно ли он из-за границы, Пётр гордо сказал: «С месяц». Отца удивила эта гордость. «Почувствовал — предположение о том, что сын порвал с прошлым, обманчиво». Он насторожился.

— Ну, и как приняли тебя у нас... Рассказывай.

— Последнее время находился в Японии, — повествовательным тоном заговорил Пётр, но сразу же осекся. Посмотрел на брата, потом на отца.

— Пойдем в горницу. Закрылись в горнице вдвоем. Голос Петра был тихим, вкрадчивым.

— С документами у меня благополучно. Побуду у вас два дня. Потом поеду... Присмотреться надо.

— Задание имеешь? — почти вскрикнул Степан».

Все как будто ясно: несдобровать Петру, пора уносить ноги. Но Пётр и в ус не дует. Он даже не отговаривает отца, когда тот посылает второго сына за водкой, не встревожился, когда отец, «забыв что-то наказать, побежал вслед, догнал посылного и долго шептался с ним». Такого недогадливого врага нетрудно выловить. <...> Начинающие авторы не замечают, что крупный шпион обычно бывает опытным,

изворотливым, хитрым, он не совершит такого глупого поступка, какой совершает белогвардеец Пётр в рассказе Владимирцева...».

Статья критика Платошкина с таким острым разбором показа шпионов в литературе названа все же уважительно к жанру — «Важная тема».

МАЙОР ПРОНИН И МАЙОР КВИН

Лев Овалов современному читателю почти незнаком. Пик популярности этого автора детективов пришелся на 1960-е годы. Рожденные после могли обратить внимание на майора Пронина разве что по упоминанию в киносказке Роу «Огонь, вода и медные трубы», где главный герой увлек подводного царя приключениями майора. Считается, что на прониане учились Юлиан Семёнов и братья Вайнеры. Последняя из книг о майоре Пронине датируется 1963 годом. Причем на первой странице книги «Секретное оружие» нашлось место и Барнаулу:

«Глава первая

Леночка знакомится с Королёвым

В круговорот событий, о которых пойдет речь, семья Ковригиных была втянута обычным телефонным звонком...

Впрочем, семья Ковригиных невелика, может быть, именно этим и объясняется, что она стала жертвой тех тайных и темных сил, которые подчас могут оказаться страшнее даже циклонов и землетрясений. Состояла семья Ковригиных всего из двух человек — Марии Сергеевны и ее дочери Леночки. Об отце — Викторе Степановиче Ковригине — Леночка знала только со слов матери.

Так же как и Мария Сергеевна, Ковригин был математиком, они и познакомились при поступлении в университет. Родился он в деревне под Барнаулом и любил иногда похвастаться, что он «из сибирских мужиков». «Думаем медленно, но когда уж задумаем, — все, закон, чистая математика».

Он сглатывал иногда окончания слов, вспоминала мать, говорил правильно, но ему нравился родной деревенский говор, у него получалось: «думаю медленно», «чиста математика»...».

О популярности у читателя Овалова и Пронина может свидетельствовать и то, что этот роман перевели и издали в Нью-Йорке в 1965 году — издательство Award Books под названием *Comrade Spy*. Овалов умер только в 1997 году, но про майора Пронина больше не писал (кстати, пришлось Овалову и срок отбыть в сталинские времена, ни много ни мало — 15 лет).

Намного раньше будущий барнаулец и писатель Лев Квин, когда участвовал в издании газеты в послевоенной Вене, однажды обжегся на продукции Льва Овалова. Лев Израилевич так вспоминал тот случай: «...Короче говоря, газета печатает гнусные пасквили на советскую контрразведку, сочиненные в свое время неким Львом Сергеевичем Шаповаловым (литературный псевдоним, так сказать, маска, прикрытие — Лев Овалов), арестованным сразу же после начала войны и осужденным скорым и справедливым советским судом на 15 лет за контрреволюционную деятельность. Таким образом, пока злобный враг советской власти Лев Овалов отбывает длительный срок наказания за свои черные дела, газета Красной Армии печатает для ничего не подозревающего, не искушенного в политике австрийского населения его «творения», насквозь пропитанные смертельным ядом антисоветизма.

Лев Квин.

Разумеется, печатание «Дела Роджерса» оборвали на самом взлете, невзирая на традиционную концовку, завершавшую предыдущий отрывок в газете: «Продолжение следует». Полковнику Лазак со стороны командования вlepили очередной строгий выговор, а по партийной линии готовилось собрание, на котором с участием высокого начальства должны были рассмотреть вопрос «О потере бдительности в партийной организации редакции». Как видите, роковую формулировку насчет врагов народа несколько приглушили.

О читателях, само собой, никто не подумал. А они, ничего не ведавшие о нехорошем поведении автора понравившегося им произведения, сначала дней пять-шесть терпеливо ждали продолжения, а потом

стали бомбить редакцию негодующими письмами. Когда и это не помогло, прибегли к самому сильному средству и начали, как говорится, группами и в одиночку отказываться от подписки на газету.

А когда такие письма стали ежедневно поступать пачками, редактор снова собрал мудрецов. И снова получилось так, что на этом собрании оказался и я. Не потому, что числился среди мудрецов, а потому, что считал себя хоть и без вины, но все-таки виноватым за разразившийся скандал и хотел как-то оправдаться перед пригравшим меня коллективом. Мол, поверьте, не нарочно я, сам ничего не знал. Вот честное слово... Ну и так далее.

Но произошло нечто совершенно неожиданное.

— Что будем делать? — спросил улыбающийся Лазак. Он всегда улыбался в самых, казалось бы, неподходящих ситуациях. Лишь в редких случаях, когда взрывался, то демонстрировал умение и поорать, и поругаться как заправский ротный старшина. Правда, такие приступы продолжались у него недолго.

Мудрецы молча насупились, уткнув глаза в стол.

— Не знаете? А вот что!

Лазак взял со стола клише, предварявшее каждый отрывок злосчастной повести Овалова. На глазах у всех без особых натуг отломил фамилию автора, вызвал из приемной ожидавшего там австрийца-выпускающего, передал ему «отредактированное» клише.

— Итак, Нойгебауэр, с сегодняшнего дня «Дело Роджерса» снова ставите в номер. Ежедневно. А в воскресенье — два подвала, как вначале, когда запускали в печать. Ферштанден?

— Яволь, герр оберст! — пристукнул каблуками выпускающий».

КАК ИЗ АБЕЛЯ ПОЛУЧИЛСЯ «А. БЕЛОВ»

Ко времени председательства в КГБ Юрия Андропова существовал уже целый Совет по пропаганде деятельности органов КГБ в СМИ, литературе и искусстве. Этот малоизвестный координирующий орган можно встретить у трех руководящих работников КГБ: Юрия Андропова (председатель Совета), заместителя Андропова Семёна Цвигуна (председатель Совета) и у нашего земляка, барнаульца по рождению генерал-лейтенанта КГБ Виталия Павлова. В издании «Внешняя разведка СССР» («Яуза», 2009) Александр Колпакиди и Клим Дегтярев отметили: «В 1961 г. В.Г. Павлов был назначен заместителем начальника ПГУ КГБ при СМ СССР, курировал Управление внешней контрразведки и три отдела: сотрудничества и взаимодействия с разведслужбами дружественных

Рудольф Абель.

стран; оперативной техники; радиосвязи. Представлял ПГУ в Научно-техническом совете КГБ по оперативной технике и в Совете КГБ по пропаганде деятельности органов госбезопасности в СМИ, литературе и искусстве».

Сам Виталий Павлов в своей книге «Операция «Снег» (1996) своеобразно перечисляет успехи и неудачи на почве взаимодействия с писателями. Назвав несколько примеров книг, которые теперь малоизвестны широкому читателю, он очень критично высказался по роману и фильму «Щит и меч»: «Были у меня и неудачи в этой области. Так, мы договорились с писателем В.М. Кожевниковым, что он возьмется за обширный труд о наших разведчиках. Я представил ему Р.И. Абелья, и, надо сказать, Вадим Михайлович загорелся этой темой. Героя произведения назвали Александром Беловым, чтобы намекнуть о прообразе Абеле (А. Белов).

Первая же глава романа, получившего название «Щит и меч» вызвала у меня

В.М. Кожевников.

и Р.И. Абелья категорические возражения. Советский разведчик Александр Белов предстал перед читателями как некая модификация Джеймса Бонда, с авантюристическими выходками, безнравственными поступками. Кожевников горячо отстаивал свое видение темы, доказывал, что наша молодежь нуждается в советских джеймсах бондах. Иначе, мол, роман не будет достаточно популярным.

Р.И. Абель решительно высказал твердое нежелание связывать свое имя с таким героем. Короче говоря, нам пришлось расстаться с В.М. Кожевниковым. Он продолжил работу над произведением в соответствии со своими представлениями о разведке. А мы отказались от признания того, что в основу романа положена жизнь и деятельность реального разведчика, как это предполагалось первоначально. Тем не менее, надо сказать, что писатель создал в общем довольно интересное произведение и даже был впоследствии удостоен литературной премии КГБ СССР.

По роману создали многосерийный телефильм, правда, не особенно удачный, но мы уже к нему не имели никакого отношения».

ЗОНТИК С СЕКРЕТОМ

Кинозрители старшего поколения, наверное, помнят французскую комедию с Пьером Ришаром «Укол зонтиком». Атрибутом главного героя — актера, которого по ошибке перепутали с наемным убийцей, был зонт, убивающий с помощью яда. Фильм появился на советских экранах в 1981 году (через год после французской премьеры). А в 1978 году в Лондоне произошла смерть, которая в определенной мере послужила поводом к появлению киношного зонта с ядом.

По одной из книжных версий, к этой истории имел отношение и уроженец Бийска Виктор Георгиевич Буданов (если верить предателю Калугину, имевшему на Буданова давний зуб): «Несколько более успешно в этой области работали спецслужбы Болгарии и ГДР, которым КГБ оказывал помощь в их операциях. Так,

Виктор Георгиевич Буданов

Родился 6 апреля 1935 года в Бийске. Окончил Новосибирский институт железнодорожного транспорта. В разведке — с 1966 года. Работал в Центральном аппарате КГБ и за рубежом (Великобритания, ГДР). Работал в Москве с Кимом Филби и Джорджем Блейком. Закончил службу в 1992 году в должности начальника одного из управлений Службы внешней разведки. Генерал-майор в отставке. В конце 1990-х годов создал фирму IRIS (International Risk & Information Services), занимающуюся вопросами обеспечения безопасности российских и иностранных компаний в нашей стране и за рубежом. В интервью в Барнауле в 2007 году рассказал, что по примеру других коллег «пробовал написать».

в сентябре 1978 года в Лондоне умер болгарский писатель-невозвращенец Георгий Марков. Смерть наступила в результате укола зонтом, в который была вмонтирована капсула с ядом.

...
«Мы не должны принимать в этом непосредственного участия, — сказал он. — Дайте болгарам, что им нужно, покажите им, как это использовать и направьте кого-нибудь в Софию для подготовки их людей. И это — все». В решении вопроса, по словам Калугина, участвовали начальник ПГУ В.А. Крючков, его первый заместитель М.А. Усатов и сотрудники разведки С.М. Голубев и В.Г. Буданов. Болгарам предоставили разработки секретной лаборатории, которая занималась ядами. Кончик зонта, купленного в США, был превращен в маленький пистолет, стреляющий пульками с рицином. Впрочем, при такой «технической поддержке» с остальным болгарская служба безопасности справлялась сама». (Александр Иванович Колпакиди. «Ликвидаторы КГБ: спецоперации советских спецслужб», «Яуза», 2004. С. 422-423).

ИЗ СМЕРША

В создании сценария художественного фильма «Смерть на взлете» принял участие уроженец Барнаула Андрей Кузьмич Соловьёв. Он родился 28 октября 1918 года в Барнауле. В 1935 году поступил в Ленинградский политехнический институт. В 1938 году по призыву комсомола стал слушателем Ленинградской школы НКВД. Через год, окончив школу и пройдя стажировку в Ленинграде, назначен оперативным уполномоченным истребительного авиационного полка на Кольском полуострове. Участник Советско-финляндской войны.

В начале 1942 года Соловьёв переведен в специальное контрразведывательное подразделение Особого отдела 14-й армии. В 1943 году служил в управлении контрразведки Смерш Карельского фронта. Войну закончил в звании майора.

В 1945 году отозван в Москву, в распоряжение Главного Военно-морского штаба. Служил на Дальнем Востоке. По возвращении в Москву работал сотрудником спецкафедры, затем руководителем одного из подразделений в Высшей школе КГБ имени Ф.Э. Дзержинского. С 1978 года полковник Соловьёв в отставке. Андрей Кузьмич неоднократно избирался заместителем председателя Совета ветеранов Карельского фронта, возглавлял одну из комиссий Совета ветеранов Управления военной контрразведки ФСБ России. Много времени уделял творческой литературно-публицистической деятельности. Автор ряда документально-художественных книг («Волки гибнут в капканах», «Голубой песок теряет когти») и статей, а также сценария кинофильма «Смерть на взлете». Член Союза писателей России (2001). Андрей Кузьмич награжден тремя орденами Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями.

Очерки Соловьёва «Письмо», «Шпионам дороги нет» и «По скользкой тропе» были опубликованы еще 40 лет назад в сборнике «В схватках с врагом» («Московский рабочий», 2-е изд., 1976), вместе с очерком упомянутого выше заместителя Андропова Семёна Цвигуна.

ПОД СВОИМ ИМЕНЕМ

Вот такой диалог врачей можно прочесть в книге Павла Сутина «Эти двери не для всех»:

— «Мертвый сезон» смотрел?

— Это с Банионисом?

— Да.

— Смотрел...

— Конон Молодой — знаменитый разведчик. Лёха с ним то ли в родстве, то ли семьи дружили... «Мертвый сезон» — это про Конона Молодого. Он прототип главного героя.

В журнале «Знамя» это еще было. Аграновский — «Профессия — иностранец»... Заслали в Канаду, оттуда он перебрался в Англию... Стал миллионером, отслеживал военно-морские базы... И спалился. Просидел три года в английской тюрьме, обменяли... Роскошный мужик, конечно... Позвонил мне Галкин отец, Борис Борисович: «Гриша, я хочу, чтобы ты моего товарища прооперировал». Я его товарища посмотрел, положил к нам, обследовал... Интересный мужик... Янгайкин Сергей Алексеевич... В этой конторе интересных мужиков хватает... Он шпионил в Латинской Америке — в Перу, в Мексике...

Однажды я его пригласил в ординаторскую чайку попить. Вечер, поздно... Хороший дядька, разговорились... Я сказал — пойдемте, чаю поьем. И я ему рассказал про Лёху и про Молодого. Он послушал и говорит... Симпатичный такой человек, был простым инженером в Барнауле,

Виталий Григорьевич Павлов

Родился 30 сентября 1914 года в Барнауле. Трудовую деятельность начал слесарем-паровозником на Барнаульском вагоноремонтном заводе. С 1933 по 1937 годы учился в Сибирском автомобильном институте в Омске. После его окончания был направлен в органы государственной безопасности. В 1938 году окончил Школу особого назначения НКВД и был зачислен на работу во внешнюю разведку, где прослужил полвека – до 1988 года.

В конце 1930-х – начале 1940-х годов руководил американским направлением Иностранного отдела НКВД. В 1943-1946 годах Виталий Григорьевич был резидентом в Оттаве, работал с легендарным Рудольфом Абедем (Вилли Фишером). По линии нелегальной разведки прослужил 11 лет, в 1958-1961 годах был начальником этого управления. В 1961-1966 годах – заместитель начальника всей внешней разведки. Затем возглавлял резидентуру в Вене, с 1971 по 1973 годы был начальником Краснознаменного института КГБ СССР им. Ю.В. Андропова (в настоящее время – Академия внешней разведки), потом представителем КГБ СССР при МВД Польской Народной Республики, старшим консультантом одного из управлений внешней разведки. В 1987 году вышел в отставку по возрасту.

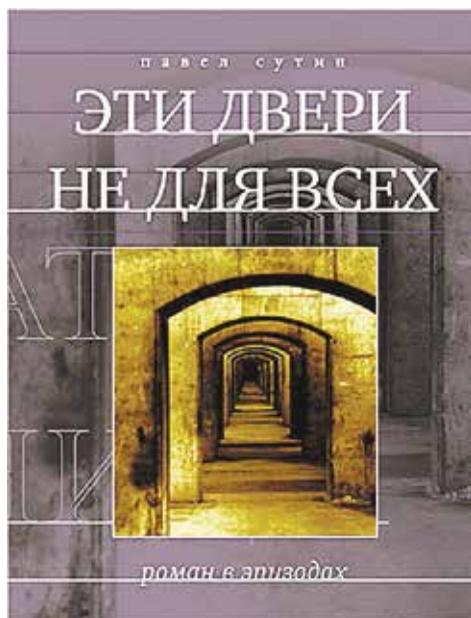
Автор многих книг по истории разведки. Умер 11 апреля 2005 года.

металлургом, анкета безупречная, активный комсомолец... Взяли его на работу в органы. Представляешь, да? Высшая школа КГБ, был простой инженер, а тут перед ним весь мир... Он был очень способный к языкам... Значит, я ему рассказал про Молодых, а он мне отвечает – понимаете, говорит, Григорий Израилевич, в нашей профессии известность – это признак профнепригодности. Я, говорит, шесть лет был менеджером строительной компании в Венесуэле. И очень, хочу вам сказать, плодотворно поработал... Поскольку моя компания строила аэродромы. Всякие аэродромы, стратегические – в том числе. И никто про меня ничего не знает. И никогда не узнает. А Конон Трофимович, конечно, человек известный, портрет его висит в Зале славы. Но он ведь потому и известный, что спалился».

Полковник внешней разведки в отставке Янгайкин действительно существует, если судить по имеющейся в Интернете

его страстной статье-призыву «Только мы, граждане страны, можем восстановить величие России!». Что касается его биографии разведчика, то он все же «спалился». Старое сообщение (еще 1965 года) о выдворении из Уругвая четырех сотрудников посольства СССР, в том числе Сергея Алексеевича Янгайкина, можно прочесть в имеющихся в Интернете информационных бюллетенях Госдепартамента США на английском и французском языках. Вместе со вторым секретарем посольства (нашим бывшим «простым инженером в Барнауле, металлургом») были выдворены атташе по культуре Алексей Зудин, Николай Иванов, Владимир Швец. Примечательно, что в биографии известного барнаульца по рождению Георгия Гавриловича Матюхина (председатель Центрального банка Российской Федерации с декабря 1990 года по июнь 1992 года) тоже пишут про его высылку из Уругвая в 1965 году. Но, как видим, фамилии Швец, Иванов, Зудин мало напоминают фамилию Матюхин...

Сам Георгий Гаврилович так вспоминал свое недолгое пребывание в Монтевидео: «После четырех лет работы в центральном аппарате ПГУ меня наконец направили в Уругвай. Конечно, не успел я туда приехать, как уже вся колония знала, кто я такой – такая у нас была в то время конспирация. <...> Не знаю точно, что у них было на уме, но я чувствовал, что все встречи контролируются, и поэтому решил играть роль наивного человека, простачка. Но это, видимо, не помогло. Когда в Уругвае пришел к власти новый президент, Пачеко Ареко (он был предшественником установления в стране военной диктатуры), мне это припомнили. Пачеко Ареко, видимо, хотел как-то отблагодарить США, поэтому первой его акцией было выдворение из страны группы советских разведчиков. В их число попал и я. Вернувшись домой, я понял, что для разведки я «сгоревший»...». («Я был главным банкиром России», изд. «Высшая школа», 1993.)

ПОЭТЫ В ГОРОДЕ

Фото Михаила
Хаустова.

Владимир Коржов
ИЗ ДЕТСТВА
(диптих)

1
Дощатые мостовые
Послевоенных лет
Ведут в переулки кривые,
Которых теперь уже нет.

Рыбак — дед Прокоп — проходит,
Постукивая костылем:
— Ну, как урожай в огороде?
— Будет, если польем!

Соседка бабка Дончиха,
Пережившая сыновей,
К реке спускается тихо
Покликать своих гусей.

Сияет солнце на небе,
Вьюнами забор увит.
И очередь с ночи за хлебом
Умагазина стоит...

2
От балиндера* до «Спички»**
Колея вела одна.
Мы цеплялись по привычке
За последних три бревна,
За последнюю платформу —
Мчались в гору с ветерком...
Жизнь во всем входила в норму,
С песней звонкой, с огоньком.
Нам, мальчишкам-непоседам,
Жизнь казалась — трын-трава.
Так привольно было летом
О, как пахли те дрова
И рекою, и живицей,
И далекой стороной...
На «Кукушке», как на птице,
Мы летели над страной!
Незаметно возмужали.

Шел шестидесятый год.
А колеса дребезжали.
Плыл над Родиной восход.

*Балиндер — место на берегу реки, где склади-
руется и частично перерабатывается сплавной
лес.

** «Спичка» — Барнаульская спичечная фабри-
ка (прим. авт.).

Евгений Ермаков

Солнечной улыбкой Барнаула
Распахнулся Ленинский проспект,
И душа нечаянно шагнула
Из груди на этот яркий свет.
И пошла, и сразу засияла,
Набирая ширь и высоту,
И навек восторженно впитала
Музыку, людей и красоту.
И дома, и парки, и заводы,
Дол и Обь, и лес во цвете сил.
И в порыве счастья и свободы
Я в тот миг над городом парил.
И с небес спустился я не скоро.
Приземляясь, бережно шепнул:
«Ты — моя надежда и опора!
Ты — мой добрый ангел, Барнаул!».

Елена Рябова

Разлилась синева по улицам
Из целебного неба-ковша.
Перестали дома сутулиться
Тем настоем ночным дыша.

Барнаул, как жених осанистый,
Сбросил ношу дневных забот.
И девчоночка в легком платьице
На свидание с ним идет.
Здесь и я каблучками звонкими

*В песню улиц свою вплела.
Пусть пугает судьба потемками,
Лишь была бы душа бела.*

Сергей Сорока

*Звенящий колокол тревоги
из пустоты кричит во мглу.
На перекрестии дороги,
на каждом памятном углу.*

*Звенящий колокол удачи
не извещает, но с зарей
вечернюю успех не спрячешь
и даже пасмурной порой.*

*Поющий колокол свободы
с победой вместе пополам
уносит звоны в небосводы,
разносит радость по полям.*

*Счастливый колокол над Обью
повесил серебристый гул,
и нашей звонкою любовью
он оглашает Барнаул.*

Наталья Николенкова

*Прощай, моя любовь! Такое солнце,
Что город стал песочными часами,
И каждые глаза припорошило
Каленой струйкой жесткого песка.
Троллейбусы сопят, исходят потом,
И толстые мороженщицы тают,
Отсчитывая липкие копейки
За свой волшебный, золушкин товар.
Прощай, моя любовь! Куда податься?
«Под шпилем» — злая очередь за соком,
В кофейне — тарарам, поскольку лето,
Каникулы, безделье и жара.
И — жажда, жажда — пересохла глотка.
(Но как сегодня женщины красивы!
Смотри, вон та, в короткой красной юбке...
Как бабочки, как выставка цветов.)
Прощай, моя любовь! Пройдем базаром,
Спасемся от жары в кинотеатре.
Последняя, последняя прогулка —
И это солнце, плавящее лоб...
Ты купишь мне букетик на Октябрьской —
Немного жалкий, вялый, полумертвый, —
И поглядишь от зноя томным взглядом,
И будешь яростно ловить такси.
Прощай, моя любовь! В такое время
Сказать «прощай» невыносимо трудно.
Уж лучше — в октябре, с листом последним.
Под флейту тонконогого дождя...*

Для меня непреложная истина заключается в том, что любой уважающий себя человек, думающий, рефлексирующий, в поиске ответов на злободневные вопросы обращает свой взор к первооснове – истории родной земли и людей ее населявших – строивших, изобретавших, творивших во благо других.

Нам, ныне живущим в Барнауле в период его зрелости, самой историей предоставлен удивительный материал, достойный не простого прочтения, а глубокого погружения с целью извлечения из него драгоценных крупинки культурно-исторического наследия. А извлекать, действительно, есть что.

Ольга
Колбашева,
заведующая
библиотекой
им.
В.М. Башунова.

БАРНАУЛ В БИБЛИОТЕЧНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Фото
из архива ЦБС.

Биография нашего города не велика с точки зрения хронологического охвата, но ее смело можно назвать уникальной – так ярко расцветена она событиями и именами на протяжении без малого трехсотлетней истории.

На этапе далекого прошлого Барнаул периода горного города – точка наивысшего расцвета, достижениями которого пользовалось не одно поколение. Неслучайно известный барнаульский писатель, краевед, исследователь и популяризатор алтайской старины А.М. Родионов определил статус города этого периода как валютный фонд нашей страны. Но и позднее, во времена преуспевающего купечества, в годы формирования промышленного потенциала и его успешного функционирования, наш город, а вернее, его жители, своим трудом смогли сформировать имидж Барнаула как территории значимой, со своим лицом, прославленной достижениями,

не имеющими аналогов в мире. Барнаул сегодняшний не менее интересен, он многолик в своих достижениях, приобретениях, начинаниях. Он открыт инновациям и одновременно верен традициям, стремится сохранить лучшее, что создано в прошлом.

Вот и возникает вопрос, скорее риторический: как можно не участвовать в процессе воссоздания запечатленных и написания новых страниц летописи города, биографий людей – наших предшественников и современников?!

У библиотек есть все возможности осуществлять последовательную, системную работу по продвижению знаний о нашей малой родине, тем более что информационные ресурсы, кадровый потенциал библиотечной среды позволяет сделать это на самом высоком уровне. Библиотекари Барнаула по своей сути являются краеведами. Нет, конечно, не в абсолютном значении, но в стремлении изучать, исследовать, адаптировать полученные сведения и делать их доступными и популярными, вызывающими настоящий интерес в местном сообществе, а зачастую и далеко за пределами нашего региона.

Если охарактеризовать работу в библиотеках города по продвижению и популяризации местного материала, ее можно разделить, как это принято в науке, на два направления: историческое и литературное краеведение, в данном случае – барнауловедение. Отмечу, что, термин «барнауловедение» («градоведение») введен в оборот школьными педагогами. Он идентичен термину «краеведение», но применяется для усиления акцента на важности изучения и предоставления информации именно о Барнауле.

Традиционно в библиотеках литературному градovedению уделяется значительно большее внимание, нежели историческому.

Это и понятно, работа с художественным текстом – приоритетный вид деятельности, который имеет в большей степени окраску литературного просвещения. Кроме того, жизнь людей, история, природа, перенесенные в художественный контекст, имеют при этом эстетическую значимость.

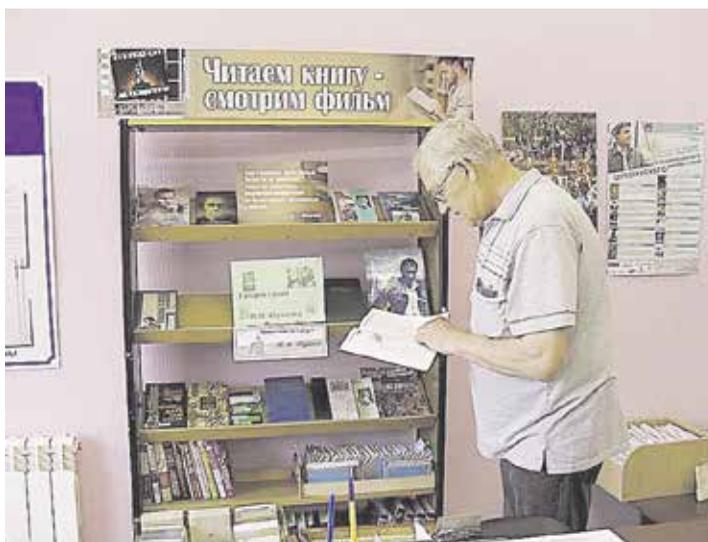
Процесс этот многогранен и проявляется в нескольких позициях, прежде всего – сохранение и популяризация литературного наследия Барнаула. Работа библиотекарей заключается в формировании устойчивого интереса к жизни и творчеству местных писателей посредством проведения всевозможных мероприятий. Имена целой плеяды алтайских писателей, таких как Л. Квин, В. Попов, М. Юдалевич и других, с подачи библиотечных работников приобретают новое звучание, их произведения востребованы, а герои книг становятся в один ряд с современными.

Показателем общественного признания, значимости и высокого уровня мемориальной деятельности библиотек Барнаула является присвоение имен известных барнаульских поэтов и прозаиков наиболее успешным. Этой чести удостоены филиал № 20, он носит имя М.И. Юдалевича, а филиалу № 36 присвоено имя В.М. Башунова. Библиотека – активный участник ежегодных краевых Башуновских чтений.

Не менее важной частью работы библиотеки является исследование современного литературного процесса в городе, также активизация просветительской деятельности местной литературной интеллигенции.

Библиотечное сообщество Барнаула отчетливо осознает свою миссию в этом процессе – быть посредником между писателем и читательской аудиторией, помогать каждой из этих сторон в достижении цели: для автора быть услышанным, читаемым, а для книголюбителей – удовлетворенными, просвещенными. Реализации этой задачи в определенной степени способствуют организуемые библиотекарями встречи горожан с ведущими барнаульскими писателями и начинающими авторами, различные формы непосредственного общения с читателями: вечера, читательские конференции, диспуты, создание студий, клубов. Стоит отметить, что практически все библиотеки накопили немалый опыт в организации подобных мероприятий. И все же хочется отметить работу в библиотеках № 11, 14, 17, 20, 36, а также в Центральной городской библиотеке им. Н.М. Ядринцева, Центральной детской библиотеке им. К.И. Чуковского. Здесь сложилась определенная система в работе по приобщению к чтению современных барнаульских писателей и по популяризации творческого наследия местных авторов, принадлежащих к разным эпохам, но оставивших заметный след в культурной жизни региона, страны.

Жители краевой столицы благодаря

стараниям коллектива библиотеки-филиала № 20, носящей имя М.И. Юдалевича, стали соучастниками литературного процесса, происходящего в Барнауле. Презентации новых книг, встречи с поэтами и прозаиками, регулярно проводимые вечера памяти барнаульских мастеров слова, таких как Я. Озолин, В. Казаков, объединили авторов, литературоведов и слушателей. Такое взаимодействие дает ощутимый результат – растет число поклонников местных авторов, расширяются границы просвещенного сообщества любителей книги.

Как известно, Барнаул – город гостеприимный, открытый для разных гостей, в том числе и для обучающихся в вузах иностранных студентов. Их взоры обращены к библиотекам, которые воспринимаются ими не только как носители книжных сокровищ, но и как центры общения, дополнительного образования, поддержки в плане адаптации к новым условиям. Не скрою, данная категория пользователей потребовала от библиотекарей поиска новых подходов к организации работы с ней. Вовлечь в культурно-языковую среду молодых людей, едва знакомых с основами русского языка, задача не из легких, особенно если знакомство с этой средой происходит средствами литературы, в том числе поэзии – одного из самых сложных жанров. Как показал опыт, библиотекарям это по плечу. Усиливает воздействие на аудиторию живое слово, встречи с авторами, подобные таким, как в библиотеке № 3. «Поэт, разбуди стихами мир» – так торжественно, строчкой из стихотворения было названо мероприятие, в котором приняли участие алтайские поэты, члены Союза писателей России. В своих стихах, разных по стилю, но схожих в желании признаться в любви родному Барнаулу, они поведали студентам об удивительной судьбе города, о его талантливых и гостеприимных людях.

Подобные мероприятия – часть проекта

«Библиогид для иностранных студентов», реализуемого сотрудниками Мемориальной библиотеки им. В.М. Башунова. Постигание основ русского языка осуществляется разными методами. Благодаря работе с иностранными студентами мы убедились в правильности утверждения, что именно культура, точнее сказать, взаимодействие культур — наиболее верный путь к получению новых знаний, к овладению языковыми навыками.

Для любой аудитории — независимо от возраста, социального статуса, национальной принадлежности — библиотекари стремятся сделать знакомство с русской литературой, в том числе с произведениями барнаульских авторов, не просто понятным в языковом плане, но и познавательным, просветительским по своей сути.

Барнаул наших дней позиционируется как окно в большой туризм Алтайского края, тем более что город прилагает большие усилия по сохранению уникальных

историко-культурных объектов, представляющих интерес для широкой аудитории. Интеграция библиотечной деятельности в данную сферу — веление времени.

Особое значение в контексте концепции развития туристической сферы Барнаула имеет формирование литературных маршрутов по городу. Такой опыт накоплен Мемориальной библиотекой им. В.М. Башунова, где сложилась традиция проведения автобусных экскурсий по барнаульским адресам писателей, живших или посещавших наш город в разные исторические периоды. Неоднократно осуществлялись поездки по местам, связанным с именем В.М. Шукшина. Разработана экскурсия, дающая представление о недолгом, но исторически важном периоде проживания в Барнауле Н.М. Ядринцева, а также о визитах в наш город Ф.М. Достоевского.

Показателем высокой степени готовности к использованию новых форм в работе Библиотечной системы Барнаула является все расширяющееся взаимодействие с различными структурами, организациями. Это позволяет организовать деятельность более эффективно, направить ее на удовлетворение потребностей разных категорий пользователей с разным уровнем запросов. Примером плодотворного сотрудничества могут быть мероприятия библиотек ЦГБ, № 1, 3, 11, 14, 18, 36 и ряда других, которые привлекают специалистов ГМИЛИКА, Музея православия на Алтае, музея «Мир камня», ГХМАК или участвуют сами на площадках этих организаций. Так, в научно-практической конференции «Сохранение культурного наследия Барнаула», организованной сотрудниками Мемориальной библиотеки им. В.М. Ядринцева, участвовали представители более десяти учреждений.

Говоря о деятельности библиотек по сохранению, исследованию и продвижению материалов, касающихся исторического, социокультурного развития нашего города, следует отметить более комплексный глобальный подход к изучению, систематизации и продвижению информации о Барнауле.

Учитывая интересы горожан, прежде всего потребности образовательных учреждений, библиотекари определили наиболее актуальные и востребованные темы. Чаще всего в своей работе сотрудники обращаются к вопросам развития Барнаула, истории появления и названиям улиц нашего города, специфике культурного зодчества.

Многоаспектный подход к систематизации и трансляции материала градоведческого характера определяет работу Мемориальной библиотеки им. В.М. Башунова. Здесь накоплен большой арсенал форм и средств популяризации материала, имеющего местный характер, но отнюдь не местное значение.

Коллектив библиотеки сумел создать образ Барнаула через призму выставок, встреч с интересными людьми, презентаций, круглых столов, конференций, семинаров. В содружестве с краевыми и городскими структурами библиотека организует мероприятия, которые способствуют решению сразу нескольких задач. Во-первых, это продвижение местных изданий, во-вторых, расширение контактов, что ведет к расширению спектра услуг, и в-третьих, возможность включения горожан в процесс адаптации к современным реалиям с акцентированием на общечеловеческих ценностях. Проработка концепции любого крупного комплексного мероприятия дает возможность решать эту триединую задачу.

Для создания условий глубокого погружения в тему, понимания масштабности того или иного события, эмоционального сопереживания коллектив библиотеки использует разные подходы, выстраивает взаимовыгодные контакты.

Так, к участию в выставке-панораме «Промышленность Барнаула в панораме веков» были приглашены восемь крупных промышленных предприятий Барнаула, среди которых заводы с мировым именем: станкостроительный, «Ротор», БМК, «ЛАКТ», КЖБИ-2 и другие. Цель – сделать доступной для широкой общественности информацию об истории промышленного развития города, а также показать уровень современного состояния и перспективы развития – была достигнута. Успех этого мероприятия был обеспечен благодаря поддержке городских властей,

руководителей предприятий, поддержавших инициативу библиотеки и временно разместивших в ее стенах свою продукцию.

Не менее значимым событием стала экспозиция «Архитектурное пространство Барнаула: история и современность», объединившая информационные ресурсы библиотеки и продукцию семи наиболее известных мастерских и дизайнерских мастерских, а также НПЦ «Наследие».

Высокую общественную оценку и широкий резонанс получили ежегодные встречи творческой интеллигенции «Друзей моих прекрасные черты...», проводимые в рамках фестиваля «Барнаулская весна». По сути, это вечера памяти людей, заслуженно отнесенных к творческой элите города, кто еще при жизни стал явлением особого порядка, а потомкам оставил уникальное творческое наследие. На протяжении многих лет эмоционально наполненные, очень личностные и одновременно общественно значимые воспоминания о писателях, художниках, артистах, дизайнерах позволяют собравшимся в библиотеке коллегам, друзьям, родным нарисовать портрет-воспоминание, запечатлеть прошлое во имя будущего.

Нам, библиотекарям, необходимо чувствовать обратную связь. Хочется, чтобы наш голос был услышан, чтобы в душах наших сограждан появилась готовность к сопереживанию, к соавторству в написании летописи наших дней, которая по истечении совсем небольшого периода тоже станет историей. Важно, чтобы в ней были события, дела, свершения, которыми наши потомки смогли бы гордиться.

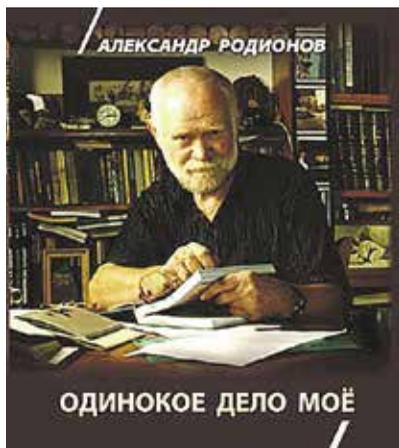
Барнаул прошлых веков... Каким он был? Что мы знаем о нем? Есть ли способ увидеть его? Оказывается – есть! Мы можем взглянуть на него глазами наших земляков – писателей, общественных деятелей, краеведов, которые либо воочию видели наш город когда-то, либо представили его в своем творчестве. А сегодняшний Барнаул? Какие чувства и мысли он вызывает у писателей и поэтов? Слово авторам.

И ЭТО ВСЕ О НЕМ...

10 книг, в которых увековечен Барнаул

Родионов, А. М. В системе родовых координат : Слово о Барнауле // Одинокое дело мое... : Мгновенья лет мимолетающих : [статьи, заметки, очерки] / Александр Родионов. – Барнаул : Алтайский дом печати, 2011. – С. 10-57 : ил.

Города послушны рекам – они текут по береговым уступам, не преступая опасной гибельной линии. И Барнаул в этом отношении не исключение – он повторил изгибы Оби, а реку, давшую ему имя, выпрямил, но не настолько, чтобы исказить ее природную суть до рукodelьного канала. А что касаето приобского простираия Барнаула, то в этом он похож на множество других городов. Но была в его судьбе и неповторимая особенность: Барнаул был единственным городом на просторах Сибири, имеющим право, утвержденное императорским указом, именоваться горным городом. И жил Барнаул не по общероссийским законам, а полностью повиновался пунктам Горного устава Российской империи. Однако даже и внимательный путешественник, а они никогда не обходили Барнаул стороной, приближаясь к тому месту, где Обь круто берет на северо-запад, не мог заметить каких-либо признаков приближающихся гор. Добавка к имени города появилась благодаря канцелярии Кольвано-Воскресенских заводов и собственно барнаульскому заводу, устроенному на малой веточке реки Барнаулки, куда со всех сторон, со всех окрестных шахт и рудников, преодолевая не одну сотню верст, стекались вереницы подвод,

нагруженных медно-серебряной рудой, рудой золото-серебряной.

Основатель Барнаула туляк Акинфий Демидов, созидательным делам которого посвящен обелиск на берегу бывшего заводского пруда, «упрятал» барнаульский завод подальше от российских границ с воинственным Джунгарским ханством, пролежавшим по хребтам Алтая. В Барнауле, как в фокусе увеличительной линзы, пересекались два явления: богатства недр и творческая одаренность горных и заводских мастеров. Здесь, в Барнауле, превращались в серебряные слитки многодневные труды тысяч рудокопов, углежогов, плавильщиков. Весь XVIII век и век последующий питал государственную казну империи валютным металлом. Именно в Барнаул устремлялись паломники из европейского ученого мира, чтобы воочию увидеть феномен алтайских горных заводов и рудников, слава о которых разнесена Гмелиным, Фальком, Миллером, Палласом, Гумбольдтом, Ледебуром и Бремом по столицам Западной Европы. ...В Барнауле, восхищаясь образованностью горных инженеров и благоустройством города, русский географ, знаменитый путешественник Семёнов – будущий Тянь-Шанский – записал в дневнике своем слова о том, что Барнаул – это сибирские Афины...

Бородкин, П. А. На Барна-Ауле // Рассказы о Барнауле / Пётр Бородкин. – Барнаул : Алтай, 2007. – С. 3-7. – (Городская библиотека).

Из сумрачной лесной чащи болтливая речка вырывалась на веселый, залитый солнцем луговой простор. Здесь она не петляла причудливо, не ворчала сердито на встречные лесные завалы и текла по прямому руслу так бесшумно и плавно, что казалась застывшей на месте.

Речка называлась Барна-аул. В нижнем течении была спокойной, быть может, от того, что страшилась близости старшей сестры, могучей Оби, которой отдавала свои буроватые воды у высоченного глинистого мыса. Почти у самой подошвы этого мыса по ярко-зеленому, цветастому травостоя долины беспорядочно разбросалась серыми крапинами небольшая деревенька Усть-Барнаульская.

Избы в ней коренастые, бревенчатые, рублены по-сибирски, в угол, с низкими потолками — для тепла в лютые зимы. Из-за отлогих дощатых крыш с длинными козырьками избы походили на грибы, глубоко утонувшие в речном наносе. В деревеньке проживал люд пришлого звания, что долго слонялся по Руси, как перекасти-поле, укрываясь от розысков помещиков, и в конце концов нашел прочную зацепку, осел на месте. Против прежнего жил здесь люд вольготно, дыша, считай, в полную грудь.

Кушевский, И. А. Не столь отдаленные места Сибири // Образ Алтая в русской литературе XIX-XX вв. Антология : в 5 т. Т. 1 : 1850-1900 гг. / [под ред. О. Г. Левашовой]. — Барнаул : ИД «Барнаул», 2012. — С. 247-300.

Барнаул стоит на горе и издали очень хорошо виден. Дорога к нему идет черная, как чернила. Это — от угля. На завод едут целые обозы коробов, похожих на громадные черные гробы в сажень вышиною — с углем. Во дворе барнаульского завода насыпаны горные целые хребты этого угля, вышиною в четырехэтажный дом и длиною иногда в полверсты. И все возят новый уголь... Старый, навезенный лет сто тому назад, лежащий внизу, надо думать, уже негоден... Благодаря этим горам угля, едва ли нужного в таком огромном размере для завода, леса около Барнаула жестоко истребляются. Строевые деревья безжалостно рубятся и сжигаются в больших ямах на уголь; сучья и верхи бросаются. Кроме этого, огромный сосновый лес около Барнаула на несколько сот верст выгорел

благодаря, вероятно, именно неосторожному обращению с огнем при выжигании угля.

...В Барнауле все улицы черные. Это уже не от угля, а от заводского шлака, который вывозят с завода на улицы; он выглядит кусочками черного стекла. Многие наиболее богатейшие дома выкрашены в Барнауле черной краской; они, говорят, построены на манер английских коттеджей, так что верхний и нижний этажи составляют одно жилье, в котором есть и баня, и миллиардная, и библиотека. Внутри этих домов я был после, но снаружи они мне показались истинно роскошными и прелестно уютными. Посреди черной краски как-то особенно тепло глядели большие окна с чистыми стеклами. Маленький городок был очень роскошен: я не воображал себе таким даже голландского города негоциантов, Брука, где на улицах есть паркет и где никто не ездит в экипажах. Засмотревшись, я не хотел слушать острог Ивана Михайловича над преобладанием в Барнауле черного цвета...

— Это цвет горнозаводских дел!.. Полюбите черными, а белеными всякий полюбит... — и проч. и проч.

Я никогда в жизни не видал такого маленького роскошного города. Не только избышек, но даже деревянных устарелых домов было решительно не видно: все выглядело новым, с иголки. Блестящие стекла, блестящая медь на оконных рамах и дверных ручках и эта блестящая черная краска на стенах домов делали улицы решительно парадными.

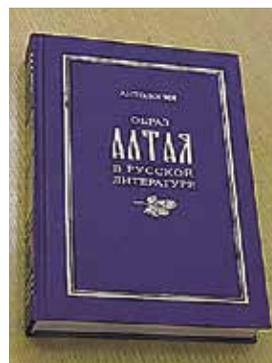
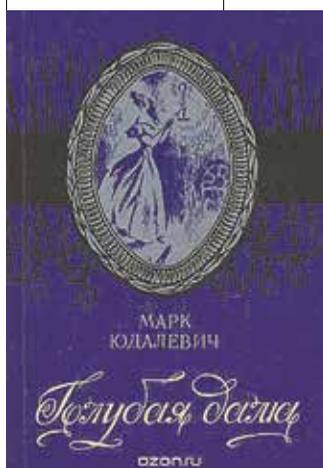
— Миллионами ворочают, еще бы, — говорил Иван Михайлович.

Юдалевич, М. И. Голубая дама : повесть / Марк Юдалевич. — Барнаул : Алт. кн. изд., 1981. — 312 с.

Городок наш, между прочим, ежели не очень красив, то во всяком разе своеобразен. Все дороги у нас черные, потому что крыты плавильным соком, или, как зовут его инженеры, шлаком. Под цвет плавильного сока окрашены и лучшие дома горожан. Они разнообразны — от русских теремов до двухэтажных английских коттеджей с банной комнатой и бильярдной.

Улицы наши глядятся торжественно и строго. В центре города, возле заводской плотины, — площадь. В одном из уголков ее располагаются базары.

...Сегодня ездил верхом на гору, ехала через Демидову площадь. Еще недавно там был пустырь, все строения снесло наводнением. А сейчас люди копошатся, как муравьи. Ставят госпиталь и при нем церковь. А к центру площади ставят гранитные колонны. Я подъехала, спросила мужи-

ков, что это будет... «А это, — говорит, — барыня-сударыня, памятник ста летам черного, виноват, сиречь горного дела»... Проехав через плотину, по усталенному шлаком взвозу поднялась я на гору.

Гора наша покрыта сосновым, с редкой подмесью березы, лесом. Направление ветров мешает едучим дымам заводских плавильен проникать сюда. А дымы нынче сделались столь злы, что даже куры дохнут у нас в посаде от удушья... В лесу так легко дышится. Пьяняще свеж настоенный хвоей воздух.

Зверев, М. Д. Заимка в бору // Образ Алтая в русской литературе XIX-XX вв. Антология : в 5 т. Т. 5 : 1970-1980 гг. / [под ред. Д. В. Марьина]. — Барнаул : ИД «Барнаул», 2012. — С. 387-448.

В самом начале двадцатого века наша семья жила на заимке около Барнаула. Домик летнего типа был окружен березовым лесом. Там было много грибов и земляники. Напротив, через овраг, шумел бор купца Куратова. Аромат сосен ветерок приносил на веранду. С нее открывалась даль заливных лугов Оби. Величавая спокойная река текла около самого соснового леса, который тянулся вдоль крутого левого берега. Басистые гудки белоснежных пассажирских пароходов будили тишину над зеркальной водой. Трудяги — колесные буксиры тащили баржи. Плоты с алтайским медом медленно плыли по течению и громко поскрипывали. Плотовщики вдвоем ворочали длинными веслами, удерживая плот на фарватере.

...Впервые в Барнауле отец завел парники и к Пасхе выращивал огурцы. Это было сенсацией для всего города в те годы. Первые пудовые арбузы «любимец хутора Пятигорска», помидоры, спаржа, цветная капуста, баклажаны — все это было новинкой для Барнаула.

...Еще одно шумное сборище народа старины глубокой — это барнаульская ярмарка в Екатеринин день, 24 ноября по старому стилю. Она устраивалась ежегодно на песках за прудскими переулками, в самом конце Сузунской улицы (ныне улица Интернациональная). Там заблаговременно строилось множество

временных ларьков, навесов, прилавков и палаток.

Первый раз мне удалось побывать на ярмарке лет семи. Она навсегда запомнилась.

Чего тут только не было кругом! Ларьки с мануфактурой, игрушками, горы замороженных целиком туш свиней, овец, коров, рябчиков, тетеревов, белых куропаток. Рядом за прилавками торговали морожеными пельменями, фруктами, коричневой пастилой из яблок, свернутой рулоном, как толстая коричневая бумага.

На Коношенной площади, между цирком-шапито братьев Коромысловых и реальным училищем, устраивался небольшой филиал ярмарки. В Дунькиной сосновой роще работала под легким навесом обжорка: торговки в белых передниках продавали мороженные пельмени. Покупателю пельмени тут же варили. Здесь устраивались соревнования: бег в мешках, катанье на круглых бревнах, подъем по столбу и другие увеселения.

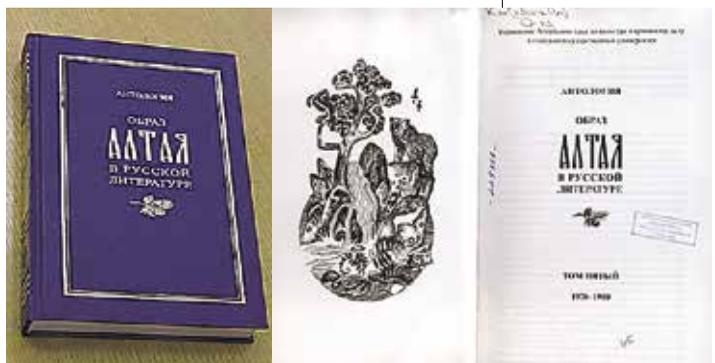
Топоров, А. М. Интересное это занятие — жить на земле! : воспоминания / Адриан Топоров. — Барнаул : Алтайский дом печати, 2015. — 398 с.

...По-видимому, он был богатым городом. Через Бийск и Барнаул, по могучим водным артериям — Катунь, Бии и Оби направлялись за границу грандиозные потоки даров Алтая — сливочного масла, мяса, пушнины, кож, меду, рыбы, пшеницы, муки, сала и проч.

На барнаульской пристани протянулись длиннейшие склады торговых представительств Англии, Голландии, Бельгии, Германии, Швеции, Норвегии. В зимнюю морозную пору к ветеринарно-санитарной станции по многим улицам шли бесконечные ряды саней, заваленных тушами мяса — для клеймения.

На базаре пролегли целые «улицы», на которых вместо домов высились штабеля замороженной рыбы — стерлядей, сомов, нельмы и др. Покупатели выбирали рыбины, а продавцы вытаскивали их из штабелей, как сутунки дерева! Площадь за собором в базарные дни покрывалась тысячами бочонков со сливочным маслом... В длинном подвале на Пушкинской улице торговал колониальными товарами татарин Бахтияров. В этом подвале круглый год продавали виноград разных сортов и стран, апельсины, лимоны, мандарины, персики, бананы, винную ягоду, дыни, арбузы, груши, сливы, яблоки, вишни, кокосовые орехи, урюк, сладкие рожки и т. д. В обжорном ряду на базаре за три копейки торговки кормили клиентов от пуза пельменями и другими мясными блюдами.

А универмаги Второва, Морозова, Смирнова могли бы стоять на любой цен-

тральной улице Москвы или Петербурга. Магнату Второву принадлежали огромные торговые дома еще и в Бийске, Томске и прочих сибирских городах. Пароходовладельцы братья Мельниковы и Илья Фуксман, пимокат и шубник Поляков, единственный в городе «электрический и мельничный король» Платонов, купцы Суховы и Федулов, заводчики фруктовых вод братья Ворсины – тоже были крупными капиталистическими тузами в Барнауле...

Уже в начале этого века Барнаул входил в ряд культурных центров Сибири. Культуру принесли в него многочисленные политические ссыльные. С ними был тесно связан путешественник, исследователь Центральной Азии, ботаник, этнограф, географ и фольклорист Григорий Николаевич Потанин, а также второй не менее крупный исследователь Сибири, археолог и писатель Николай Михайлович Ядринцев, открывший развалины древней столицы Монголии – Каракорума и доказавший существование в Центральной Азии древнейшей самобытной письменности. За географические, этнографические и археологические труды Н.М. Ядринцев получил золотую медаль от Русского географического общества. В культурной жизни Барнаула Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев оставили глубокий след.

Старцев, П. Н. Берег детства : повесть / Пётр Старцев. – Барнаул : Алт. кн. изд., 1989. – 160 с.

Такой мне запомнилась земля моего детства, Обь, ее заречные луга на окраине тогда еще скромного, небольшого городка Барнаула в районе железнодорожного моста в местечке Малый Гляден.

Смешное какое-то название: Малый Гляден. Почему Гляден? Гляден – от слова «глядеть»? Вполне возможно, ибо с высоты стометрового берега посмотреть было на что.

На переднем плане красавец мост с семью полусферическими арками, под ним широкая, спокойная и величавая река чуть не километровой ширины, дальше заливные луга с островками раkit и тополей, с блюдцами озер, зеленого камыша – аира и еще дальше, у самой черты горизонта, полоска иссиня-зеленого бора. Смотреть с высоты на все это можно долгими часами, не отрываясь, и вот что удивительно: глаз никогда не устает, внимание не ослабевает, сердце не протестует обнимать необъятное. Наоборот, оно словно распахивается, будто хочет взлететь, парить долго-долго...

Малый Гляден – два десятка домов, цепочкой протянувшихся вдоль склона косогора – летом сверху почти не просматривается за дикими зарослями деревьев и кустарников.

Каких только деревьев и кустарников

тут не было! Береза уживалась с сосной, рябина с тополем, вербой и шиповником. Заросли ежевики, папоротника, малины и калины, крапивы и хмеля делали косогоры неприступными даже для нас, пацанов.

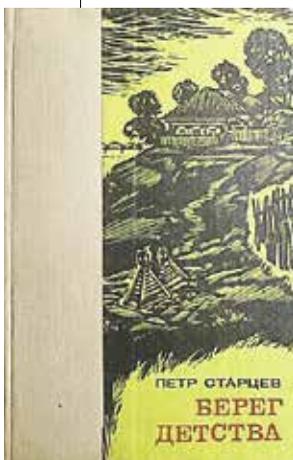

Кирилин, А. В. Помаши мне из окна : [рассказ] // Избранное : роман, повести, рассказы / Анатолий Кирилин. – Барнаул, 2010. – С. 421-430.

Сегодня иду к реке. Город тянется по берегу километров на двадцать, так что впереди много новых маршрутов с речными пейзажами. Двигаюсь берегом маленькой речушки с таким же названием, как у города. Она тихо крадется к устью и, кажется, не впадает, а вползает в большую воду. ... По дороге совсем стемнело, и на берегу я очутился в ночи. День, видимо, окончательно признал осень, стал уходить поспешно. Однако в остальном осени не чувствуется: высоко звенят комары, весело поигрывает рыбешка. На другом берегу мерцает рыбацкий костер, световая дорожка от него тянется по долгой диагонали и останавливается у самых моих ног. Костерок совсем небольшой, но свет от него не тает в черной глубине. Иду по берегу – дорожка бежит следом и тычется в ноги. Что-то тянет к бликующей тропке, будто к единственному мостику через бесконечную воду. Совсем рядом увесисто шлепает крупная рыба, дорожка волнуется, рябит.

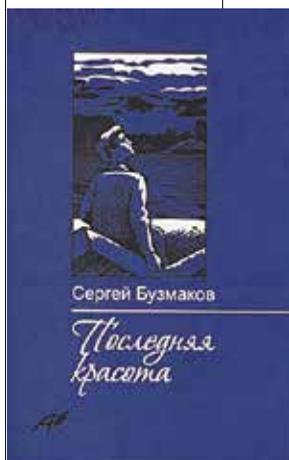
...С высокого берега река совсем другая: не бесконечная гладь, а извилистая лента. За дальним берегом до самого горизонта пойменная зелень – заливные луга. И река, и пароходы, и люди у воды – все смотрится отсюда в масштабе один к ста.

...Сегодня я понял, что здесь самое красивое место на земле.

Бузмаков, С. В. Голубинный город : [повесть] // Последняя красота : (повести и рассказы) / Сергей Бузмаков. – Барнаул : Алтайский дом печати, 2011. – С. 57-167.

Эта территория [речной порт], мною открытая для себя во время уже весенних блужданий по речной части города, огороженная высокой металлической оградой, понятно, хорошо просматривалась. Она была вечно заваленной, загроможденной связками бревен, шпал, островерхими черными угольными горками и серо-сиреневыми холмами щебня, красными металлическими контейнерами, на которых можно было разглядеть белыми буквами названия совсем далеких городов, и тогда казалось, что это не просто небольшой порт речной,

а крупный морской. Над всем этим возвышались башенные краны, два из них сияли новизной и выпячивали, знакомясь со мной, немецкие имена на своих широких скалах. В этом речном порту все равно пахло морем, пахло страницами книг Паустовского, Грина...

Вспоминал, кстати, из Паустовского, которого знал страницами целыми наизусть: «Бывают города-труженики, города-коммерсанты, города-каналы, города-музеи, города-венценосцы, города-авантюристы...». Интересно, к какому числу, думал, отнес бы он Барнаул? Тем более он здесь был, хотя и проездом, но ведь был...

...А от порта, попрощавшись с немецкими кранами, я опять спускался кругами по улицам, носящим имена писателей, — мне это нравилось — Никитина, Короленко, Гоголя, Пушкина, Льва Николаевича Толстого.

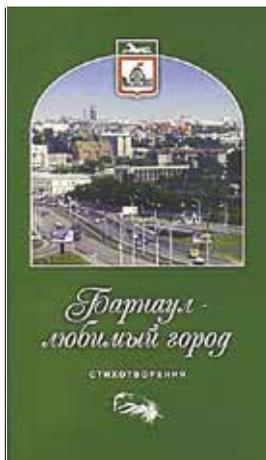
Шел по тихим этим улочкам, рассматривал вязь кокетливых карнизов, мелькало вдруг в распахнутых ставнях чье-то лицо, встречались на пути и кирпично-красные двухэтажные особнячки с дореволюционными еще затеями, узорчатыми выкладками, во дворах которых сушилось на веревках современное белье, возились с игривыми дворняжками ребятишки.

...На Пушкинской, где размещался канифольный заводик, и воздух был настоян канифолью, так смолисто ею напоен, что никаким ветром, казалось, невозможно его разогнать. А улица имени автора «Войны и мира», особенно когда выходил я из тишины и пересекал шумный и здесь Ленинский проспект, пахла детством — ирисками «Кис-кис» — знакомилась так со мной кондитерская фабрика.

Все это мне открывалось с каждой новой прогулкой по городу, все больше и больше я в это влюблялся. И город продолжал обхватывать меня объятием теплым и неотрывным.

Город был здесь другой, не как в центре, не южный, а старорусский, купеческо-мещанский, как в рассказах Чехова.

Барнаул — любимый город : стихотворе-

ния / [гл. ред. Свинцов Б. Н.]. — Барнаул : Алтайский дом печати, 2006. — 96 с.

А. ЗУЕВ.

«У СОБОРНОЙ ПЛОЩАДИ»

Слева — львы, а справа-то — Соборная,

улицей Толстого пробрели...

За базаром Старым — даль нагорная

огоньками светится вдали,

Не уйти от этих переливов,

задремавших башенок, ворот,

переулков, улочек, извилов —

в тишине болот,

от домов старинных, от лабазов,

где кирпич течет —

плавной кладкой...

Где ж вы, богомазы, что наперечет?

В. ПОЛЯКОВА.

«ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ»

Люблю тебя, мой город милый, —

Твои проспекты, переулки,

И парки, и Оби разливы,

И даже улиц гомон гулкой!

Ты с каждым годом все моложе

И хорошеешь, расцветая,

Свои достоинства ты множишь, —

Столица хлебного Алтая!

Ю. НИФОНТОВА

Почему называют столицей мира

Не веселый Париж, не горячий Стамбул,

Не монгольскую степь, не вершины Памира,

Не какой-нибудь сити — тебя, Барнаул?

Ты похож на большого красивого зверя,

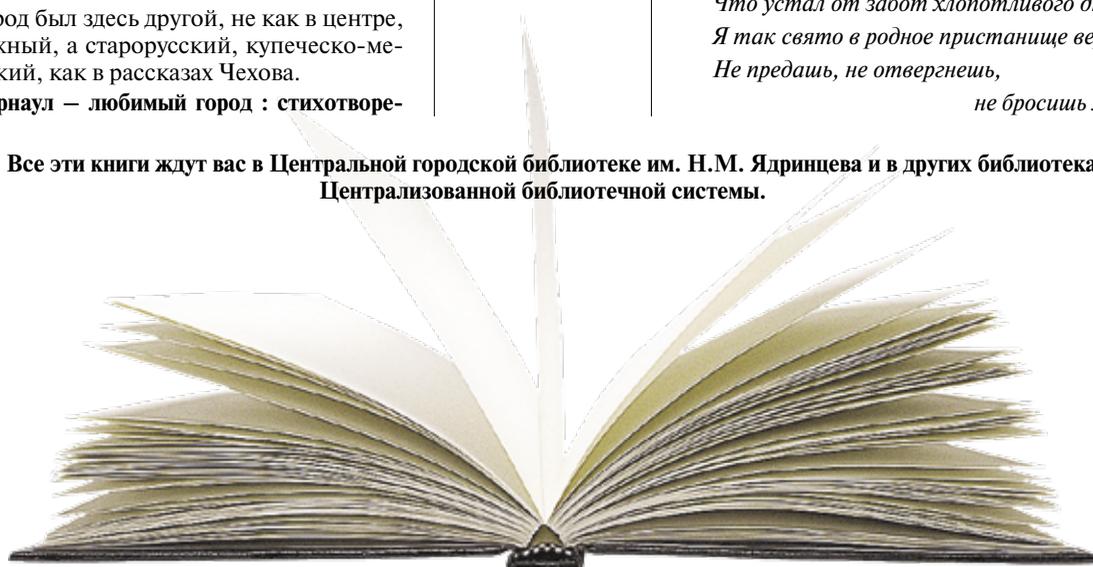
Что устал от забот хлопотливого дня.

Я так свято в родное пристанище верю —

Не предашь, не отвергнешь,

не бросишь меня.

Все эти книги ждут вас в Центральной городской библиотеке им. Н.М. Ядринцева и в других библиотеках Централизованной библиотечной системы.

ОБЛАКА

Михаил
Гундарин.

*Вот мы уехали, а облако осталось
Растить себя на вертикальном фоне,
Изобразить то горб, то шестипалость,
Вздвигаться птеродактилем в короне.
Показывая то, чего не знает,
Жемчужное, оно сочтется белым.
Тяжелая перина опадает,
Ее клочки летят во все пределы
И быстро тают в изумрудной бездне,
Крошатся кружевными позвонками —
Во много раз прекрасней, бесполезней,
Пустынной мира, созданного нами.*

РАССВЕТ

*поздней ночи этажи
громоздятся как попало
проржавевшие Кижичи
мертвый хлам лесоповала
в этом омуте душа
хорошо играет в прятки
в небе нету ни гроша
только лезвие в подкладке
кто-то проведет веслом
по воде — по гладкой коже
мы же темное стекло
под прозрачное положим*

*В Транквилиуме этом, Тропарёво,
еще при позапрошлом короле,
едва сопротивлявшееся слово
полнеба мы тащили на пиле.
Усохли дни, зато набухли ночи,
ни слов, ни пил. И, честно говоря,
сегодня даже небеса не очень
подходят для тасканья словаря.
Бог помочь нам, купцам и дилетантам,
катящимся с невидимой горы —
ладони добродушного гиганта.
Теперь и это в правилах игры.*

*Sonder/wonder команда
день без имени пуст
расписная баланда
наспех смешанных чувств
как же мы не хотели
чтобы в этой судьбе
были мега и теле
и ДК и ГБ
никого не спросили
в небе детских обид
золотых эскадрилий
больше не пролетит*

*Полуэкттов видит короткий сон:
Горящие города.
Просыпаясь, берет за телефон,
Сообщает туда, куда.
Это просто работа. Его оклад
Не зависит от темы сна.
Важно, чтобы записывал все подряд,
Разберется сама страна.
Полуэкттов трогал ядерный гриб,
Но медаль получил за то,
Что однажды увидел двух мертвых рыб
В алюминиевых пальто.*

*Петров закончил заготовки
обыденное моросит
троллейбус двинул с остановки
и не дождался, паразит
Петров, зачем свои соленья
ты кутал в старое пальто?
из огурцов и перцев тленья
не избежал еще никто
ты скажешь плотная закрутка
и ледяные погреба
плывет немытая маршрутка
Петров, а я скажу судьба*

ОКРАИНА

1

*Здесь царство бабочек и семечек —
на улице правобережной
скажи «держите меня семеро»
и эти семеро удержат.
поет баян над палисадником
я жил как все и это промах
навек спешившимся всадником
мучительнейшая из черемух
над тихой речкой молча клонится
(а-ля Аскольдова могила).
Когда здесь проходила конница?
Да никогда не проходила.*

2

*А мы ходили были молоды
вовсю гуляли переулками
потом дошли до центра города
и тем покончили с прогулками
не то чтобы и здесь развалины
иной живет по-новорусски
но все-таки не сталь — окалина
сезон усушки и утруски
я тут случайно время позднее
а может быть совсем остаться
упасть в бурьян попасть на звездное
кино как было в 18*

3

*Запить без повода, по-прежнему,
ведь в этом месте все как прежде
весна застроена коттеджами —
но покоятся и коттеджи
металл сгниет, кирпич рассыплется,
как парикмахер в комплиментах,
любовь нальется или выльется
запутается в фрагментах
что ж не запить вот винно-водочный
как встарь под шиферную крышей
вокруг народ с душой полуночный
я эти песни с детства слышал*

4

*«Хреново в мире одинокому
да без работы и без денег
что дни что ночи одинаковы
ободраны как банный веник
а бабы пусть по всем понятиям
к чертям уходят вправду сказано
не, я б нашел себе занятие
но запахло жить как указано
пошли братан помянем кореша
у нас тут всякий пьет что молится.
да не он вон покуда жив ишишо
но выпьет за твое здоровье»*

5

*Закат прошит чужими нитями
вся жизнь вся улица чужая
глаза закрою ноги вытяну
как будто бы в тоннель въезжаю
и вот уже лечу над бездною
во власти полупьяной дрожи*

*тоска дорожная железная
конечно же, и это тоже
лечу над лужами киосками
сквозь непрощенную обиду
закат забит кривыми досками
Но загорится где я выйду*

*Возвращаешься в блеске славы
Тишина в опустевшем доме
Предсказания были правы
Ничего не осталось кроме
Трижды треснувшего стакана
Колченогого табурета
Наберу воды из-под крана
Сяду выпью за это лето*

*Пели-спали, где только придется,
Водку в ступе любили толочь.
Но не пьется уже, не поется,
И не спится в холодную ночь:
Жизни жалко и жалко собаки,
Остального не жалко почти
В подступающем к сердцу овраге,
У большого ненастья в горсти.*

ТЕХНОЯМБЫ III

*Плотней рождественского крема
Простой как надпись на заборе
Мне голос был. Не зная темы,
Со мною толковало море.
Сквозь музыкальную коробку
Назло расслабленной пружине
Звучало так РОРОРО-РОК-КУ
Еще ДОНЬИНЕ-ЫНЕ-НЫНЕ
Доньине рокку — кувырками
Назад. И шумовая тема.
Но эта музыка не с нами,
Ее тоска и теорема.
Я молча выключил шкатулку
Еще подсказок не хватало!
Грызущий мировую булку
Пуускай не крошит где попало.
Я сам управлюсь с рычагами
Заряд расставлю в рост заряда
Пуускай сужаются кругами
К финальной точке звукоряда*

Роман «Скарна» предлагает читателю отправиться в мистическое путешествие, сквозь бездну минувших веков во времена зарождения человеческой цивилизации. По ту сторону – увядающий мир эпохи бронзового века, забытые культуры, оставившие после себя неясные послания, нерасказанные доселе истории, керамические обломки прошлого, хранящие истоки мифов и легенд. Этот мир готов вот-вот исчезнуть, растаять, словно Фата-Моргана, оставив недоуменного путника в одиночестве – среди песков и скал. Первые главы романа знакомят нас с жизнью молодого писаря, проходящего обучение в священном городе Бэл-Ахар, в Храме Светильников. Юноша живет в ожидании достойного будущего, считая дни до окончания учебы. Но похоже, его светлым мечтам не суждено сбыться: вокруг происходит много странного и необъяснимого. Под сводами Великого Храма зреет заговор, варвары из далеких степей топчут священную землю, а покровитель Бэл-Ахара – лугаль Аттар Руса – кажется, готов объявить войну всему миру.

СКАРНА

Главы из романа

Владислав
Пасечник.

1

Старый раб, долговзый и черствый, выглянул из окна и тихо проклял богов: исчезло мутное облако, еще вчера висевшее над Храмом Светильников и грозившее разразиться дождем. Синга открыл глаза и зашевелился. Его разбудило бормотание раба.

– Что такое, Наас? – спросил он сонно.

– Дожда не будет, господин, – ответил раб, шурясь, словно кот. – Боги ненавидят нас.

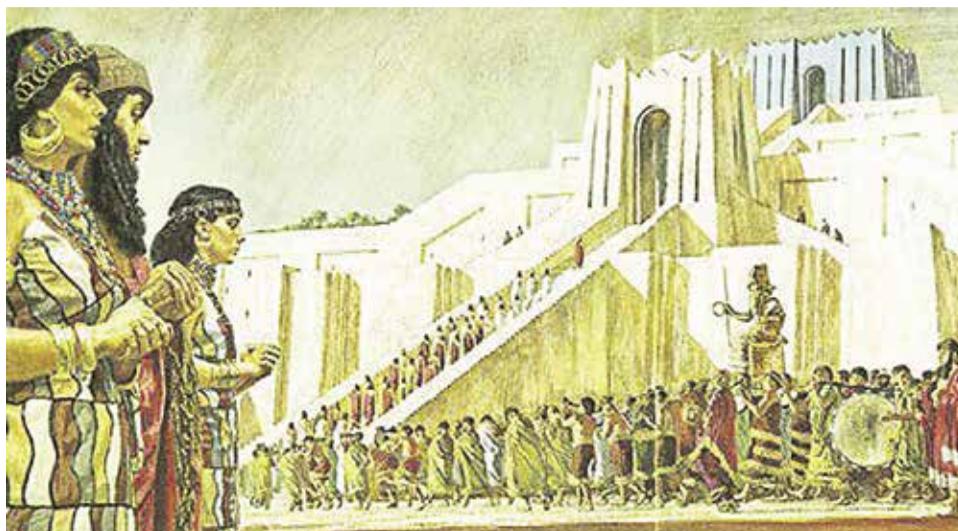
Синга покачал головой: уже много дней Священный город ждал дождя. Песок заметал каналы на полях, добеда высохли вади, смоковницы в садах зачерствели. Скот голодал, умирали посева, жрецы приносили обильные жертвы, гадатели запирались в своих домах, а люди вымарывали их двери навозом. Домашним истуканам выбивали глаза и сбрасывали в городскую клоаку. Только Храм Светильников еще не был осквернен – народ боялся хулить далекого и неведомого Отца Вечности.

Юноша встал со своей потертой циновки, омыл лицо и руки водой из миски, которую принес Наас, и натянул на себя льняную тунику – эта одежда была частью его содержания – у себя дома, в Эшзи, он носил простое платье из шерсти.

Пока Синга переодевался, Наас стоял к нему спиной, уставившись в окно.

– Старик, что ты там видишь? – спросил юноша.

Рисунки
из архива
автора.

– Ничего, молодой господин. Только город и злое Солнце над ним.
 – Ты лжешь, старый кот, – Синга сплюнул. – Что-то еще ты видишь!

Наас промолчал, но юноша и не ждал от него ответа. Старый раб всегда был себе на уме, и ни Синга ни боги не могли этого изменить.

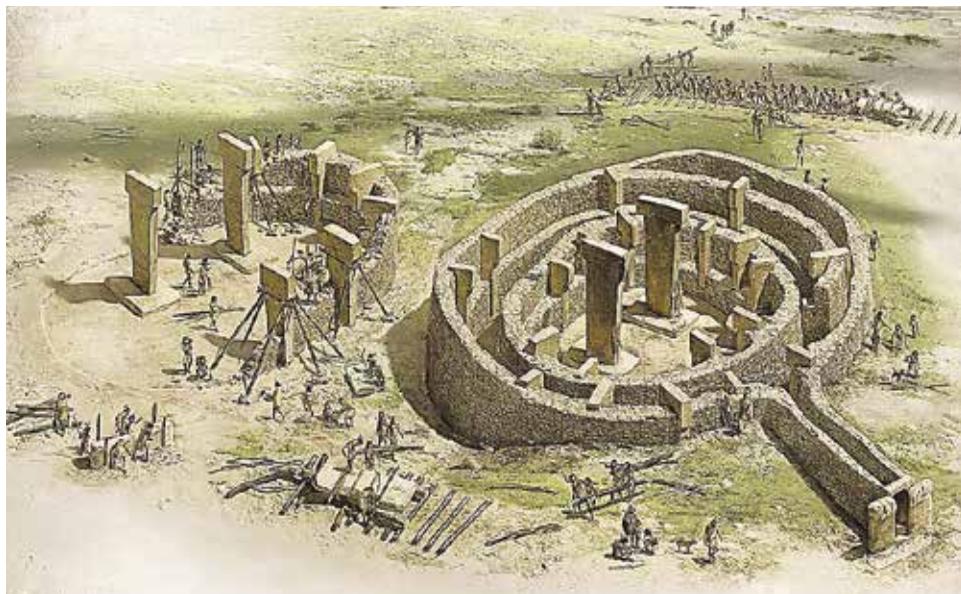
Кажется, Наас всегда был рядом. Вспоминая дом, Синга всякий раз представлял отца, а рядом с ним – Нааса. Уже пять лет прошло с тех пор, как отец отдал Сингу в школу писарей. Школа находилась в Храме Светильников в городе Бэл-Ахар, и, чтобы устроить туда сына, отцу пришлось продать трех домашних рабов. Все трое приходились Синге ровесниками – сильный и нахальный Кнат, увалень Киш и Сато, драчливая и бойкая девчонка, к которой юноша имел неясное тревожное чувство. «В твоей детской дружбе с рабами нет ничего дурного, – говорил отец в ответ на слезные просьбы оставить этих троих под родной крышей, – но теперь ты становишься взрослым и должен завести новых друзей среди равных себе. Это будет правильно и угодно богам». После этого разговора Синга убежал в поля и не появлялся дома целых три дня. Домашние думали, что мальчик молится духам, выпрашивая свою судьбу у ручьев и посевов. Никто и подумать не мог, что Синга с утра до ночи яростно вспахивал дикую землю, пытаясь утолить в работе страшную, преступную обиду на отца. Когда он наконец появился на пороге дома, все увидели, что руки его покрылись коростой, голова стала похожа на перекати-поле, а глаза совсем выцвели. Через месяц он навсегда оставил дом и отправился в Храм Светильников. Туда его сопровождал раб-воспитатель Наас. Мальчику казалось, будто в Наасе есть нечто кошачье, гибкое, изворотливое. Воспитатель всегда говорил очень тихо, почти неслышно, но в его голосе, как в мягких лапках, всегда таилось нечто острое и колкое. В глубине души Синга боялся старого раба, и на то была причина – отец по-прежнему жил в Эшзи, но Наас, оставаясь при мальчике, воплощал собой волю хозяина. Он был последним узелком, связывающим Сингу с домом. Но было еще кое-что, вызывавшее у Синги трепет перед этим тощим и мрачным человеком: Наас всегда поступал на свое усмотрение – и всегда поступал как свободный человек. Однажды Синга с другими воспитанниками улизнул в город и напился там сикеры. Раб всю ночь обходил «захожие» дома и в конце концов нашел своего хозяина – в заблеванной одежде, с помутившимся умом. Он взвалил юного господина на плечи и тащил так до самой обители, прячась по темным углам от надзирателей-евнухов. Всю ночь он сидел у его лежанки, отпаивая рвотным отваром. Синга знал, что Наас ничего не сообщил отцу про тот случай, и с тех пор проникся к воспитателю особым уважением.

За дверью раздался шелест одежд, и Синга встрепенулся. Полог зашевелился, и в клеть заглянул Тиглат – старший ученик и служка.

– Ты еще не приступал к делу? – раздраженно спросил он. – Поторопись, скоро начнется молитва. Чего косишься на меня? Опять ведь опоздаешь.

Внутри Сингу всего скрутило от злости, но с виду он остался невозмутим. Не стоил его гнева Тиглат – сын иноземца, как говорили, «от дурного семени».

– Ты ленив, как ящериц, – произнес Тиглат, смерив Сингу недовольным взглядом. – Ночью ты спишь, а днем только и знаешь, что греться на солнышке. Когда ты закончишь свою работу? Наверное, твои волосы побелеют раньше. Послушай, что говорят старшие, неужели тебе не стыдно?

Синга отвел взгляд. Слова Тиглата жгли его, словно розги. Он и вправду мешкал. На столе перед ним лежала сырая табличка в деревянной рамке и костяной стилус. Мальчик подавил вздох. Нет. Нельзя показывать свою слабость перед этим чужаком. В его глазах нужно быть крепче кедра и сильнее льва. Он не скажет ни слова в ответ на его попреки. Но Тиглат, должно быть, угадал его мысли и сам убрался восвояси, а Синга принялся, наконец, за работу. Ему было поручено важное задание, последнее испытание писца: он должен был в малый срок переписать длинную, как Ночь, песнь об Ашваттдэве. Много веков назад Учителя увидели в этом языческом сказании зерно Благомудрия и сделали его частью Великого знания. С тех пор оно, конечно, сильно изменилось: создание Земли и небесных сфер в нем было описано точь-в-точь как в Похвале Уму, сам Ашваттдэва, отправляясь на битву, воздавал хвалу Отцу Вечности и затем, скорбя над павшим братом, дословно пересказывал Скрижаль Смирения.

Работа была кропотливая и отнимала много сил. Синга просто оставлял исписанные таблички сохнуть на столе и, вернувшись после Большой молитвы, уже не находил их: евнухи уносили куда-то плоды его трудов. Куда — Синга не знал, да и не хотел знать. День ото дня число переписанных табличек росло, но каждый вечер евнухи приносили из хранилища новые песни, и Синге порой казалось, что славным деяниям Ашваттдэвы вовсе не будет конца и что каждую ночь герой возвращается в мир смертных, чтобы учинять подвиги ему, Синге, назло.

Времени до утреннего служения оставалось все меньше. Синга сел на пол, положил перед собой стило и сырую табличку, зажег лучину и помолился. Молиться нужно было всякий раз, приступая к работе. Он произносил нужные слова как можно тише, закрыв рот ладонью, чтобы дыхание не поколебало огонь. Синга верил, что его молитва возносится вместе с дымом, минуя всех архонтов, прямо к Отцу Вечности. С тайным стыдом юноша представлял себе, как Отец с одобрением внимает ему. Синга прилежно назвал все Пять начал Блага — Добрую Мысль, Ум, Решительность, Благодеяние, Знание, и воздал каждому из них причитающуюся похвалу. А после в уме перечислил все пять начал Зла — Огонь, Дым, Ветер, Воду и Тьму. Сделал он это, конечно, ненамеренно, не для того, чтобы осквернить молитву, просто эти слова сами собой приходили ему на ум, и он никак не мог понять, почему пять этих начал всегда противопоставлялись Благу. В Скрижалях об этом ничего не говорилось, а Мудрые учителя хмурились, когда кто-нибудь из учеников расспрашивал их об этом. Синга тешил себя надеждой, что, быть может, тайна откроется ему по окончании обучения, но мало-помалу эта надежда истончалась.

Закончив переписывать табличку, Синга накинул на плечи бурнус из серой шерсти, подпоясался, отдал Наасу распоряжения на первую половину дня и спустился на нижний ярус. Здесь было душно и нечисто, приятно пахло теплым навозом — в дальнем конце в едкой пыльной темноте сонно топтались в своем загоне овцы, составлявшие имущество Храма. Здесь же обычно спали гости и паломники. Теперь, в жаркую пору, тут обитали одни только евнухи, приземистые, тучные, с вечной усталостью в масляных глазках. Синге казалось, что они очень похожи друг на друга, как старухи на рынке. Нельзя было точно сказать, сколько евнухов обитает в Храме Святильников — десятки или сотни, их всегда было ровно столько, сколько нужно. Они годились для тяжелой работы, а еще для того, чтобы слушать и наблюдать. Образованные евнухи из Храма святильников нанимались на службу в семьи к богатым людям и даже к энси — правителям городов. В Аттаре служило множество скопцов из Бэл-Ахара, они занимали видные посты, недоступные простым смертным. Царь Руса и сам не заметил, как Великий Наставник опутал его сетью наушников и соглашенияев. И, если на то будет воля Отца, никогда не заметит.

Синга вышел во двор. Здесь играли и разминались мальчишки — младшие ученики, те, у кого еще не было своего особого испытания. Взглянув на них, Синга вновь ощутил тоску. Никто из учеников так и не стал для него настоящим другом. Время шло, и Синга вполне мог обрести нужными и важными сношениями, но все выходило иначе. Все чаще Синга сторонился сверстников, уходил от их забав и затей. Иногда ему казалось, что он много старше их или, напротив, много младше. Он больше не сбегал с ними в город и не напивался допьяна. Ночью, отходя ко сну, прежде чем произнести Молитву Смирения, он поименно вспоминал своих друзей-рабов: Кната, Киша и Сато. Сато... Он хорошо ее помнил: резкая, угловатая девчонка, во всем похожая на злого мальчишку. Она говорила и дралась как бродяга, даже Синге иногда попадало от ее костистых кулачков. Для него она была другом, самым лучшим и самым надежным, и... чем-то еще, непонятным, недоступным, как луна или звезды. Иногда в сваре или в разгар игры Синга касался губами ее щеки или шеи. Сато краснела и еще злее била его... Теперь воспоминания о домашних рабах томили Сингу. Все время своей учебы он пытался хоть что-то разузнать об их судьбе, но единственным, кто точно что-то знал, был Наас. Все, что знал Наас, он хранил при себе, оберегал как золото или медь, и год от года это его жалкое сокровище теряло ценность, выцветало, как дурно покрашенная шерсть.

С востока дул горячий злой ветер. Синга безучастно смотрел на двор и на его привчную суету. Он чувствовал, как хрустит на зубах жгучий песок. Ничто из того, что

творилось вокруг, не занимало его ума, но все же он наблюдал за этой скучной жизнью — в силу привычки. Через двор прошла торопливая стайка девочек-пряделниц с охапками овечьей шерсти. Где-то зазвенели оловянные бубенцы — пришло время молитвы. В Храм надлежало входить с запада. Склонив голову, Синга ступил в длинный коридор, темные стены которого, как мхом, поросли тайнами и секретами. Мальчик почувствовал холодное дуновение и поежился. Здесь легко можно было заблудиться, стоило не там свернуть. В закоулках и тупиках обитали призраки. Один из них тут же явился Синге — из-за поворота на него надвинулась серая тень. Бледный отблеск осветил рыхлое старушечье лицо Главного евнуха, и Синга почтительно поклонился. Евнух никак не ответил на этот поклон, он просто повернулся и неспешно, раскачиваясь как бурдюк с вином, двинулся вперед по узкой галерее. Синге пришлось семенить за ним следом — он не мог подстроиться под его шаг, но и не смел обогнать эту огромную тушу, облаченную в широкие одежды. Галерея все тянулась и тянулась вперед, казалось, ей не было конца. Синга всегда поражался размерам храма — снаружи он не казался таким уж большим, должно быть, здесь было замешано тайное искусство, которым владели древние зодчие. Высокие своды терялись в темноте — где-то там наверху гнездились черные стрижи. Иногда справа или слева разверзались глубокие колодцы, уходящие в недра храмовой горы. Заглянув в один из них, Синга почувствовал легкую дрожь в коленях. Главный евнух остановился. Не оборачиваясь, он произнес словно в пустоту:

— Скажи, мальчик...

— Да, господин... — покорно ответил Синга.

— Что за работа у печника?

— Очень дурная, господин, — Синга быстро проговаривал накрепко заученные слова. — Ему приходится хуже, чем женщине. Он кормится хлебом от рук своих, в беспорядке его одежда, биты его дети. Целый день он возле печи — обжигает известь.

— А есть ли другая судьба? — просипел евнух.

— Есть, господин. Писцы не знают начальников — они сами руководят собой, хозяин не бьет их и не лишает пищи за дурно сделанную работу.

Не сказав больше ни слова, евнух продолжил свой путь. Он не ждал услышать ничего другого, кроме этих слов, — им Сингу научили в его первые дни пребывания в школе писарей. Они были вырезаны на первых табличках, которые доверили читать и переписывать Синге. В них превозносились Ум и Мудрость, а невежество и черный труд предавались всяческой хуле.

Вот наконец и внутренний двор. С трех сторон его обрамляют портики с зубчатыми фризами, посреди двора расположен круглый бассейн, похожий на дорогое зеркало, его окружают акации с густыми и тенистыми кронами, изнутри бассейн вымощен разноцветными плитами. В воде отражаются темные столпы Адидона. В Святая Святых всегда царит запах ладана, день и ночь горят светильники с чистым огнем. Перед алтарем стоят серые плиты, высеченные из известняка и установленные здесь во времена Ночи. Когда-то их украшали священные росписи, но теперь все они стерлись и поросли красным лишаем. Только на одной из плит еще можно разглядеть странный рисунок — горный ключ, извиваясь, подобно змее, истекает изо рта благородного оленя и падает вниз, превращаясь в растительные побеги.

Стараясь не глядеть по сторонам, Синга подходит к своему привычному месту — в тени акации, такой же древней, как и камни святилища. Его взгляд по обыкновению упирается в широкую серую спину Тиглата, он всегда стоит прямо перед Сингой.

Один за другим к Адидону подходят учителя. В руках у каждого лучина с чистым огнем. «Что противостоит чистому огню? — сквозит невольно в голове Синги, и тут же следует заученный ответ: — Красный лед и хлад Ночи». Только здесь, в Святая Святых, в зареве сотни светильников полагалось почитать Отца Вечности. В домах простых людей, возле жертвенников, стояли изваяния богов-архонтов с глазуревой кожей и мертвыми самоцветными глазами. Синга помнил дом в Эшзи и кумирню богини Ат-тари. Раз в десять дней богине приносили бескровные жертвы и дважды в год — жертвы кровавые. В Храме Светильников все было по-другому. Здесь не почитали низших духов, а все зоры и молитвы были обращены к одному только Отцу — Непознанному и Немыслимому. Поэтому здесь и не было никаких изображений. Посреди святилища стоял скромный алтарь из цельного куска песчаника и маленькая медная курильница. Отец Вечности не принимал кровавые требы, ему позволялось воздавать только тихие и скромные молитвы. На Алтаре помещались три Скрижали Почтения — Благая Мысль, Смирение и Благое слово. Читать вслух письма с этих Скрижалей разрешалось только старшим жрецам.

В Адидоне наступает тишина. Медленно и величаво к Алтарю выходит Великий Наставник, одетый в расшитую золотом трабею. Никто не издает ни звука, все смотрят прямо перед собой, не смея возвести глаза на Бессмертного. На груди Наставника пылает золотом пектораль — знак наивысшей власти. Синга вместе с другими учениками преклоняет колено, старшие жрецы лишь склоняют головы. Лицо Наставника скрывает маска

из белого гипса, он снимает ее лишь когда поворачивается к Алтарю. Склонившись над скрижалю, он начинает читать, учителя повторяют за ним, а следом ученики. В устах Великого молитва звучит четко и ясно, но в устах учеников она превращается в бессвязное бормотание, странный, никем не управляемый гул. Мало-помалу мысли оставляют Сингу. Он шевелит губами, уставившись на свою левую ступню. Ноготь большого пальца треснул, ремешок сандалии растрепался...

Парень справа, глупый и тучный Гуул, украдкой чешет нос, он даже не притворяется, что читает молитву. За такое он может получить розги от евнухов, но ему, кажется, все равно. Слева доносится тихая бранная песенка – ее напевает себе под нос Волит, парень из далеких земель, что на берегу Серого моря. Это высокий и тощий парень с гладко бритой головой, похожей на яйцо. Песенка звучит почти как молитва, но в самых важных местах проскальзывают такие гнусности, что у Синги от смущения покалывает щеки.

По окончании молитвы евнухи разделили учеников по возрасту и каждому назначили посильную работу: тем, что помладше, наказали пасти овец, тех, кто постарше, послали на рынок продавать молоко и пряжу. Синга должен был собирать глину для табличек, однако Главный евнух окликнул его, отвел в сторонку, положил руку на плечо и произнес:

– Я видел, как ты молился сегодня. И... я не ждал от тебя такого усердия, мальчик. Скажу тебе правду – никто из нас не думал, что из тебя выйдет прок. Но, кажется, и самые мудрые из людей иногда ошибаются. С этого дня я отдаю тебя под начало Тиглата.

Рядом тут же возник Тиглат. Он холодно посмотрел на Сингу и щелкнул языком – так северянин выражал недовольство. Синга с ненавистью уставился на его бледное лицо и произнес про себя скверное проклятье. Должно быть, проклятье вырвалось с дыханием, потому что Тиглат скорчил совсем уже недовольную мину и хлопнул его по плечу:

– Пойдем, юный господин, я все объясню тебе на месте.

От злости Синга заскрежетал зубами, но Тиглат, кажется, не обратил на то никакого внимания. Он махнул рукой и направился к западной двери. Синге ничего не оставалось, кроме как последовать за ним. Тиглат называл Сингу «юный господин» только чтобы позлить. Так он словно бы говорил: «Я дурной человек от дурного семени, но я превосхожу тебя во всем, мальчик из Эшши. Будь ты хоть джинном или драконом, я все равно буду смотреть на тебя свысока». Вслух, разумеется, он ничего такого не говорил. Он был молчалив и скрытен, этот Тиглат. Никто точно не знал, откуда он родом и как зовется его племя. У него был едва заметный выговор, он слегка растягивал слова, словно пробуя языком звуки на вкус. С первого дня своего обучения этот северянин удивлял наставников своей рассудительностью и глубокими познаниями, он был лучшим игроком в скарну, и никто из учителей не мог обыграть его. На пятый год обучения Тиглат познал Скрытого Бога, спрятанного в словах, и овладел чудом чтения вслух. Великие Слова в его устах превращались в оружие огромной силы. Сказав одно лишь из этих Слов, Тиглат мог обрушить горы и высушить реки, призвать себе на службу духов, злых и добрых, а камни превратить в хлебы. Так говорили наставники, и речи их вызывали трепет у младших воспитанников. Синга, однако, понимал в них ложь. Пару раз, тайком от всех, он, стиснув кулаки и зажмурившись, шепотом произносил запретные Слова, как помнил на слух, и долго потом не открывал глаз, боясь увидеть какие-то страшные последствия своего святотатства. Но ничего не происходило, и скоро Синга перестал верить наставникам. Быть может, когда-то в Словах действительно была великая сила, но люди так часто произносили их вслух, что Великая Сила эта постепенно выветрилась, а сами Слова истоптались и огрубели, как старые сандалии. Поэтому теперь в школах писцов учили другим, очень нужным вещам: как правильно составлять приказы и торговые соглашения. По завершении последних испытаний юный писарь получал из рук учителей три предмета: медный стилус, палетку и печать – знаки высокого титула. С этих пор писарь мог наняться на службу к какому-нибудь влиятельному человеку или отправиться в храм, чтобы усердным трудом заслужить себе власть и почет. Печати изготавливались из разного материала: обсидиановые и малахитовые принадлежали простым писцам, ониксовые и яшмовые – жрецам и придворным, агатовые – правителям городов и военачальникам. Синга пока только мечтал о печати из обсидиана, она казалась ему волшебным сокровищем – далеким и недоступным, как Луна и звезды. Тиглат, который был очень хорош в своем ремесле, имел печать из малахита, но никто не сомневался, что со временем он получит ониковую или даже яшмовую. Уже теперь он мог наняться на службу к какому-нибудь вельможе. Но Тиглат не спешил покидать Храм: продолжая обучение, он сделался служителем, чтобы честным трудом отплатить за науку.

Тиглат, казалось, отлично видел в темноте, он шагал широко и уверенно, так, что Синга с трудом поспевал за ним. Тиглат шел наверняка, так, словно держал в голове все устройство Храма. Вдруг он остановился перед темной стеной, сделал какой-то жест и пропал. Синга потянул руку, ожидая встретить холодную стену. Но пальцы ушли в пустоту. Он кожей чувствовал острую, жгучую пыль и исходивший от стен холод, но глаза не видели ничего. Он трепетал от одной только мысли, что можно свернуть в один из боковых проходов. Ему было известно, что Храм Святильников куда больше, чем может

показаться на первый взгляд. Иногда ученики подолгу блуждали среди тайных проходов и тесных коридоров. Даже старые евнухи не знали всех закоулков и комнат. И вот теперь, взглядываясь в темноту, Синга оцепенел. Он так и стоял с протянутой рукой, пока не услышал оклик Тиглата:

— Ну, что ты встал?

Еще три или четыре раза коридор сворачивал, и Тиглат пропадал из виду. Синга, чертыхаясь, хватался за стены. Пальцами он чувствовал клинопись, которой были покрыты кирпичи, но не мог разобрать, о чем говорится в этих письменах. Проходило время, Тиглат возвращался, и глаза его блестели в темноте, как у злого духа. Пытаясь побороть страх, Синга хватался за край его гиматия, но он всякий раз с раздражением вырывал его. Сингу всегда поражало то, как Тиглат держался на людях — в нем была какая-то величавая, почти воинская стать. Он держал свою спину прямо и глядел учителю в глаза так, будто он, негодный сын от негодного семени, был равен своим наставникам.

Наконец они пришли в большую залу (нет, в гулкую пещеру), освещенную единственным треножником. Масло в чаше совсем выгорело, воздух был густой и тягучий от благовоний. Тиглат отступил в сторону и словно бы растворился в горячем сумраке. Синга сделал шаг вперед и замер, не веря своим глазам. Перед ним из мрака возникли две огромные плиты, два цельных куска песчаника, смазанных маслом и олифой.

— Это Скрижали Рассвета, — произнес Тиглат на языке уттару. — Здесь обе Скрижали и пояснения к ним. То, что читают там, наверху, лишь дневные гимны, малая часть... истинного Слова.

— Значит, мы сейчас в...

— Да, мы в настоящем Адидоне, — хоть Тиглат и говорил на священном языке, его голос звучал так, будто он рассказывал о скисшем молоке или вчерашнем сне. — В этой темной и смердящей норе начался Рассвет. Правда удивительно? — последние слова Тиглат произнес уже без всякого выражения.

— Я думал, Он больше, — Синга давно так не волновался. Ему обычны были камни Алтаря и древние столпы, и уже давно без трепета смотрел он на фигуру Великого наставника. Но теперь, увидев огромные Скрижали, он встревожился и смутился.

— Хватит источать сопли, — скривился Тиглат. — Смотреть гадко. Успокойся, говорю тебе. Наглядишься еще.

Только теперь Синга заметил в углу пещеры грубый стол и кедровую колоду. На столе лежало несколько деревянных рамок для табличек, кусок кожи, весь в цветных разводах, и грязная палетка. Тут же стояли сосуд с пресной водой и тарелка с присохшими по краям комками чечевичной каши. Под столом валялся мятый соломенный тюфяк.

— Ты... здесь спишь? — Глаза Синги расширились от удивления

— Я здесь живу, — вздохнул Тиглат. — Вот, посмотри...

Он взял со стола выточенный из кости стилус. Синга с удивлением уставился на роговую накладку у основания стержня.

— Ты можешь снять ее, — криво ухмыльнулся Тиглат. — Она для того, для того, чтобы я... не касался кости. Предание гласит, что сам Великий Наставник изготовил стилус из собственного ребра. Но тебе, наверное, можно к нему притронуться.

С великой осторожностью Синга взял в руки стилус. На вид он ничем не отличался от других письменных приборов. Стилусы из кости были не очень хороши и годились лишь для того, чтобы писать короткие послания.

— Скрижали две, — объяснял Тиглат. — Одна лежит по правую руку от тебя, это Скрижаль для живых, другая — по левую, она предназначена мертвым. Из левой Скрижали вслух не читай. Из правой читай по узелкам, — с этими словами он протянул Синге шерстяную веревку, сложенную в несколько раз. На веревке были завязаны узелки с крупным черным бисером — такими пользовались Учителя. Синга смешался: видел бы его теперь отец!

— Стало быть, мне уже не нужно переписывать сказание об Ашваттдэве? — произнес он не скрывая волнения. — Теперь я буду заниматься только Скрижалями?

— Даже не мечтай об этом, ленивая ящерица! — Губы Тиглата снова тронула усмешка. — Никто не освобождал тебя от твоего урока. Днем ты будешь заниматься Скрижалями Рассвета, а вечером выполнять свое задание.

— О-о-о, Боги, простите меня! — Синга притворно захныкал. — Я один, совсем один под злым Солнцем! Работе моей нет конца! Она длинна, как Ночь...

Пощечина была такой сильной, что Синга с трудом устоял на ногах. Только теперь он осознал, насколько Тиглат больше и сильнее его, — этот дурной человек от дурного семени надвинулся на него как тень. Он был похож на великана в эту минуту, глаза его пылали гневом:

— Не смей впредь скулить при мне и не думай сквернословить в этом месте. Иначе я сниму с тебя кожу и повешу ее на дереве!

«Я упомянул Ночь, стоя перед Скрижалями, — с ужасом понял Синга. — Что теперь будет?!». Он вспомнил псалом Ночи, который запрещено было читать вслух и следовало произносить только про себя:

«О, что за горе пришло к нам?

Откуда явилось разорение?

Вот несчастье — Ночь без конца и начала.

Горе-погибель нашему краю...».

Между тем Тиглат, похоже, взял себя в руки. Плечи его опали, а во взгляде воцарилась привычная скука. Синга сел за стол, пододвинув к себе свежую дощечку. Тиглат едва коснулся его плеча кончиками пальцев. Этим жестом учителя обозначали для учеников начало урока. Синга вздрогнул и принялся за дело. Пощечина все еще жгла его правую щеку, бессильная злоба кипела и плескалась в груди. Беззвучно шевеля губами, он выводил стилусом священные письмена. Иногда он закрывал глаза и прекращал дышать, чтобы ощутить весь вес своего труда. «Ну же, ну же, — говорил он себе. — Это только глина и письмена». Слова из скрижалей пылали на тыльной стороне его век: «Я — пламень бездымный, неугасающий! Я — Лев и Змея! Я — свет, не дающий тени! Я — погибель мира! Я породил сам себя и сам в себе пребываю! Совершенномудрый, Я отделил землю от огня, ветер от дыма, тонкое отделил от грубого, силу высшую от силы низшей...». Лево́й рукой Синга перебирал узелки на веревке из цветной шерсти — так писарь чувствовал ритм и длину распевов. Многое он не мог прочесть вслух, потому как не познал еще вполне Скрытого Бога, и тогда на помощь приходил Тиглат, который точно знал, когда знак должен звучать «одним духом», а где требуется помощь губ и языка. В его устах древний угасший в годах язык звучал легко, нараспев, так, будто он все время говорил на нем.

Наконец Синга переписал несколько табличек и, когда глина подсохла, радостный, показал их Тиглату. Тот остался недоволен работой и велел уничтожить первые три таблички.

— Главное, запомни: твоя работа — это великая тайна. Все, что здесь произойдет, ты должен скрыть от всех, даже от учителей. Не вздумай говорить о ней со своими... хм... с другими учениками, — сказав так, Тиглат встал и кивком велел следовать за ним. Обратный путь показался Синге очень коротким. Вернувшись в обитель, Синга увидел, что старый Наас по-прежнему стоит и смотрит в окно. Из кельи было видно одну из улиц Нижнего города, где царило небывалое оживление. Дорога пестрела от повозок, люди высывались из окон, выходили на крыши, размахивали белыми тряпицами и пучками сухих веток.

— Что ты видишь, старик? — спросил Синга.

— Ничего, — ответил Наас, не оборачиваясь.

— Ты опять врешь. Хочешь, чтобы я побил тебя палкой?

— Нет, прошу, господин, не надо! — бесцветным голосом отозвался Наас. Угроза мальчика его ничуть не испугала.

— Тогда скажи мне, что ты видишь, старик?

— Всадников на злых лошадях. Их много.

— Много?

— Туча, господин. Это тхары.

2

В обедню все ученики говорили о небывалом событии: тхары вошли в Бэл-Ахар. Эту новость передавали из уст в уста, шепотом, втайне от учителей. Синга, впрочем, не участвовал в обсуждении — его внимание было приковано к дальнему углу, где сидели Тиглат и Главный евнух. «Они похожи на заговорщиков, — думал Синга. — Наверное, они и есть заговорщики». Тиглат не велел никому говорить о том, чем они будут заниматься в Адидоне. Даже учителям. Странное дело. Может быть, это как-то связано с тем, что тхары вошли в священный город?

Тхары! Синге казалось, что в самом этом слове, в том, как оно звучит, слышны удары бубна и рев боевого рожка. В прежние времена их не пропустили бы к городским стенам, но теперь они, запыленные, просаленные дикари, спокойно расхаживали по Нижнему городу, свысока поглядывая на жителей Бэл-Ахара. Тхары были данниками Аттара, они жили далеко на севере и в прежние времена редко навещали эти земли. Но вот Руса, правитель (лугаль) Аттара, развязал войну, жестокую и долгую, как Ночь. Он принес клятву здесь, в Храме Святителей. Перед лицом Великого Наставника он поклялся, что повергнет город Увегу и предаст огню Камиш и Хатор. Синга сам не присутствовал при клятве, лишь из окна своей обители он увидел, как к вратам Храма поднесли пестрый паланкин в окружении множества воинов с треугольными щитами. Говорили, что, сотворив клятву, Руса отрезал одну из своих косиц и бросил ее в священный огонь, отчего случился очень густой и смрадный дым. Этот знак истолковали как дурной — войну с Увегу и Камишем следовало отложить. Было это три года назад, и с той поры люди все время

говорили, что война случится все равно. Она назревала как нарыв на теле больного, ее ждали и страшились, ее торопили и проклинали. Аттар собирал войска со всех пределов земли, так что теперь тхарские разьезды и прочий иноземный сброд можно было встретить повсюду.

Бэл-Ахар был неприступен. Со всех сторон город окружали высокие и прочные стены из камня и кедра. Царь Аттар Руса велел возвести еще одну стену — из глины и песчаника, чтобы защитить Нижний город. Казалось, что в Бэл-Ахар нет пути дурным людям, и вот наступил день, когда в Бэл-Ахар вошли степняки. Вошли, не пролив ни капли крови. Ворота, окованные медью, распахнулись перед ними как перед желанными гостями.

Тхары! В детстве Синга слышал много историй об этом диком и неприютном народе. У тхаров были рыжие волосы и голубые глаза. Они носили шаровары и рубашки из тонкой шерстяной ткани. Все они от рождения были всадниками и на своих двоих ходили вразвалку, неловко и непривычно переставляя кривые ноги. Правда и неправда сплетались в них, как хищные звери на степняцкой тагуировке: наполовину люди, наполовину кони, дикие, как Северный ветер, неприютные, как сор в пустыне. Их не рожают матери, они вырастают из своей негодной земли, словно терновник или ковыль. Про тхаров говорили, что они куют свои мечи из звезд, умеют предсказывать будущее по звериным следам и полету птиц. Все это, конечно, было искушением архонтов — ложным знанием, колдовством, ловким трюком. Никто из учеников никогда не встречался с тхарами и, конечно, не мог знать о них ничего наверняка. И от этого тайны, окружавшие этот дикий народ, становились еще заманчивее, они занимали ум Синги, когда он бодрствовал, искушали его дух в сновидениях.

Чтобы незаметно улизнуть из храма, нужно было дожидаться окончания вечерней службы, когда все ученики расходились по своим обителям. Синга знал жидкую, почти незаметную овечью тропу, которая вела по южному склону к самому Нижнему городу. Стоило только улучшить момент, когда во дворе нет евнухов, чтобы пролезть в дыру, которую ветер прогрыз в стене...

Вот и они — узкие и тесные улочки Нижнего города. Синга пробирается вдоль живой изгороди. На дорожках лежат косые тени от фисташковых деревьев, из-под тростниковых крыш на мальчика глядят своими слепыми глазами терракотовые божки. Когда-то стены домов покрывала разноцветная глазурь, но от ветра и солнца она облупилась, только кое-где сохранились куски белого гипса. Вот в одном из дворов слепой старик натягивает на жерди, вымоченные в уксусе, бараньи кишки. Вход в его жилище прикрывает драная циновка, у порога курится каменный алтарь. В прошлом году старик изготовил для Синги арфу. Слепой мастер постарался на славу: струны пели слаще соловья даже в неумелых руках. С той поры юноша иногда захаживал к нему, помогал по хозяйству, смотрел на его работу. И теперь он замедляет шаг, чтобы посмотреть на его работу. Старик был настоящим чародеем — он превращал дерево, уксус и потроха в музыку, и для Синги это было самой удивительной вещью на свете.

Заслышав шаги юноши, слепой поворачивает голову в его сторону и кивает. На губах у него легкая улыбка, он узнал Сингу по его поступи.

— Ты видишь? — говорит он сипло. — В моем доме больше нет двери! Проклятый Куси выиграл ее в скарну...

— Ну вот и случилось, — Синга вздохнул и покачал головой. — Я же просил тебя не играть! Ты так скоро и одежду проиграешь.

— Он обманщик, этот Куси. Я, может, и слеп, но знаю, как должны стучать кости. Говорю тебе — у Куси кости с подвохом.

— Ну тогда не играй с ним. Сам знаешь, что он негодяй.

— Не учи меня, мальчик! — голос мастера задрожал. — Мои родители не смогли меня образумить, а у тебя и подавно не выйдет... Я слаб и стар, я один под злым солнцем! Дрянной мальчишка учит меня. На что я куплю новую дверь? Я... — он вдруг осекся, лицо его гадливо исказилось, он повернул голову вправо и тихо выругался. Из-за поворота вышли трое воинов в медных колпаках. Это были копейщики, редумы Аттара. Царь Руса оставил их для защиты Бэл-Ахара, и с той поры они шатались по Нижнему городу без дела. Себя копыеносцы звали гордо — «Священный отряд Бэл-Ахара», и это вызывало насмешку у обитателей города. Мало-помалу редумы обленились, и уже несколько месяцев никто из них не надевал панциря. Чаще всего их можно было видеть в питейной или на рынке, где они дремали на пыльных скамейках или играли в скарну. Их лохаг, пытаясь утопить скуку в крепленом пиве и низких забавах, окончательно поселился во дворе старого Куси.

Но теперь что-то изменилось: редумы облачились в панцири из плотной ткани и покрасили лица охрой — знак того, что они готовы к бою. Синга даже присвистнул им вслед. Аттары не обратили на него никакого внимания, прошли под аркой из белого гипса и пропали из виду. Забыв про слепого мастера, Синга припустил следом. Ему было интересно, куда держат путь эти негодные люди. «Ну вот это уж точно связано с тхарами, — думал он, — вот только что сделают эти холеные ослы с дикими степными псами?». Проулок

завернул за угол, и Синга вышел на большую мощеную дорогу. Аттар он не увидел, зато увидел тхаров.

Поначалу его кольнуло разочарование. Тхары были во всем похожи на людей — у каждого по две ноги и по две руки. Они прекрасно держались на своих лошадях, но их тела не составляли с ними единого целого. Одеты они были чересчур пестро, не по-здешнему. Диковинную упряжь украшали войлочные подвески, изображающие животных и чудовищ. Предводитель степняков был крупный мужчина с ярко-красным айдаром, в желтом бурнусе и полосатых штанах. Из-за жары он откинул башлык на самое темя, и страшный чуб свисал на лоб как сырое тряпье. Панцирь из кости и рога отливал дорогим лаком, золотая гривна ярко сверкала на солнце. Синга никогда прежде не видел такой варварской красоты.

— Я Духарья, великий вождь тхаров! — громко кричал предводитель на северном наречии. — Я перескочил через стены Урдука и убил князя, когда тот пировал! Я прошел через пыльное плоскогорье и подстрелил скального льва! Теперь я испорчу всех ваших дочерей и выпью все ваше пиво, все до донышка! — После каждой фразы он бил в большой бубен, висевший на его плече.

Дорога, по которой он ехал, вела от святилища Азулы, что находилось за городскими стенами, до самого Храма Светильников. Трижды в год, в ознаменование нового урожая, по нему проходили пышные процессии — жрецы несли на плечах изваяния богов и богинь, музыканты и певцы славили Великую Жизнь и Иное Счастье, простоволосые жрицы, впадая в экстаз, исполняли дикие языческие танцы. Но, чем ближе к Храму, тем тише становилась процессия. Жрицы покрывали головы платками, изваяния богов-архонтов несли так, будто они преклоняли головы перед Храмовой горой. Кровавые дары, предназначенные богам, оставались на черном асфальте, где их пожирали собаки. Когда шествие оказывалось у врат Храма, оно превращалось в похоронную процессию. Певцы становились плакальщиками, печальны были их гимны. Не слышно было веселых флейт, только мерный стук барабанов. Процессия кончалась молитвой искупления, которую творили учителя у лазурных врат, окропляя водой головы язычников. После процессия поворачивалась назад, в город, где скоро снова начинались разгул и веселье.

Теперь все было по-другому. Тхары не пели других гимнов, кроме гимна стреле и мечу. Они не посыпали свои головы пеплом, но мазали щеки яркой охрой. У них не было изваяний архонтов — своих богов, похожих на хищных зверей, они носили с собой, на поясах, одежде и упряжи. У этих богов были когти — ножи и кинжалы — и крылья из смертоносных стрел. Из их жил и костей сплетали луки. Их пасти и клювы становились топорами и чеканами.

Краем глаза Синга заметил двоих наставников, они стояли в стороне от толпы под тенью оливкового дерева. На них были черные бурнусы с высокими колпаками, тень скрывала их лица, но Синга сразу узнал Уту и Кааса — учителей письма и святочтения. «Ага, — сказал себе Синга. — А вот это странно — видеть их вдвоем, да еще за пределами Храма».

Уту и Каас были не похожи друг на друга, как Ночь и Заря. Черствый и желчный Уту, похожий на чесночный стебель, и Каас — меднокожий великан, с широкой грудью и

необъятным пузом, тайный богохульник и любитель игры в кости. Синга никогда не видел, чтобы эти двое общались друг с другом или даже обменивались взглядами. Уту, по-видимому, призирил Кааса за весь тот телесный избыток, что был в этом человеке. Каас тихонько посмеивался над Уту и плевал на него как на гадкое животное.

Но сейчас оба учителя стояли бок о бок и наблюдали за тхарами, и в их лицах, в их позах было нечто неуловимое, заговорщическое — что-то подобное Синга увидел на обедне, приглядевшись к Тиглату и Главному евнуху.

«Что они делают здесь, эти двое?» — подумал Синга с неудовольствием. На секунду ему показалось, что колючий взгляд учителя Уту царапнул по его лицу. «Если он узнает меня в толпе, мне не миновать розги», — Синга даже вздрогнул от этой мысли. Учитель Уту был истовым служителем Храма. Он не ел ничего, кроме жидкой чечевичной похлебки, и не пил ничего, кроме сырой воды. Все свое время он посвящал двум занятиям — молитвам и розгам. В розгах учитель Уту знал толк — для каждого проступка у него находились прутья определенной длины и хлесткости. В комнате письма в стену были вбиты специальные перекладины, на которые облокачивался наказуемый. Прежде Синга часто гостил на этих перекладинах. Он лежал, вцепившись в запястье зубами, чтобы не крикнуть, боясь даже дышать. Хлесткие удары сочетались в его голове с нудным голосом учителя Уту, распеваящим молитву Покаяния. Иногда голос Уту срывался, словно его душили слезы, и это особенно пугало Сингу. «Когда-нибудь он засечет меня до смерти», — думал он про себя.

Визг дудок и барабанный бой разливались по улицам. Воздух отяжелел от этого шума, в глазах рябило от пестрых одежд и разукрашенных конских грив. Мало-помалу к шествию степняков стали примыкать местные нищие. В основном это были молодые парни с голодными и злыми глазами, худые и черные от солнца. Они поднимались с земли и шли за всадниками, двигаясь в такт их варварской музыке, покачивая головами, извиваясь и хлопая ладонями. В них уже ничего не было от пахарей и пастухов, не было дурных и добрых людей. Голод превратил их в воров и богохульников. Они разбивали статуи богов и в голос проклинали земных владык. Тхары смеялись, шелкали плетями, но оборванцев это не пугало — еще недавно они были пахарями на бесплодной земле и в муках добывали хлеб свой. Но теперь солнце убило посевы, истончило их тела и умы. По ночам они рыскали по городу в поисках поживы, а днем лежали как мертвые. Теперь же грубые напевы всадников вернули их к жизни, внушили какое-то недоброе, жалкое чувство, которое приходит на смену надежде.

Синга решил затеряться среди этих негодных людей. Он надвинул на глаза капюшон, вскинул руки и принялся извиваться, подражая нищим. У него получалось недурно — он без труда поймал грубый ритм их танца, размашистых шагов и покачиваний головой. Он ушел уже достаточно далеко от учителей и мог не бояться, что его обнаружат. Но вот они запели свою страшную песню, холодную и протяжную, как Ночной ветер:

*В этот год схоронил сестру я,
В поле отнес немощного брата,
Отец смотрит голодным взглядом,
Мать не ждет моего возвращенья.
У дома моего, что ни день, рыщут собаки,
Всюду на земле царит разоренье...*

Песня потонула в столах и причитаниях. Люди били себя в грудь, рвали волосы на голове, раскачиваясь из стороны в сторону, как безумные. Синга вдруг почувствовал, что на него смотрят со всех сторон. По спине пробежал холодок. Он уже собрался скользнуть в узкий переулок, когда длинный жилистый парень, за которым он шел, вдруг развернулся и вперил в него свой мертвящий, холодный взгляд.

— Добрый господин, — протянул он. — Нет ли у тебя кусочка хлеба для меня? Господин... Какая у тебя красивая одежда, чистые кожа и волосы... У тебя есть хлеб? — последние слова он произнес с особенным напором.

Оглядевшись, Синга понял, что дело плохо. Нищий стоял между ним и шумной улицей, и весь его облик выражал угрозу. Вокруг громоздились бедняцкие хижинки, слева зияла глубокая сухая канава. «Может быть, я скачусь туда и скроюсь среди хижин?» — подумал Синга. Не сводя взгляд с незнакомца, он стал боком обходить его, говоря так:

— У меня нет хлеба, извини, добрый человек.

— Нет хлеба? Тогда, может быть, у молодого господина есть баранья лопатка? Я брошу ее в корзину пекаря, вместо меди, и он даст мне немного хлеба...

У Синги за поясом и вправду было несколько костяных плашек с особыми знаками — на них в землях Аттара можно было выменять еду. Но Синге казалось, что если даже он отдаст их нищему, тот не отвяжется.

— У меня нет ни кости, ни меди для тебя, — соврал он. — Отец не дает мне никаких денег. Все покупки делает мой раб.

Синга уже приблизился к краю канавы, но пока еще не решался прыгнуть. Парень между тем начал терять терпение.

— А твоя одежда? Твоя туника под стать жрецу. Обменяв ее, я много дней буду сыт.

Тут Синга потерял терпение.

— Ну ты, дрянное семя! — закричал он, забыв про бегство. — Полевая крыса и то умнее тебя. За такие слова тебе надо отрезать уши и нос!

— А ты, попробуй, отрежь, — ощерился парень. — За чем же дело стало?!

Синга медлил. Он уже понял, что встретил сильного и опытного противника. Тот все еще раскачивался, как если бы продолжал танцевать. Его движения говорили о силе и проворности. Нищий сделал выпад, чуть не задев плечо Синги. В руке у него блеснул кремневый нож. Синга отшатнулся и понял, что оба они стоят на самом краю канавы. Парень шагнул к нему, раскачиваясь на ходу как гибкий стебель. Глаза его горели ненавистью. Синга почувствовал, как к горлу подступил колючий комок. «Ну вот и все, — подумал он, — сейчас этот оборванец выпотрошит меня как овцу. Дом мой погибнет, мое имя развеет ветер». Что-то пронеслось над самым ухом Синги. Это был не порыв ветра, раздался сухой шелчок, голодный взвизгнул и отскочил в сторону. От неожиданности Синга чуть не свалился в канаву. Он услышал еще один шелчок, затем в глазах все помутилось. Он слышал, как плюется проклятиями оборванец. Он по-прежнему стоял на самом краю, но нож улетел в пыль. Синга увидел его лицо — казалось, он только что проснулся от тяжелого и долгого сна. Левая рука нищего окрасилась кровью — что-то рассекло ее от плеча до локтя. Он попятился назад и пробубнил проклятия, глядя куда-то за плечо Синги.

— Эй ты, черная голова, оглянись! — произнес кто-то на плохом аттару.

Синга обернулся. Перед ним стояло двое, один держал в поводьях рыжую лошадь, другой — верблюда черной масти. Первый юноша был не тхарской породы. Он имел медную кожу, красивое тонкое лицо и курчавые волосы, такие же как у Синги. С его узких плеч свисала накидка из шкуры степного пса. При виде этой накидки Синга невольно поежился. В Бэл-Ахаре никто не носил таких шкур. Степные собаки были лютыми зверями, крупнее и опаснее волков. По силе они уступали горным львам, но сбивались обычно в большие стаи. Казалось странным, что такой тонкий и хрупкий юноша мог справиться с одним из этих зверей. Второй же был бледен, как скисшее молоко, его волосы отливали огнем, а голубые глаза были похожи на два соленых озера. Синга видел эти озера в горах по дороге в Бэл-Ахар пять лет назад — тогда в темной теснине распластавшись голым животом на горячем гипсе, он заглянул в глубокий колодец и увидел далеко внизу воду. Солнце застывало в ней золотом, его лучи медленно угасали в ледяной ряби. В эту минуту Синга в последний раз испытал настоящую радость. И теперь, глядя в глаза северного варвара, этого дикого степняка, он ощутил, как это забытое чувство вновь шевельнулось в его груди.

А потом он увидел в руке молодого степняка кнут и содрогнулся. Плеть была изготовлена из серой и черной кожи, она была похожа на большую песчаную гадюку. Тхар улыбался, слегка покачивая рукой, и плетью извивалась в пыли как живая. Первой мыслью Синги было: «Беги! Беги, не останавливайся, не оглядывайся назад! Это смерть твоя стоит перед тобой, улыбается, играет кнутом». Но холодные глаза пригвоздили его к месту.

— Ты чего, черная голова? Испугался? — губы тхара сложились в насмешливую улыбку. — Ты нас не бойся. Ты того шакала бойся, а нас — нет.

— Спасибо тебе, добрый господин! — произнес наконец Синга.

Рыжий только усмехнулся.

— Никакой я тебе не господин, — сказал он. — Я рысь в собачьей своре.

— Будь по-твоему... Но, пожалуйста, скажи мне свое имя, и я помолюсь за тебя Отцу.

— Как меня зовут? — мальчик прикусил губу, изображая раздумье. — Нэмай зовут, вот как! А скажи, разве твой отец — бог? Ему молятся?

Черноволосый мальчишка фыркнул и громко цокнул языком. Уши Синги запылали.

— Я говорю об Отце Вечности, — сказал он быстро. — Я буду молиться за Нэмай...

Рыжий ощерился, а черноволосый засмеялся. Его смех был высоким и резким, в нем слышалось что-то знакомое. Синга вдруг почувствовал обиду, словно мальчишка, которого сверстники подняли на смех. В конце концов, эти люди были от дурного семени, он не должен был терпеть их дикарские выходки:

— Ну чего смеетесь? Разве я пошутил или сказал что-то глупое?

— Конечно, сказал! — черноволосый раскраснелся, он был весь во власти своего злого веселья. — Нэмай это никакое не имя. Нэмай значит «никто».

— Это ничего, — Синга собрал всю свою смелость и шагнул к степнякам. — Я все равно буду называть тебя Нэмай, ты ведь сам так назвался.

Рыжий радостно кивнул. Его, похоже, очень забавлял разговор. Сингу охватило необычайное волнение. Он вот так запросто разговаривает с тхарами, с этими необыкновенными людьми из дальних земель.

– Ты пришел с тхарами? – спросил Синга.

Нэмай хмыкнул.

– А где твой отец и мать? – так следовало начать разговор, подумал Синга.

К его удивлению, Нэмай вместо ответа свистнул и сотворил какой-то неопределенный жест.

– Могу я чем-то вам помочь, добрые путники? – Синга совсем растерялся. Черно-волосый, по-видимому, с трудом сдерживал смех, а на физиономии Нэмая проявилась скука.

– Где можно напоить моего зверя? – произнес он как можно более праздно. – Да и самому выпить чего-нибудь?

– Есть прихой дом, – воскликнул Синга радостно. – Хозяина зовут старик Куси. Он пускает к себе путников и наемных рабочих.

– Ладно. Значит, и воинов пускают тоже.

– Вы воины? – от удивления Синга открыл рот. – Но у вас нет ни копий, ни щитов. Вы не похожи на редумов.

– А зачем мне копьё? – насутился Нэмай. – Я сражаюсь верхом, мое оружие – лук и чекан. Мне столько же лет, сколько и тебе, но мои лоб и щеки уже перемазаны кровью, – добавил он свирепо.

– У тебя на щеках не кровь... Это, кажется, охра, – поправил его Синга.

– Много ты понимаешь!

– Извини, добрый путник. Так вы бирумы?

– Мы лошадики, – подал голос черноволосый. – Мы налетаем, словно ветер, и берем свое.

Синга смолчал, но сердце его забилось часто, как будто это его обожгли плетью.

– Ну что же... – заключил Нэмай важно. – Пойду наведуюсь к твоему Куси.

Сказав так, он кивнул черноволосому, и оба они, не сказав больше ни слова, двинулись прочь, ведя в поводу своих скакунов – черного верблюда и огненно-рыжего коня. Синга остался один – изумленный, растрепанный, радостный. Звуки музыки и пение голдерных стихли вдали, люди проходили мимо, погруженные в свои заботы. Синга все стоял и смотрел туда, где исчезли удивительные чужеземцы. Про себя он твердо решил во что бы то ни стало снова увидеть этих двоих...

Появление тхаров, их шествие по главной дороге города ненадолго взбудоражило жителей. Все беспокойство, связанное с ними, смыло в ту же ночь долгожданным и благословенным дождем. На другой день вadi уже гремели от мутных холодных потоков, вода хлынула в каналы, оросив наконец поля. Темные тучи закрыли горизонт, и прохладный северный ветер остудил раскаленный город. Вода бежала по канавам, стояла на крышах, там, где еще вчера женщины жарили чечевицу и полоски мяса. Тень дождя изгнала Злое Солнце с неба и вымыла дурные помыслы из человеческих душ. Самые набожные связывали приход дождя с благословением богов, другие говорили о том, что дождь принесли тхары, третьи не видели в этом ни промысла, ни знамения, они были рады тому, что можно вернуться на поля и снова жить прежней жизнью.

3

Прошло несколько дней, и Синга снова ускользнул в Нижний город. Он не был честен с собой, в уме он повторял, что просто хочет прогуляться и выпить холодного пива, но все же ноги сами принесли его на двор старого Куси.

Возле «захожего» дома висел странный фонарь – Куси запускал светлячков в надутый бычий пузырь. Светлячки обычно умирали к утру, и фонарь приходилось менять, но каждую ночь чародейский свет завлекал в дом новых посетителей. У входа стояли две кибитки – за оградой и в пристройке курились паром рослые лошадиные фигуры. Над ними сонной громадой возвышался черный верблюд. Синга ощутил на себе печальный взгляд из-под колючих бровей. Верблюд наклонился к мальчику, и тот почувствовал его горячее дыхание. У Синги за пазухой было припасено лакомство – травяная жвачка. Он положил ее на ладонь, и верблюд тут же смахнул угощение своей широкой губой.

В доме было людно – к Куси зачастили тхары. Каждый день здесь был большой пир. По обычаю своего племени степняки пили крепленое пиво и неразбавленное вино. От них всегда было много шума и сора, старый Куси раз за разом выкатывал из подпола громадные сырные головы, на дворе что ни день резали овец и забивали птицу. Над каждым очагом стояла курильница с желтым дурманом, воздух был такой густой, что голова шла кругом. От тхарских одежд пахло песком и пылью, этот запах примешивался к густому духу. На стол подавали мальчишки-рабы с разукрашенными лицами – щеки побелены известью, лоб покрашен охрой, на губах желтые и красные пятна. Рабы улыбались, показывая зубы, покрытые голубой глазурью, игриво подмигивали посетителям и иногда

устраивали между собой непристойные проказы. Синга всегда отворачивался от этих игршиц, но обычные посетители – инородцы и вольноотпущенники – радовались этим низким забавам, смеялись, хлопали себя по щекам, бросали на пол медь. В парах желтого дурмана размалеваннные мальчишки превращались в злых духов – оборотней. Посетители звали их светлячками, но Синга знал много других названий для их ремесла. Тхаров, впрочем, мальчишки не интересовали, свистом и щелчками они прогоняли от себя юных развратников. У стены в клубах желтого дыма виднелись недвижимые тени – это сидели за большим столом игроки в скарну. По очереди они бросали четырехгранные кости и двигали глиняные фишки по круглой дощечке. Над их столом висел особый знак – овечья лытка на красном шерстяном шнуре, в скарну разрешалось играть только в местах, отмеченных этим знаком.

– Эй, черная голова! – услышал Синга знакомый голос.

Нэмай и черноволосый мальчишка сидели в дальнем углу. Рядом с ними была свободная скамья, и Синга недолго думая сел на нее.

– Я не знал, что встречу вас снова, – соврал он.

– Да чего там... Мы бы встретились рано или поздно. Я бы тебя и в степи не потерял, а город – это ведь не степь. Вот, выпей это, – сказав так, тхар протянул Синге плошку. В ней крепкий напиток из кислого молока. В Аттаре оно было известно как машулла.

– Спасибо, я не... – замялся Синга, но тхар посмотрел на него так пристально, что рука сама поднесла ко рту плошку, и дурное обожгло его горло:

– Кха-кха...

– Ничего, – усмехнулся Нэмай. – Привыкнешь!

– А тебя как зовут? – спросил осмелевший Синга черноволосого степняка.

– Ты зови меня Спако, – просто отозвался тот. Синга взглянул на него и вздрогнул... У молодого степняка было лицо Сато. В груди растеклось странное чувство, давнее, но знакомое и теплое. Вспомнился дом в Эшзи, глинобитная ограда, садик, рябая тень от тамарисков, чернявая девочка, тонкая как лучина... Нет, быть такого не может!

– Спако, – Синга наморщил лоб. – Я немного знаю тхари. Это значит, это значит...

– Это значит «сука», – произнес черноволосый на хорошем аттари.

– Странное имя!

– Так уж вышло, – вздохнул черноволосый. – Мне его дали боги, и тут уж ничего не поделаешь. Вот как дело было: я от своего хозяина сбежала, ушла в горы. На мой след напали серые собаки, два дня шли за мной. На третий день матерая сука осмелела и набросилась на меня. У меня не было никакого оружия, я даже не успела поднять с земли камень, а сука уже вцепилась... – Черноволосый поднял левую руку. На ней не хватало мизинца, с обеих сторон ладонь покрывали бледные росчерки шрамов.

– Я не растерялась, – продолжал черноволосый. – Стала засовывать руку все глубже в пасть собаке, навалилась боком ей на грудь. Она испугалась, стала задыхаться, но я продолжала запихивать руку ей в глотку, пока она не сдохла. Остальные псы испугались и разбежались кто куда. Мясо той матерой суки спасло мне жизнь.

– Это удивительная история! – пробормотал Синга. – Ты просто как Ашваттдэва!

– Кто? – черноволосый подозрительно прищурился. – Это кто еще такой?

– Да неважно. Ты... ты хорошо говоришь на аттари, вот только... – Синга растерянно улыбнулся. – Ты называешь себя женщиной.

– Так ведь я – девушка! – прыснул темноволосый.

От выпитой машуллы в животе у Синги потеплело, а в голове поселилась веселая легкость. Сразу захотелось говорить о вещах значительных и важных. Ему захотелось впечатлить Спако и Нэмая.

– Я знаю Тайного Бога, скрытого в словах, – произнес он громким шепотом и почувствовал, как от этой сладкой лжи по спине пробежал липкий холодок.

– Так ты колдун? – в глазах Нэмая загорелись веселые искорки.

– Да! – похвастался Синга. – В ваших диких краях я звался бы колдуном.

– А что ты можешь?

– Все! Я могу приказать Солнцу взойти на западе! По одному только моему слову все звезды посыплются с небосклона и море смешается с сушей!

Он говорил эти глупые слова против воли, он уже не мог остановиться и ждал, что его поднимут на смех, но Нэмай слушал с интересом, чуть прикрыв глаза. Это придавало Синге смелости, и ему казалось, что он и вправду способен на все эти удивительные и дерзкие вещи.

– Я умею ходить по облакам, как по земле, я знаю язык, на котором говорит ветер, мне ведомы тайны птиц и убежища рыб, я... – тут Синга осекся. – Только... Не заставляй меня показывать тебе мою власть. Великие слова могут разрушить наш мир в мгновение ока. Произносить их нам запрещено.

Нэмай был разочарован:

– Какой же в них толк, – протянул он, – если их нельзя произносить?

– Я... – Синга замылся. Ему вдруг стало очень стыдно за то, что он хвастался тайным знанием, и в то же время досадно, что Нэмай все же раскусил его.

– Тхарам не понять, – произнес он, стараясь придать своему голосу больше уверенности.

– Слушай... – шепотом произнесла Спако. – А это правда... Ну, что вы... Там себе все отрезаете?

Услышав это, Нэмай скривился и начал вращать глазами так, что Синга не выдержал и захохотал:

– Нет! Глупости! То есть... Я хотел сказать... – он попытался придать себе серьезный вид, но заметил, что Спако покраснела, и снова засмеялся.

– Нет, – сказал он, наконец совладав с собой. – Это особое служение. Некоторые считают, что жить в нашем мире – это большое несчастье, а умножение людей ведет к умножению горя. Поэтому они отказываются от своего... детородного естества и всю жизнь посвящают себя служению.

– Ты тоже так считаешь? – громким шепотом спросила Спако. – Тоже думаешь, что эта жизнь – несчастье?

– Я не знаю, – признался Синга.

К столу, где они сидели, подошел мальчишка-раб. Отчего-то он пристал к Нэмаю. В носу у раба было большое медное кольцо, и он, хитро шурясь, теребил его и улыбался. Нэмай протянул к нему руку, раб замурлыкал и подался навстречу. Нэмай засунул палец в медное кольцо и с силой дернул его. Из носа хлынула кровь, раб завизжал и попытался упасть на колени – у него не получилось, Нэмай все еще держал кольцо, и колени несчастного зависли над полом и мелко задрожали. Из своей комнаты выглянул Куси. Увидев, что случилось, он побледнел и начал осыпать Нэмая проклятьями на разных языках. Спако коснулась кончиками пальцев рукоятки чекана, и все тхары разом замолчали. Куси еще больше испугался. Он сделал унижительный жест – вытянул вперед обе руки ладонями вверх. Он не был смельчаком, этот Куси, как не был и большим силачом. Про него говорили, что в юности он и сам красил зубы голубым цветом и приставал к посетителям. Теперь же это был насмерть перепуганный старик с жидкой бородой и дряблыми щеками. Он дрожал, он боялся пошевелиться и смотрел на молодого тхара с ненавистью. Вдруг за спиной его возникла фигура лохага. Даже будучи пьян, он держался как настоящий копейщик: спина прямая, как просмоленное древко, руки расставлены так, будто он сейчас бросится в бой. В правой руке – дубинка с кремниевым бойком, на левую намотан кусок дубленой кожи. Лохаг сделал несколько шагов вперед, окинув собравшихся свирепым взглядом. Лицо его сделалось темно-красным.

Нэмай не сказал ни слова. Он отпустил «светлячка» и молча встал. Вслед за ним поднялись остальные тхары, а с ними и Спако. Не говоря ни слова, они все направились к выходу, и каждый из них плюнул на порог, прежде чем переступить его. На столах остались недопитые кубки и объедки. Когда последний из тхаров плюнул на порог, Синга встал тоже. Словно во сне он двинулся к выходу и, прежде чем шагнуть в сизую тьму, наклонился и плюнул себе под ноги.

Холодный свежий воздух наполнил его грудь и прояснил голову. Возле кибитки в луже жидкого света дремал огромный пес с густой рыжей шерстью. На загривке и морде шерсть была красной, словно кровь. Никогда прежде Синга не видел таких собак. Облик этого степного зверя вселил в него страх. Тхары исчезли, лошадей на дворе не было. На земле остались следы от копыт, но и они, кажется, уже остыли в этих горклых сумерках. Синге стало страшно.

– Нэмай! – позвал он. – Ты где, Нэмай? Спако!

Ответа не было, зато из темноты навстречу Синге двинулась долговязая тень. Она шла, слегка сутулясь, оглядываясь по сторонам. Башлык прикрывал глаза, но Синга угадал знакомые черты: презрительный взгляд, опущенные уголки рта, крючковатый нос. Укрепив себя, стараясь ровно стоять на ногах, он вытянул шею и пискнул:

– Тиглат! Брат!

– Иди за мной, только молчи, – отозвался Тиглат бесцветным голосом. – Ты уже порядком натворил бед.

– Я... – тут у Синги совсем пропал голос.

– Пил с чужаками? Ну-ну... – Тиглат усмехнулся. – Ладно, я проведу тебя в Храм, пока тебя еще не хватились...

Впервые Синга посмотрел на него с трепетом, словно перед ним предстал мудрейший из учителей. Только теперь почувствовал он, насколько чужеземец превосходит его в крепости духа. Тиглат никогда не пил пива и никогда не пробовал сладостей – он ел только

мясо и хлеб, которые запивал сырой водой. «Я — бедняк, — говорил он, — и мне нужна грубая и сытная пища».

Это его поведение не нравилось другим ученикам. За глаза его называли гордецом, рабским отродьем, живым наказанием. В глаза никто не смел сказать ему дурного слова — встретив его холодный взгляд, старшие ученики отворачивались, а младшие трусливо втягивали головы. И теперь его фигура казалась Синге очень значительной, облеченной какой-то страшной властью.

— Пойдем, — повторил Тиглат.

И они двинулись по ночной улице, как две невесомые тени. Дома смотрели на них пустыми глазницами, из их разъявленных дверей выглядывали привидения. В некоторых горели очаги, другие зияли черной пустотой. Синге было не по себе, опьянение прошло сам собой. Он даже вздрогнул, когда Тиглат вдруг остановился.

— Здесь человек, — сказал он вполголоса. — Он очень болен.

То, что Синга издала принял за груды тряпья, при ближайшем рассмотрении оказалось человеческой фигурой. Худой блеклый человек сидел, прислонившись к каменной ограде, и, кажется, бредил. Тиглат, несмотря на все протесты Синги, склонился над несчастным.

— На его правой руке ужасная рана, — сообщил он. — Она вся черная и дурно пахнет.

— На правой руке? — Синга почувствовал, как к горлу снова подступает острый комок. — Постой-ка, я знаю его. Это дурной человек, лишенный духа. Несколько дней назад он напал на меня и пытался ограбить...

— Ну что же... Теперь он умирает. Ты отомщен, — Тиглат покачал головой.

— Оставь его.

— Нет.

— Что ты собираешься делать? — у Синги зуб на зуб не попадал.

— Не твое дело. Отойди.

Синга почувствовал обиду. Что за дело Тиглату, его спасителю, до этого грязного зверя? Но спорить не стал и отошел в сторону на несколько шагов. Краем глаза он заметил, как Тиглат коснулся больной руки страдальца и что-то неслышно произнес. Синга понял, что это были Великие Слова, и ему стало совсем жутко. Тиглат снял с себя бурнус и укрыл им умирающего. Тот не открыл глаз, не произнес ни слова, но Тиглат и не ждал ничего. Он уже шел дальше таким размашистым шагом, что Синга с трудом поспевал за ним...

Уже потом, много лет спустя, когда о Тиглате говорили и в Та-Кеме и в Уегу, стали рассказывать, будто разбойник наутро проснулся полностью исцеленным, в тот же час покинул Бэл-Ахар и отправился в странствие, всюду рассказывая о случившемся с ним чуде. О его просвещенности ходили легенды. Он бывал во дворах чужеземных владык и вел беседы с великими мудрецами. Говорили еще, будто к старости он воздвиг обитель, где находили приют и утешение нищие и скитальцы со всех концов земли. Но все это были только слухи — людям вообще свойственно преувеличивать. На самом деле к утру молодой нищий умер. Перед самым концом он открыл глаза и увидел солнце, восходящее над храмовой горой, а еще выше — что-то неведомое, прекрасное, сотканное из солнца и невесомой небесной влаги. Никогда за всю свою жизнь он не видел такой красоты, потому как редко поднимал взгляд от земли. И тогда жестокие черты на его лице наконец изгладились, холодный рассветный воздух остудил его лихорадку и прогнал прочь злые тени. Он закрыл глаза и покинул свою измученную плоть. На челе его не осталось и тени страдания, напротив, нищий улыбался так, будто ему снился самый дивный сон в его жизни.

ПУШКИНСКИЕ ЛАУРЕАТЫ – 2016

Фото пресс-службы администрации г. Барнаула.

Главная литературная награда краевого центра – Пушкинская премия администрации Барнаула в области поэзии – вновь была вручена двум девушкам. Это Мария Криксунова, студентка Алтайского государственного университета (факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии), и шестиклассница из гимназии № 40 Виктория Матвеева. Беспреце-

дентный случай: для Криксуновой это уже вторая Пушкинская премия, первую она получила, будучи школьницей, еще три года назад.

Кроме того, грамотами награждены барнаульские школьницы Ангелина Пантюшина и Ирина Васильева, студент АлтГТУ Роман Казаринов, молодой специалист Елизавета Григорьева.

МАРИЯ КРИКСУНОВА

Любовная элегия

Наш самый долгий вечер
Продлится полчаса.
А лихорадку встречи
Пусть каждый лечит сам.

На глиняной посуде
Печать вишневых губ,
А ночь сливаться будет
С ноктюрном сточных труб...
Признание
Ночной небосвод исчерченный
Закроют собой облака.
Инцидент, как известно, исперченный,
Исчерпан наверняка.

Не стоит хранить молчание
И прятать печаль в рукав —
Доведи меня до отчаянья
Иль в своих удержи руках!

Расскажи, что любовь не рассеяна,
Что, как прежде, я чтима тобой...
Знаешь, лучшее у Есенина —
«Заметался пожар голубой...».

Если это тебя обрадует,
Я люблю тебя. Просто так.
Как весеннюю первую радугу,
Как душистый июльский мак.

Ты души моей свет и чаянья!
Если хочешь, забудь, не верь.
Я тебя полюбила нечаянно
И не знаю, что делать теперь.

Уходи из мыслей прочь

Уходи из мыслей прочь,
Не тревожь больную душу.
Я не знаю, чем помочь,
Но покой твой не нарушу.

Уходи из сердца вон —
Я не крикну вслед проклятья.
Позабудь меня, как сон,
Позабудь мои объятья.

И срывая дверь с петель,
Разбивая бюст кумира,
Покидай меня в метель,
Покидай мою квартиру.

Не финальный важен пункт —
Важно, где твой путь был начат.
Раз поднялся в сердце бунт,
Так судьба решила, значит.

Уходи из мыслей прочь,
Вьнь страдание из сердца!
Хоть угасла злая ночь,
Я все не могу согреться.

Снежный вечер

Засыпают гаражи,
Оживают снег и стужа.
Снег кружит, кружит, кружит,
И от снега кружит, кружит...

Расплываются дома
В снежном ливне, в снежном вальсе.
Растворилась полутьма
В белом свете. Не пугайся!

Снег запутывает след,
Накрывая город шалью.
Средь заснеженных планет
Ты свою найдешь едва ли.

Может только Пинкертон
Разгуляться в эту пору.
Черный вечер. Белый тон.
Все смешалось — нет опоры.

Пышный бал дает метель.
Люди и дома, как дети.
Смята снежная постель.
На прогулку вышел ветер.

Звезды убегают прочь.
На скамейке мерзнет Плиний.
И опять рисует ночь
Черным углем белый иней...

Одиночество

В мою дверь не стучат. Не заходят.
Не хлопают в гневе.
Не срывают с петель.
Не глядят через скважину внутрь.
Не бросают газеты и краской не пишут
на древе —
Пограничном столбе моей крепости
и внешних бурь.

Panta rei, говорили философы.
Я не согласна!
Да, вода протекает, текучи часы, но не я!
Все по-прежнему: волосы, руки,
глаза — и напрасна
Моя жажда познания
в сумерках стен бытия.

Бродский мною гордился б.
И дело не в радости плена
Моей комнаты, где невозможен
ошибок приплод.
В моей жизни, увы, невозможны
объятье, измены.
Нет предела для девы!
Вдох — выдох, и скоро исход.

Каждой деве под сердцем дано
проносить свое бремя.
Вот мое — одиночество.
Разом и муж, и дитя.
Я несчастна, вы скажете.
Мне лучше так, чем в гареме,
Чем в лечебнице, чем в каземате,
чем в склепе. Хотя...

Мои мысли запутались.
Спицы пылятся без дела.
Выйду в сад и пойму:
мой любовный роман — лабиринт.
Мой Тезей потерялся.
Я плачу, ведь я не успела
И осталась все тем же утенком
среди балерин.

*Каждой твари — по паре.
Учили так, кажется, Ноя.
Я Потопа моложе,
и нормы сменились давно.
Я осталась одна; вы найдете
меня за стеною,
А точнее, за дверью.
А впрочем, не все ли равно?*

Летний дождь

*Дождь стучит по плоским крышам,
Морозящий, ледяной.
Чью-то просьбу он услышал
Прекратить палящий зной.*

*Чем ты хочешь поделиться
С опустевшей мостовой?
В грусти опустить ресницы
И исчезнуть с глаз долой?*

*Что же льются с неба слезы
За завесой облаков?
Не рыдания. Словно грозы,
Бормотанье чьих-то слов.*

*Раздается в каплях частых,
В свисте ветра, в шуме крон?
Плач от горя иль от счастья?
Плач ли, вздох ли, тяжкий стон?*

*В небесах ищу ответа,
Воздух влажный давит грудь.
Дождь холодный среди лета
Не дает мечтам уснуть.*

ВИКТОРИЯ МАТВЕЕВА

Переселив страх

*На землю опустилась тишина,
В лесу все звери спрятались и спят.
Сменила солнце полная луна,
И лишь семейка новеньких опять
Спать не хотят и пляшут на пенке.
Их положить в корзинку бы, но жаль.
А на поляне воздух, как хрусталь,
И озеро сияет вдалеке.
Тот лес почти что у моих дверей —
Наш дом в деревне на краю стоит.
И всякий раз он тишиной своей
Меня в чащобы дальние манит.
Когда-нибудь я переселю страх:
Пройду его и вдоль и поперек.
Вдруг слышу леса ласковый упрек:
Живи и дальше в четырех стенах,
А я для смелых сказки припасу...
Как было хорошо в ночном лесу!*

Не Ньютон...

*Не решалась трудная задача,
Билась над ответом целый день.
Не поймала я за хвост удачу —
Только промелькнула ее тень.*

*На крыльцо шагнула и поспешно
В сад осенний побежала я.
Стели на деревьях там прилежно
Яблоки, но я их не рвала.*

*Цифры в голове моей роились,
А ответ никак не приходил.
Ветер дунул, яблоко свалилось,
Он его по тропке покати.*

*Лучше бы не под ноги, а в темя
Яблоко ударило меня.
И не тратя понапрасну время,
Как Ньютон, ответ нашла бы я...*

Промедлила

*Вспорхнула птица и исчезла.
Куда наметила полет?
Смотрю в окно, но — бесполезно:
Там серый дождь давненько льет.*

*Она сейчас на мокрых крыльях
Как беспризорница летит,
А я и створку не открыла,
Чтоб эту птаху приютить.*

*Промедлила теплом делиться,
Сижусь, казнию себя сейчас.
Сама, как вымокшая птица,
Гляжу в окно уж битый час.*

Осенние дожди

*Дожди, как реденькие сети,
На землю падают с небес.
До ниточки промок весь лес,
И хмурым стало все на свете.*

*Природы сдвинулись слои,
И много места дали скуке.
Но я не опускаю руки —
Ведь скоро кончатся они.*

*И лужи превратятся в пар,
На землю хлынет летний жар!*

Бесплатно подарю

*По шумной ярмарке хожу,
Себе подарок выбираю,
Но ничего не нахожу.
А так не может быть — я знаю.*

*Вон книги разные, журналы,
Коробки всяческих конфет,
И бижутерии немало,
А что ищу я — того нет.*

*И вдруг мальчишку рядом слышу:
«Щенка от сердца оторву...».
«За сколько?» — «Спрашиваешь лишнее —
Тебе бесплатно подарю!».*

Чудо-цветок

*Есть такой цветок —
Дивной красоты,
Листья во все стороны
Разводит, как мосты.*

*Сами лепестки
Розового цвета.
Смотришь на него —
Представляешь лето.*

*Вот бы в дом такой,
Чтобы любоваться,
С летом чтоб зимой
Нам не расставаться.*

Тогда и сейчас

*По синему небу ковер-самолет
Летал с пассажирами назад и вперед.
Не всех он возил, лишь царей и цариц
Да изредка брал приближенных к ним лиц.*

*А люди простые ходили пешком,
И были дороги покрыты песком.
То кочки мешали им, то гололед...
Каким же несчастным был тот пешеход!*

*А нынче асфальт на дорогах лежит,
И на перекрестках свет яркий горит,
Сигналит водителю: «Стой! Пешеход
На свой, на законный зеленый, идет!».*

*Потом отдает человеку приказ:
«Пожалуйста, будь осторожен сейчас:
Включается красный, помчится поток
Машин!». Кто заботиться раньше так мог*

*О нас, постоянно бегущих вперед,
Летящих скорей, чем ковер-самолет?*

Тебе, родной!

*На свете нет такой другой земли.
Здесь улицы широкие, аллеи,
И ели в парках вечно зеленеют —
Вершины к небесам вознесены.*

*Иду, как в сказке, — в небе синева,
И буйство красок разливает лето,
Щебечут беспрестанно птицы где-то,
И шепчется между собой листва.*

*Здесь длится мое детство, и друзья
Все те же у меня, что раньше были,
И те же облака, что раньше плыли.
Такое никогда забыть нельзя.*

*Здесь первые стихи пришли ко мне.
Давались очень трудно эти строки,
Но верила — придут другие строки,
И лучшие я посвящу тебе:*

*Моя Отчизна — Барнаул родной,
Ты и теперь, и навсегда со мной!*

Все изменилось

*Цветов почти не видно —
Их снегом замело.
Деревья побелели,
И град стучит в окно.*

*Как это получилось,
Где прежнее тепло?
Все разом изменилось,
За ледяным стеклом!*

*И все ж лечу на улицу,
Там дедушка седой
Уже стоит, любитесь
Пришедшею зимой.*

*А может быть, что это
Сам Дед Мороз стоит,
Он где-то спрятал лето,
А где — о том молчит?*

Спаслись!

*Я бреду тропинкой лесною,
Тучки с неба к себе зову.
А мальчишка со злой душою
Поджигает вдали траву.
Затрещала она так сильно,
Что услышала даже я.
Обернулась, машу косынкой
И кричу: «Так шалить нельзя!».
Он смеется, стоит и смотрит,
Как синица в огонь летит,
То взвьется, то крылья сложит
А трава все сильнее горит.
Понимаю: погибнет птица,
Ведь гнездо у нее в траве,
И с огнем она станет биться
До последнего. Жалко мне
Эту птицу, она же — мама,
И она смертельно устала!
Легкий плащик с себя срываю
И лечу по траве, махая,
Ей прокладываю дорогу...
Успокаиваюсь немного:
Живы все, и ручей вон рядом.
Как с синицей мы были рады!*

ГЕРОЙ «НЕВСКОГО»

Оксана Косова.

Городская зарисовка

— Оксанка! Как дела, Оксан? Ты же часто бываешь в Санкт-Петербурге? Расскажи мне про Петербург! Там автобусы какой марки? А троллейбусы? Оксанка, в Питере растут в основном клены или тополя? А снега, снега много намедает? Комары-то есть?..

Вот такая беседа повторяется изо дня в день с того самого момента, как я приехала из Северной столицы и одним студеным февральским днем прошла мимо торгового центра «Невский»... Мишка торчит там круглый год. Его невозможно не заметить. В любую погоду на нем две шапки, одна из которых, непременно, меховая с собачьими ушками; надето доисторическое рваное черное пальто, которое на груди перевязано тугой холщовой веревкой. Под расстегнутым пальто виднеются разноцветные шаровары на длинных лямках. Но главным его богатством является рюкзак.

Не думайте, что это обычная сумка на лямках до талии: Мишкин огромный «ридикюль» простирается от шеи до самой пятой точки. Более того, в комплект обязательно входит истертая вязаная сумка-холодильник для хранения продуктов да два тубуса-великана для черчения.

— Оксанка, я же по образованию архитектор (хотя вчера он был педагогом, а два дня назад — танцором). Знала бы ты, как я дома рисую... В тубусах у меня и линейки, и карандаши цветные, и резинки стирательные, и клей, и ручки. Про запас!

— Ты зачем, Миш, все это добро носишь с собой? — спрашиваю. — Куда ж тебе громадина такая?

— Знаешь, боюсь жуликов! Страшно боюсь! Вот и беру все свое барахло с собой. Придем вдруг вечером с маман домой, уставшие с работы, глядь, — табурет с чайником, в котором сосиски варим, утащили! Как же будем без вареной колбаски?.. Так что я начеку!

Забавно, но через неделю наш герой придумает другую версию «гималайских гор» за спиной. Он готовит свою фигуру к летнему сезону, и эта глыба килограммов в двадцать делает спину здоровой и выносливой.

Иногда в его времяпрепровождении у торгового центра Мишку сопровождает та самая маман — сгорбленная донельзя старушечья, разодетая по последней моде a la ku-ku. Мишка тащит помимо рюкзака трость маман и самодельный стульчик-садовую тележку. Их появление всегда кажется глотком свежесжатого апельсинового сока в атмосфере офисного района!

Вот старушка — божий одуванчик, бранясь что есть духу на немецком (ведь в прошлом она учительница немецкого языка), с гортанным криком на всю Ивановскую грохается на свою садовую тележку...

— Мишка-а, подь сюды! Дай мне попить! В горле пересохло!

— Сейчас, мам, схожу за кофе, подожди! Пока с Оксанкой поболтай!

Беззубая дама, опять бранясь на немецком, сунет два пальца в пустой стаканчик, облизнет смачно... и готово! Вот и напилась, однако!

Мишка знаком с одной Прекрасной дамой. Почти блоковской. Пусть она не особо красива и привлекательна, однако для Миши эта женщина просто божественна! На вид ей примерно лет шестьдесят, носит ярко-розовую кепку, а на постоянно улыбающемся лице красуется орлиный нос. Нет, Миша в нее не влюблен, однако посвящает ее в свои

рыцарские тайны, советуется. В отличие от Миши и его маман она тут на работе – продает вязаные носки.

Прекрасную даму знаю и я. Как-то одним чудесным весенним днем слышу уже родное сердцу «Оксанка!». Оглядываюсь – Мишка!

– Привет-привет! Ты смотри, два зуба на весь рот осталось, чем есть будешь? – говорю ему.

– Ой, Оксан, ко врачу идти паспорт нужен...

– Что же? – допытываюсь я. – Где твой документ?

– Нет его! Уже два года, как я пенсию не получаю...

– Надо же – недоумеваю я.

Вдруг в нашу беседу вклинилась Прекрасная дама.

– Надо налог заплатить за порчу паспорта, Оксан. На это деньги нужны...

Молчание. Миша оставил нас вдвоем – поплелся к маме и ее голубям. Я начала допытываться до истины у подошедшей «красотки». Она рассказала:

– Как-то два года назад Мишка подходит и показывает мне свой многострадальный паспорт. Вначале я опешила. Все страницы были изрисованы, напрочь исчерканы чернилами, фамилия же изменена была на бабушкину фамилию Пупкин. Главное, – тут дама безудержно расхохоталась – главное, приклеены кудряшки к фото с лысеющей головой! Представь, каково было удивление представителей банковского «планктона», серьезных до ужаса, когда им преподнесли такой «волшебный» документ. Они наверняка весь оставшийся день слушали посетителей с открытыми ртами. Вот умора!

...На следующий день мы с Мишкой опять разговорились.

– Миш, – говорю, – сними вторую шапку! Тепло на дворе!

– Нет, не могу! Ушки ведь замерзнут, пускай в тепле, светлее живут себе потихонечку.

– Сними шапку, – не унимаюсь, – погляди, солнышко-то какое!

Происходит невероятное! Остались от шапочки рожки да ножки. Она превращается, превращается... в элегантную лысину с торчащими проволочками по бокам!

– Мишка-а, подь сюды! Заморозил, окаянный, айда домо-ой! – кричит что есть мочи бабушка – божий одуванчик. Она же маман.

Да, у них есть дом. Для чего тогда престарелая мать с сыном каждый день «выходит в свет»? Болезнь? Или просто такой стиль жизни, потребность общения... Находясь рядом с нами, такими донельзя интеллигентными и правильными, Мишка и его маман привносят красочный экзотический колорит в карту будней...

Сейчас на дворе лето. Яркое, солнечное, ягодно-грибное! Встречаю Михаила: теперь он носит настоящую капитанку. Собирается приобрести и обязательный атрибут морского волка – трубку. Управляет он, правда, не кораблем дальнего плавания, а розовым новым великом!

...Наступит вечер жаркого, душного дня. Вновь поплетется наш герой с маман домой, а за ними следом засемят преданные рюкзак, тубусы и стульчик-садовая тележка. Ведь им нужны верные хозяева!

Игорь Иванович Сукачёв – легендарный рок-музыкант и автор трех полнометражных художественных фильмов («Кризис среднего возраста», «Праздник» и «Дом солнца») – давно хотел побывать на Алтае. Этим летом такая возможность появилась: Русское географическое общество выделило грант на съемки документального фильма с рабочим названием «Алтайская песня». Съёмочная группа отправилась по маршруту Барнаул – Белокуриха – Бирюзовая Катунь – Кулада – Улаган – Ташанта. За десять дней работы была выбрана натура для съемок и основные герои. Чуйский тракт преподнес множество приятных сюрпризов для московских коллег. Съёмки фильма пройдут с 5 по 30 сентября и начнутся в Алтайском государственном университете. Консультантом проекта стал Сергей Мансков, который на протяжении всего пути во флагманской машине беседовал с Игорем Сукачёвым. Итогом многодневных разговоров стало эксклюзивное интервью для «Барнаула литературного».

Фото: Вячеслав Киричук и Алексей Нестеров.

«АЛТАЙСКАЯ ПЕСНЯ» ГАРИКА СУКАЧЁВА

РОДИТЕЛИ

– Мои родители воевали во время Великой Отечественной. Мама из Псковской области. Во время войны она оказалась на оккупированной территории, где попала в концентрационный лагерь для детей. Шестнадцатилетних отправляли в Германию, а детей от 10 до 14 лет использовали на работах. Маленькие в этих условиях быстро умирали и страшно боялись лагерную больницу, где, как и в латвийском Саласпилсе, из них выкачивали кровь для немецких солдат. Каким-то чудом маме удалось бежать, и она попала к партизанам, где, несмотря на юный возраст, работала минером. Помню, как в конце восьмидесятых ее нашел орден.

Папа был призван в середине войны и закончил службу только в 1953 году.

Участвовал в ликвидации «лесных братьев» в Прибалтике. От него я впервые услышал о тех зверствах, которые происходили на захваченных территориях. Эти рассказы, как и истории старших товарищей – Петра Ефимовича Тодоровского и Юрия Владимировича Никулина – сильно помогли, когда я снимал «Праздник».

После войны родители встретились и потом уже не расставались. Тут и появились старшая сестра и я. Папа снялся в моем клипе «Вальс «Москва». Он часто иронизировал, что музыкант это тот, кто играет по нотам.

КИНО

– Первый кинематографический опыт – съемки клипа на песню «Вальс «Москва». Проба пера была удачной. Работу отправили на Каннский фестиваль, и в номинации «Лучший малый музыкальный фильм» мы стали первыми. Эта была наша первая «железяка», потом «чугун» просто некуда было складывать. Сыну Саньке, который тоже пошел по кинематографическому пути, после получения серьезной награды говорил: «Все художники делятся на тех, кто получает медальки от власти, и тех, кого по-настоящему любит народ. Выбирай».

С первых опытов судьба связала с Киностудией им. Горького. Когда-то Ролан Антонович Быков на безденежье помог и предоставил свой офис для съемок. Потом три фильма я делал на этой студии. На «Празднике» у меня работал оператор-гений Алексей Сеченов. Большинство

кадров сняты не по правилам — на солнце, что создает оригинальный цветовой и световой стиль. Была и мистика. В финальной сцене расстрела, которую мы не могли снять из-за плохих погодных условий, вдруг небо открылось, над головами актеров появились четыре огромные радуги в форме нимба. Такие круглые радуги я не видел до этого никогда. Эпизод был тяжелый, группа просто забыла, что на площадке актеры, и плакала. Очень надеюсь, что у нас еще будут совместные работы с Лёхой.

Своим учителем в кино считаю Александра Наумовича Митту. В 1988 году, когда он снимал фильм «Шаг» о русском докторе Гусеве, создавшем вакцину против полиомиелита и спасшем Японию от эпидемии этой болезни, нашу группу в полном составе позвали принять участие в фильме. А уже через два года во время съемок «Затерянного в Сибири» он просто посадил рядом с режиссерским местом и учил профессии. Когда в начале девяностых Александр Наумович набирал группу на Высшие режиссерские курсы, я оказался одним из 12 слушателей. Итогом учебы должен был стать дипломный короткометражный фильм, а у меня уже был снят полный метр «Кризиса среднего воз-

раста». Картину сняли оперативно — всего за 24 съемочных дня. И Александр Наумович долго звал забрать диплом из деканата. Многому научил Пётр Ефимович Тодоровский, к «Празднику» гитарный лейтмотив написал он.

«АЛТАЙСКАЯ ПЕСНЯ»

— Производство фильма — очень сложная штука. Важен каждый винтик, поэтому мое правило, как и многих других кинематографистов, строгая дисциплина и сухой закон в группе. Во время подготовки, съемки и монтажа целиком погружен только в это. Документальный фильм об Алтае будет моим первым опытом в документальном кино. Планируем арендовать любимую Киностудию им. Горького. Продолжительность картины — 90 минут. Мы с группой уже просмотрели локации и встретили удивительных людей, которые будут героями. Среди них — алтаец, сохраняющий и восстанавливающий национальные традиции, бывший военный, построивший собственную туристическую базу на Улаганском нагорье, дальнобойщики, ученые, пограничники, байкеры со всей Сибири. Сквозной линией станет мое путешествие на мотоцикле Harley-Davidson по Чуйскому тракту. Эта одна из самых живописных дорог в мире. Есть большое желание сделать мостик с песней Михаила Михеева «Есть по Чуйскому тракту дорога» и фильмом Василия Макаровича «Живет такой парень», благо локации позволяют. Этот фильм всей съемочной группой мы смотрели уже несколько раз. Нас здорово поддержали Константин Эрнст и Русское географическое общество, выделившее небольшой грант. Съемки начнутся 5 сентября в Барнауле. Уже началась активная

работа по привлечению волонтеров из театров для массовых сцен. Договорились с Алтайским государственным университетом, что будут ученые-консультанты и студенты для постановочных сцен. Готовы помогать местные жители и новосибирский байк-клуб. На всех будущих точках съемок нас встречали с большим подъемом. В киногруппу войдут два десятка человек. Рабочее название фильма «Алтайская песня». Такого масштабного телевизионного проекта об Алтае еще не было. Фильм покажут в прайм-тайме на Первом канале. Параллельно местный телевизионный канал «Катунь 24» готовит фильм о съемках «Алтайской песни».

МУЗЫКА

— Музыкальным и человеческим кумиром был и остается Владимир Высоцкий. В моем сознании он воспринимается как Володя. У нас много объединяющих начал, поэтому называю его именно так. Но одновременно с Высоцким существовал другой круг уважаемых людей, которые формировали меня как музыканта. Среди них Алёша Дмитриевич. Очень хотелось с ним познакомиться, но не успел. В Париже я оказался через полгода после его смерти. Песни Дмитриевича были вехой не только цыганской, но и русской эмигрантской культуры. Их мало знали в Советском Союзе, иногда только отдельные из них звучали на «вражеских» радиоголосах. Сейчас голос и песни Алёши

возвращаются на родину. Хорошо помню, как Константин Эрнст попросил в 1996 году для новогодних «Старых песен о главном» спеть уже почти забытую Алёшину песню «А я милого узнаю по походке». Сразу согласился, и после этого страна запела знаменитого цыгана. Марина Влади в своей книге описывает встречу в Париже Володи с Дмитриевичем, когда усталый Высоцкий стал на колени перед мэтрсом у входа в его квартиру. Вот этот цыганский пласт очень близок и мне. В девяностых годах я активно дружил с цыганским театром «Ромэн». Директор Николай Сличенко пригласил на беседу и попросил не отвлекать артистов, так как утренние репетиции срывались.

Я и сейчас дружу с многими цыганскими родами, и они постоянные гости в моих клипах.

Другой близкий мне собиратель песенного фольклора — Аркадий Северный. Ему удалось вернуть в мир и криминальный элемент, и одесский фольклор, и студенческие, и есенинские песни. Есть большое желание сделать картину об этом человеке. Судьба его трагична. Он умер, как и Володя, в 1980 году в Ленинграде абсолютно забытым и весил всего 35 килограммов. Если Высоцкого летом хоронила вся Москва, то смерть Аркадия Северного прошла абсолютно незамеченной. А для возрождения русского городского фольклора он сделал очень-очень много.

Несмотря на то что в шестидесятые годы композиторы писали блестящие мелодии, мы во время шумных посиделок пели Высоцкого. Я нахожу много схожих черт в наших музыкальных пристрастиях. Одно из главных отличий — в какой-то период электрогитара стала для меня круче, чем Христос. И я ушел в рок-музыку с ее сильным ритмичным началом. У Володи же музыкальная культура была другой.

Из своего поколения активно общался с Майком Науменко, Витькой Цоем. Дружил с Сашей Башлачёвым, поэтому его трагических уход не удивил. Был у нас разговор за полгода до его гибели. СашБаш жаловался на то, что не пишется — обрезало, уперся в стену.

Первое появление «Бригады С» на официальном телевидении было в программе «Взгляд». Мы очень быстро вошли в топ запрещенных групп и официально выступать не могли. Помню, в горбачевские времена нам запретили концерты, но как некий советский андеграунд нас полюбили американцы. В 1985 году моем семье «люди без лица» предложили покинуть Советский Союз. Дали 40 дней на сборы. Но пошли перестроечные процессы, и тон внушений поменялся. После визита Буша в Россию CNN на весь мир транслировал взлет президентского самолета под нашу песню «О, моя маленькая бейба». Обходя запреты, американцы через общество польско-советской дружбы приглашали в Варшаву, где мы и давали концерты. Их транслировал канал ВВС. Хорошо помню, как выступали в польском панк-клубе, где было много фашистов, которые стояли в первых двух рядах и провоцировали агрессию «русских Иванов». Не переношу агрессию и сразу становлюсь злым. Въехал в голову тяжелым ботинком вперёдистоящему националисту, тот упал, и сразу все успокоились. Концерт прошел на ура. На родине закрытые концерты для своих разрешал Олег Павлович Табаков в «Табакерке» (со многими из его первого выпуска я до сих пор дружу) и Костя Райкин. Однажды в «Сатирикон» пришли Влад Листьев,

Дмитрий Захаров, Александр Любимов. Мы сняли маленький клип и впервые прозвучали на Первом канале с песней «Сидит сантехник на крыше». Потом были другие песни для «Взгляда». Вместе делали фестиваль «Рок против террора». После этого стали узнавать на улице. Мы теперь нечасто играем в России. В этом году концерты пройдут в США и Канаде, на следующий год еще нет графика.

ЛИТЕРАТУРА

— Как шампунь два в одном, я, как и большинство советских ребяташек, впитал в себя приключенческую зарубежную классику: Майн Рид, Джек Лондон, Фенимор Купер, и программные произведения социалистического реализма, такие как «Молодая гвардия», «Повесть о настоящем человеке». До 30 лет читал очень много. Потом характер чтения во многом изменился. Во-первых, чужой опыт кажется неоригинальным, ты знаешь, что будет дальше. Во-вторых, время для чтения остается все меньше, и при чтении постоянно переключаешь сознание на собственные проекты. Одними из самых любимых романов Ф.М. Достоевского остаются «Идиот» и «Бесы». Последний связан еще и с московскими локациями. Шатова убивают в гроте, который находится недалеко от моего дома, и я часто там гулял со своим еще маленьким сыном. Нравится ранний Александр Грин времен эсдектовских убеждений. Сейчас времени для чтения все меньше. Девушка по имени Вдохновение является не так часто. И если ты занят чужим творчеством, себе остается немного. Слежу за Захаром Прилепиным и понимаю, что очень талантливый человек растрчивает силы на сегодняшний окружающий мир с его политикой и пиаром. Писательство — одинокое, уединенное дело. Другой пример — Иван Охлобыстин. Сейчас он много сил отдает ритуалу, энергии на новые пьесы просто не хватает, хотя ранние его драмы были лучшими в стране.

Продолжаем наш рассказ о литературной ситуации и интересных авторах из соседних регионов. Взгляд этот, конечно, не претендует на объективность и комплексность, но, полагаем, даже отдельные «штрихи к портрету» современной сибирской словесности нашим читателям небезынтесны.

Иван Акаев.

ПОЭТЫ СТОЛИЦЫ СИБИРИ

Сегодня наш гость — известный ново-сибирский поэт, участник множества литературных проектов, частый гость Барнаула Юрий Татаренко.

— Юрий, что бы ты хотел рассказать о себе?

— Родился в 1973 году в Новосибирске. Работаю журналистом. Член Союза писателей России. Автор пяти книг стихов. Публиковался в журналах «Арион», «Нева», «Новая юность», «Кольцо А» и других...

— ...И большой любитель литературных фестивалей. Тебя в Новосибирске, кажется, и не застанешь, путешествуешь по всей стране...

— Фестивали обожаю. Это прекрасная форма общения с коллегами из других регионов. А сколько было новых знакомств! Участвовал в таких крупных фестивалях, как «Волошинский сентябрь» (Коктебель), «Белое пятно» и «Сибирская книга» (Новосибирск), «Ледокол» (Кемерово). Три года подряд ездю в Красноярск на фестиваль «Книга. Ум. Будущее» — пожалуй, самый престижный форум Урала, Сибири и Дальнего Востока. Фесты дают ощущение единого литпространства, и это здорово.

— Как правило, путешествовать по фестивалям приходится за свой счет. То есть это

действительно дело вкуса и любви к преодолению пространства. А как живут поэты в Новосибирске? Можно ли в самом крупном городе Сибири заработать что-то литературной деятельностью?

— Поэты выживают в эпоху капитализма не гонорарами, разумеется. Почти все работают в гуманитарной сфере: преподавателями, сотрудниками редакций, издательств и библиотек. Знаю, в соседних областях литераторы получают заказы на подготовку к изданию корпоративных исторических томов. Но в Новосибирске мне такие случаи не известны. Мы с коллегами реализуем свои книги на творческих встречах, которые регулярно проходят по всей Сибири.

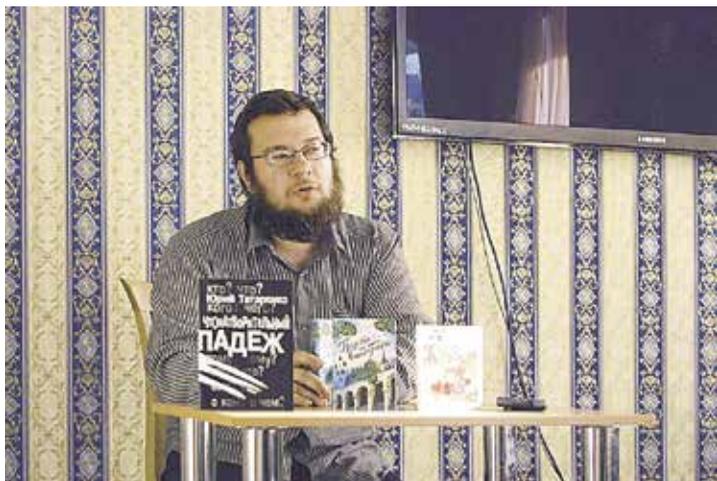
— Как в Новосибирске обстоит дело с литературной периодикой?

— Литературных периодических изданий в Новосибирске не так много. Есть один из старейших литжурналов России «Сибирские огни», также выходят журнал «Новосибирск» и альманахи «Между» и «Сверхновое чудо».

— Традиционный вопрос: назови имена новосибирских поэтов, которые были бы интересны как читателям Барнаула, так и других регионов страны.

— В родном Новосибирске живет немало маститых поэтов: Владимир Берязев, Станислав Михайлов, Юлия Пивоварова, Борис Гринберг, Геннадий Прашкевич, Нелли Закусина, Сергей Самойленко, Игорь Лошилов, Андрей Шетников. Активно проявляет себя молодое поколение, вышедшее из фестиваля актуальной поэзии EXPERIENCES, ежегодных конкурсов межвузовской поэзии «Сверхновое чудо», регулярных общегородских слэмов. К самым ярким представителям новой поэтической волны относятся Кристина Кармалита, Антон Метельков, Сергей Шуба, Иван Полторацкий, Тимофей Тимкин, Дарья Валова, Саша Зайцева, Екатерина Климакова.

— Спасибо! Приезжайте в гости всем столичным поэтическим составом!

ИСЧИРКАННЫЕ БЛОКНОТЫ

Юрий Татаренко.

ПОЗЕМКА

*Как хорошо зимой в чужом дому
Повспоминать о крымском разнотравье,
На скромный завтрак глядя, самому
Постель беловспотевавшую заправить –
И снова на нее вдвоем упасть
В предчувствии лирического шторма...
Остывший кофе потеряет власть
Над заново задернутой шторой,
И в сладком новогоднем полусне
Январь свои снежинки обналичит...
Привидятся в полуденном окне
Вершины гор – ступени в безразличье, –
Где знать не знает трезвая Москва
Мускатные рассветы в Коктебеле
И не приходят в голову слова
«Мороз отступит... Слабые метели...».*

ВОЛОШИНСКИЙ СЕНТЯБРЬ

*Глупеть, наливать, выпивать
С дремком белого флага,
С похмелья себя узнавать
В профилях Карадага –
И слизывать с мятой хурмы
Персиковую смазку...
Вокруг Коктебеля холмы –
Гор карнавальные маски.*

*Кричать всем подряд: «Ай лав ю!» –
Нотам, певцу, роялю...
А где комсомольцы свою
Молодость прожигуляли?
Искать – не видать ни черта –
Губы москвички Ирины:
К рукам прибрала темнота
Черное море и рифмы.*

*Распробовать вкус тетивы
Мраморного амура,
Измерить сонливост халвы,
Слушая Азнавура,
Подкинуть харчишек костру,
Высмеять звезды седые –
И в книге заливок к утру
Выключить все запятые.*

*Ослеплен, оглушен ароматом
Коктебельской небрежной степи...
Я поспорил бы с доном Руматой,
Чей дебильнее герб V.I.P.!
Так несущие белую вахту –
Или ваты умелый начес –
Соревнуются облачко с яхтой,
Кто сильнее похож на утес.*

*В прошлой жизни – потливость вокзала
И пыливость прищура мента...
Лишний шаг на сплошной юго-запах –
Бьет под дых голубая мечта
Тишиной окропить побережье
И под утро исчезнуть в траве...
Карадагские скалятся бреши
Над закатом, нырнувшим в портвейн.*

НОЧНОЙ СНЕГОПАД

*Угораздило в сорок влюбиться –
В ту, с кем можно сжигать паспорта!
Наш роман – это звери и птицы,
Темнота, немота, нагота...*

*Наш роман – дефиле междометий,
Пряди суффиксов, лысины губ...
Не сверяясь с прогнозами метео,
Мы норуем на смятом снегу.*

*Интересно, под чью же диктовку
Закрывается карий миндаль?
Наша нежность меняет штриховку –
С вертикали на горизонталь.*

*Вновь у ласточки с кысей свиданье!
Я события не тороплю:
Наш роман – это соревнованье,
Кто вторым скажет слово «люблю».*

*Гости азбук, кувшин и кувшинка,
После свадьбы вселились в словарь...
Неизвестной породы снежинки
Составляют из неба январь.*

ОБОЖЖЕННЫЕ НЕРВЫ

*Есть тяга взгляда к тишине,
Влечение жеста к красноречью —
Косноязычие предплечья
Приобретается во сне...*

*Уста закрыты на замок:
Я нем — и песня в том порукой...
Зачем живет артист Безруков?
Чтоб с ним я селфи сделать мог!*

*Рассвет придумает меня,
Закат замыслит мемуары —
И съест дома по тротуары
Безлунной ночи полынья.*

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

*Август... Золотом тронет виски
Уберезонек простоволосых.
Обопрутся юнцы-стебельки
На грибной лакированный посох.
Равнодушный к таким чудесам,
С первобытным остервененьем
Тренируется в рощах десант
Наносить ножевые раненья.
Сплюнет маршал зачисток, восход —
Превратятся сверчки в истуканов
И протрет ветерок небосвод
Плохо выжатой марлей тумана.
Стрекозе поднимать на крыло
Уцелевших во влажной уборке...
Как же белым под шляпки взбрело
Прыгнуть именно в наши ведерки?*

*Обворожен и обожжен тобою,
Повержен обнаженной рукой —
И тишиной, припорошенной сбоем
Дыхания...*

*И яросный покой
Погасит дрожь в разгоряченном теле,
Под одеялом спрячутся слова...
А мы ведь лишь разжечь камин хотели!
Но вспыхнули в тот вечер — не дрова.*

*Меня зовут Любим Люблю —
Хотите, паспорт покажу? —
Все штампы здесь: ночей не сплю,
За новостями не слежу...
Краснеют в спальне витражи:
Ты — в неземном и заводном...
Сугроб и холоден, и жив —
Но это где-то за окном.
И с наступающей весной
Истوما вскользь поздравит нас...
Как тихо... В темноте страстной —
Промоины счастливых глаз.*

*Ни страна, ни погост, ни развилка,
Ни весенний овраг за домами,
Ни венок, ни стакан, ни бутылка —
Мне ничто не напомнит о маме.*

*Ни мальчишка, слезающий с вишни,
Ни старушка в цветастой панаме,
Ни пыхтящий под штангой гаишник —
Мне никто не расскажет о маме.*

*Ни в церквушечке под образами,
Ни в зимовье над берегом Маны,
Ни в рыдающем зрительном зале —
Я нигде не заплачу без мамы.*

*Никакая нечистая сила,
Ни снега, ни дожди, ни туманы,
Ни вердикт воронья над могилой
Не отнимут ребенка у мамы.*

*Облака проплывают в обнимку...
Все отдам, не жалея ни мало,
Чтоб на миг оказаться на снимке,
Где березы, скамейка — и мама.*

*Первое марта после развода
Я в глупь себя смотрю ночами...
Понять, простить — с чего начать?
На черном полотне молчанья —
Луны кричащая печать.*

*Последние улики лета —
Две капельки алиготе.
Рассвет. Финита февралита.
Респект каналу ТНТ.*

*Пусть голова от слез распухнет,
Седому волосу — ура!
Будильник прозвенел. Пора
Собратся с мяслями на кухне.*

*Год прошел — а ведь словно вчера
Ты была в ослепительно-белом...
И под солнцем, палящим с утра,
Черт-те что на душе накопело!
Не расскажет никто о любви,
Что из писем и слез вперемешку...
Только море барашки свои
Сбросит вновь на песчаную флешку.*

УРОКИ ЖИЗНИ

*Это платье о том, как выжить
После громкого расставанья,
Эта водка о том, как выжать
Из бесцветности ликования,
Эти буквы — инициалы
Терпеливых и твердых духом.
Идеалы — на пьедесталы,
Слюни, сопли и слезы — мухам.
Этот месяц о том, как страшно
В темноте над обрывом звездным,
Все рассветы — о том, как странно
Облаков кровоточат десны,
Эта песня о том, как ноты
Разлетелись по белу свету...
А исчерканные блокноты
На растопку отдам соседу.*

*Сойти с ума под барабань дождя,
Под вынос мозга братцу-подоконнику —
И в толщу разогретого борща
Добавить ровно на два пальца тоникую,
И телефонный справочник раскрыть
На букве «б», что означает «бывшие»...
Принять звонок двоюродной сестры —
И вылить в лето жижицу остывшую.*

О книгах местных авторов, к сожалению, на Алтае спорят все меньше. Мы считаем, что это не очень хорошо. Если есть общественное внимание, имеются и разные точки зрения. Благо авторы, достойные обсуждения и дискуссии, у нас есть. В новой рубрике – две точки зрения на повесть Александра Пешкова, который в последние годы активно издается, получает премии и заслуженные комплименты.

АЛТАЙСКОЕ ГОВИШТИ

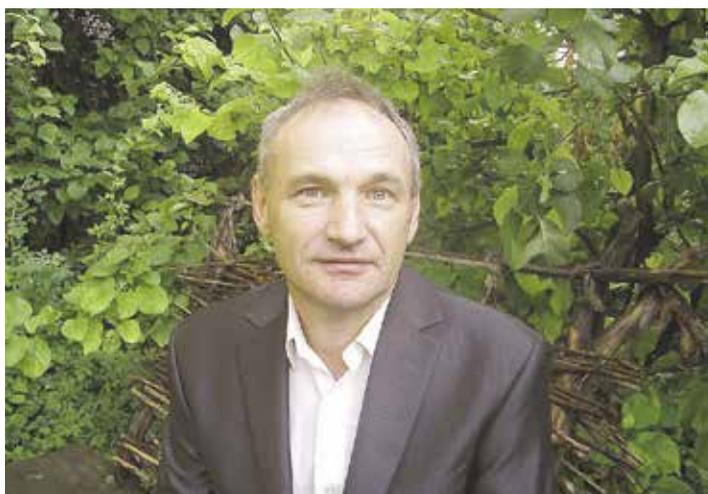
Павел
Великанов.

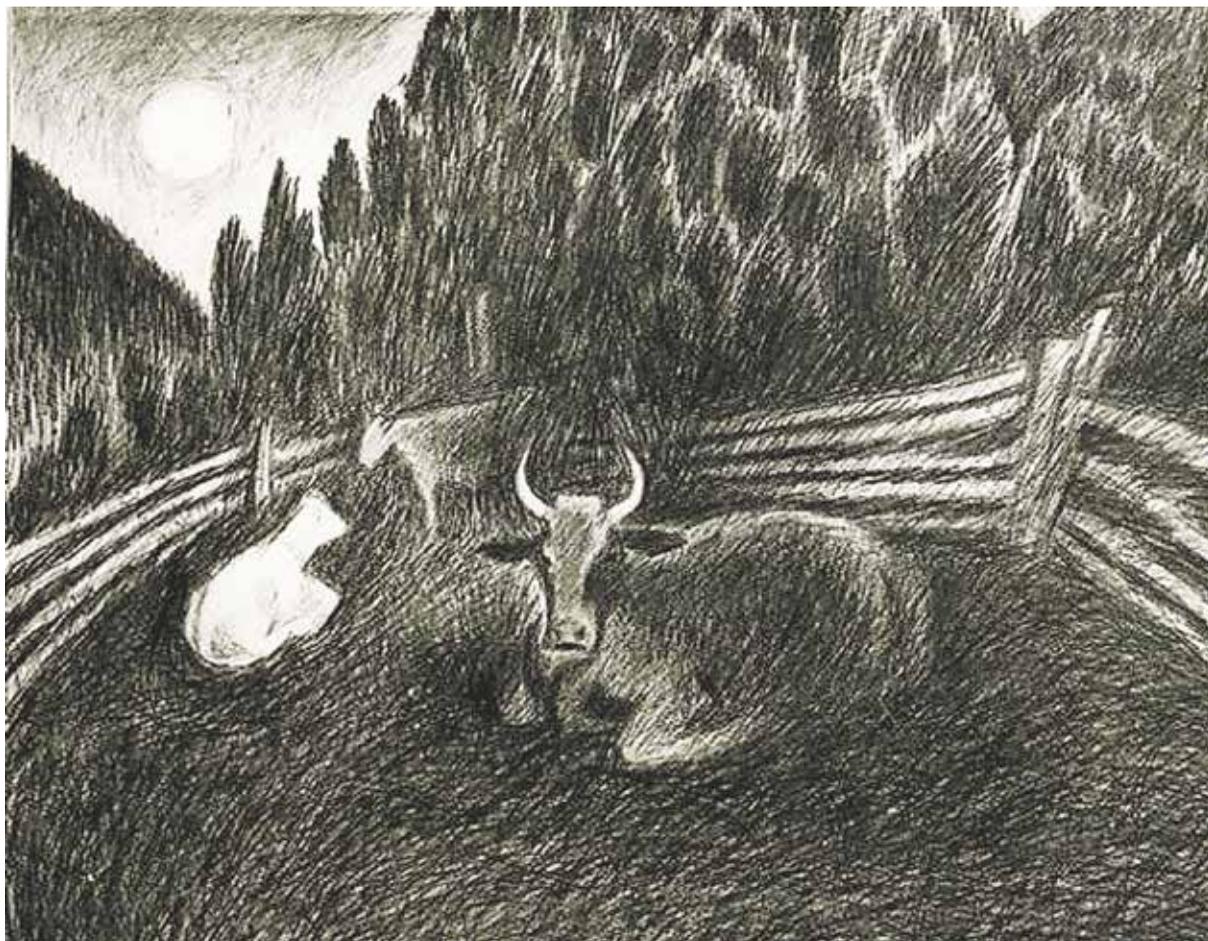
В провинциальной литературе принято любить сельскую жизнь, воспевать очарование российской глубинки, скрывающей древнюю как мир сермяжную правду. Алтайский прозаик, «таежный лирик» Александр Пешков не стоит здесь особняком. Тем не менее в его творчестве присутствуют любопытные мотивы, вызывающие ассоциации с древней мифологией и народным эпосом. Наиболее ярко эти мотивы проявилось в его новелле «Зеленая юрта».

«Зеленая юрта» вошла в состав прозаического сборника «Ночные журавли», вышедшего в конце 2015 года. В основу повествования лег архетипический сюжет: главный герой теряет стельную корову и отправляется на ее поиски. В индийских ведах этот сюжет имеет говишти, что в переводе с санскрита буквально означает «поиск коров». Именно так начинаются многие священные сказания, сложенные в седую старину не менее седыми старцами. После такой завязки сразу же возникает ощущение, что «Зеленая юрта» – это не что иное, как эпизод современного алтайского эпоса. Знакомство с главным героем лишь усиливает это чувство. Синкретизм его мировоззрения настойчиво – а иногда даже навязчиво – подчеркивается обращением то к шаманистским, то к библейским образам: «Вася остановился перед кедром, примеривая ему образ Христа. А вот кто отец, а кто дух – каждый раз сомневался. Рассуждал так: сосна – родственник кедра, а пихта не росла в здешних краях и занесена, скорее всего, семечком с Катуня. И все же окончательно не решался поименовать хвойную троицу, оставляя до времени. Чтобы придти к хвойному алтарю с загадкой в душе».

Сюжет новеллы включает в себя настоящую антологию сельской жизни, своего рода аркадический этюдник. Главный

герой новеллы – алтаец Вася, глава затерянного в горах села с русско-алтайским населением, бывший учитель, безоглядно влюбленный в родной край, сам отчасти шаман. Жизнь его протекает в своем размеренном и неторопливом, как пение кайчи, ритме. Дела сельской общины, деревенский быт, перипетии семейной жизни, пассивно-агрессивная жена, старший сын, безразличный к окружающему миру, повседневные хлопоты, скрадывающие острые углы и конфликты – все это пребывает в непрерывном, вечно повторяющемся движении. Движущей силой, вращающей это колесо сансары, является, разумеется, страдание. Героя мучает чувство отчужденности от культуры своих предков и от родного языка. Он страдает от непонимания устройства жизни, не видит оправдания всей окружающей его суете. Стремясь восполнить внутреннюю пустоту, он обращается к образам синкретической алтайской мифологии, народному фольклору, пословицам и поговоркам.

Художник
Татьяна
Ашкинази.

Вася живет в привычной суете: трудится по хозяйству, помогает соседям в разрешении их бытовых проблем, изредка появляясь на городском собрании, где, не зная родной речи, предпочитает отмалчиваться. Иногда он позволяет себе скромное удовольствие: ходит в баню, которую любовно называет юртой, или выпивает с прорабом, обсуждая с ним его сизифов труд по возведению моста через бурную горную реку. В поисках коровы Вася заглядывает то на один двор, то на другой, беседуя с местными. Население вполне обыкновенное для западносибирской глубинки: пьющие мужики да ехидные бабы, то и дело затевающие с соседями беззлобные перепалки. Особого внимания заслуживает Генерал – состоятельный чиновник, нувориш, немного даже стесняющийся собственного богатства. Он резко противопоставляется «автохтонному» населению деревни, внося в нее некий деструктивный элемент. «Хозяин-то приживется здесь или нет – еще вопрос, а дом его, далеко видимый со всех сторон, уже по-новому подбоchenил деревню!». К деревне и к окружающей ее природе Генерал относится по-барски потребительски: «Подняв ствол кверху, он прицелился на дальние склоны горы: «Вертолет сюда надо! – взмахнул он короткой рукой. – Дичи там немерено!».

В свою очередь, мир деревни и сам несет угрозу для этого человека: неукротимая горная река уже подтачивает берег, на котором стоит его особняк, пещера на противоположном берегу представляется ему «хорошим местом для снайпера».

К концу дня Вася обходит всю деревню и возвращается домой, отмечая еще один поворот вечного колеса. Его говишти завершается благополучно: корова вместе с долгожданным приплодом обнаруживается на острове для влюбленных – и читатель наконец прощается с умирающим миром горного села.

Такова нарративная составляющая новеллы «Зеленая юрта». Что же до выразительных качеств текста, то здесь все куда как проще. Язык достаточно ровный, местами даже скудный. Редкие шероховатости выглядят слишком нарочито. Пешков рассказывает об обычных вещах обычным языком. Его текст не стремится вступить в диалог с читателем, он течет размеренно и пространно, лишь иногда его робко перебивают нотки сельской лирики. Присутствуют портретные зарисовки, вполне типичные для этого жанра, иногда попадаются ироничные наблюдения, не вызывающие, правда, улыбки и не побуждающие к раздумьям. Обращает на себя внимание некоторая стилистическая неровность

повествования. «Характер у коровы был самостоятельный: например, ей не нравилось, когда гладили по кудрявому лбу; не откликалась мычанием, если кричали «Зорька!». Притом смотрела как-то восторженно, будто про себя знала еще какое-то имя». Фраза выглядит слишком натянуто, даже наивно. Создается впечатление, что настоящее имя коровы — либо Виктория Анжуйская, либо Рамасвати Прахлада. Бросается в глаза и несогласованность некоторых предложений: «Вася уже знал (прошедшее время), где искать корову, но пока не скажет (будущее время) об этом даже жене». Иногда Пешков позволяет себе и вовсе нелитературные обороты, буквально отравляя собственный текст канцеляризмами: «На зеленой

пойме, меж двух родников, паслись телята. Оттопырив мохнатые уши, они глядели на людей ласково-гуманоидными глазами» — здесь Пешков использовал очевидный наукообразный оборот, включив в свою авторскую речь чужеродный, даже скорее патогенный элемент.

В целом же Пешков не демонстрирует читателю каких-либо авторских открытий. Пожалуй, самым ярким моим читательским переживанием во время знакомства с «Зеленой юртой» стал лейтмотив с поиском коровы, но и он не получил должного развития. А жаль: архетипический сюжет говишти, перенесенный в современные реалии глухой деревни, мог бы стать своеобразным перлом.

ДЕКАДЕНТ В ПРЕДГОРЬЯХ

Иван Акаев.

Звезда писательской карьеры Александра Пешкова сегодня горит ровно. Собственно, это связано и со скудностью прозаического поля региона (одни наши прозаики все найти себя не могут, другие — не стесняются переиздавать одно и то же из года в год, да еще и премии за это получать). Но вот Пешковская книга и в Москве выходит, и на межрегиональном уровне он становится известен. И я считаю — вполне справедливо. В конце концов, ему уже за 55, и к своему успеху он шел буквально годами.

Между прочим, я считаю «Зеленую юрту» лучшим произведением Пешкова. По своему творческому темпераменту Александр, несомненно, импрессионист. Записывать его в деревенщики или языческие любомудры смешно и в корне неверно. Для него нет равно никаких абсолютов, в его книгах все взвинчено, нервно, все на катастрофе или в ее преддверии. А если вспомнить ранних «Паломников любви» — так это была, естественно, поэма в прозе. Причем, если перевести ее в стихи, получился бы отнюдь не Рубцов или Твардовский, а скорее Бальмонт. Некая архаичность эстетики Александра как раз и объясняется, что он — оттуда, из Серебряного века. Если и Бунин у него в наставниках, то ранний, нервный и декадентский. А то и Леонид Андреев (в «Таежной вечере» уж точно). Впрочем, у Пешкова все куда более мирно и местами даже просветленно.

Не следует доверять писателям в их заявлениях о собственном кредо, но вот что говорит сам Пешков: «Как будто после 1917 года с российской словесности был снят плодородный гумусный слой, и советские писатели росли на глине. Произошел разрыв. Мне не хватает отчетливой связи той великой литературы с современной. Моя сверхзадача — попробовать перекинуть свой мостик». «Почвенная» метафора автора почвенником не делает. Наоборот: он заявляет о своей связи именно с самими беспочвенными годами, предшествующими революции, с тем самым Серебряным веком, который для Пешкова будто и кончался.

Вот и очень милое автобиографическое повествование «Ночные журавли», на мой вкус, пострадало от авторского нежелания рассказывать историю, не отвлекаясь на сопутные мимолетности (в духе несправедливо забытого Бориса Зайцева).

Так вот, в «Зеленой юрте» Пешков взял себя в руки и сделал многое для читателя. А именно: не только рассказал историю, достоверную, психологически обоснованную, но и придал своим героям черты наших с вами современников и земляков (а не, как говорится, Родриго с Гонзалесами, переобутых в пимы, как бывало ранее).

Ну да, некоторые нестыковки и несообразности в повести имеются, но для поэта Пешкова они совсем не так важны как для какого-нибудь очеркиста. Философии же, на отсутствие которой так сетует мой оппонент Великанов, здесь нет и быть не может — ибо яркость, свежесть восприятия для автора важнее. Но и гармоничность, добавим мы, — в «Зеленой юрте» автор подошел к весьма высокому ее уровню.

Один день предгорной деревни в силу самой ограниченности времени и места получился у Пешкова наполненным и сиюминутным, и вечным, тем, с чем принято увязывать ментальность деревенских жителей. А то что, по мнению Великанова, Пешков рассказывает об обычных вещах обычным языком, это для нашего автора не отсутствие работы, а наоборот — плод больших усилий.

Юбилейные Шукшинские дни прошли на Алтае с 19 по 22 июля, и Барнаул стал одной из главных площадок мероприятий, посвященных памяти Василия Макаровича. Фестиваль на алтайской земле – в Сростках, Бийске и столице края – прошел уже в 40-й раз, и в 18-й раз были показаны фильмы в рамках Шукшинского кинофестиваля. Оба мероприятия имеют всероссийский статус.

Алевтина
Дегтярёва.

БАРНАУЛЬСКАЯ ШУКШИНИАНА

Фото Андрея
Чурилова
и Юлии
Неволиной.

В Барнауле Шукшинские дни традиционно стартовали возле памятника Василию Макаровичу на улице Юрина. В этот раз барнаульцам представили литературный спектакль «Охота жить», поставленный режиссером Михаилом Тумашовым по публицистическим произведениям Василия Шукшина. В основном это размышления о жизни. Паломничество к бронзовому образу писателя совершили и московские гости – актеры Сергей Баталов, Лариса Шахворостова,

Валерий Баринов, Сергей Маховиков, писатель Алексей Варламов.

Алексей Варламов привез в Барнаул свою новую книгу – о Василии Шукшине, она вышла в краевой серии «Алтай. Судьба. Эпоха». Презентация состоялась в Краевом театре драмы имени В.М. Шукшина. Вместо запланированного очерка о писателе и режиссере Алексей Варламов написал многостраничный труд. В работе над книгой писателю помогла Лидия Чуднова, директор Шукшинского музея-заповедника в Сростках.

Алексей Варламов.

Андрей Мерзликин.

Алексей Варламов:

— Ранее писавшие о Шукшине люди легко скользили мимо, казалось бы, очевидных фактов. Например, поступление Шукшина во ВГИК. Почему парня из села взяли в институт, в котором на одно место претендовали сто человек. Ромм увидел в нем чудака-самородка, который якобы случайно перепутал ВГИК с Литературным институтом им. Горького, — рассуждает Алексей Николаевич, — но в отличие от большинства абитуриентов Шукшин имел правильные социальные корни — рабоче-крестьянское происхождение. Служил в армии и успел стать кандидатом в члены КПСС. Мало кто мог похвастаться таким набором советских бонусов. Когда я читал его переписку с матерью во время службы на флоте, сложилось впечатление, что пишет профессор. Яркая книжная речь, сложная стилистика и дидактика у рабоче-крестьянского юноши.

Традиция привозить на Шукшинские дни ярких современных авторов была соблюдена и в этот раз — в Барнаул приехала Гузель Яхина, лауреат премий «Большая книга» и «Ясная Поляна», написавшая бестселлер «Зулейха открывает глаза». Встреча с ней состоялась в Краевой библиотеке им. В.Я. Шишкова. По словам писательницы, роман задумывался как история женщины, которая теряет одну жизнь и приобретает другую. Возможно, скоро мы увидим экранизацию ее романа, канал

«Россия» уже работает над восьмисерийным фильмом.

Шукшинская премия в этот раз досталась писателю Михаилу Тарковскому за книгу «Избранное». О нем уже писали в «Российской газете»: внук знаменитого поэта и племянник еще более знаменитого режиссера нашел свой путь в искусстве — его литературную судьбу назвали состоявшейся. Его «Избранное» — книга о простых деревенских людях, имеющих сходство с героями Шукшина.

Официальное открытие XVIII Всероссийского Шукшинского кинофестиваля проходило в Краевом театре драмы им. В.М. Шукшина, и все приглашенные звезды, включая актеров Дмитрия Марьянова, Андрея Мерзликина, поэтессу Надежду Кондакову, писателей Гузель Яхину и Михаила Тарковского, прошли по красной дорожке, уложенной от проспекта Социалистического до ступеней Театра драмы.

В кинотеатрах Барнаула в эти дни показывали одиннадцать фильмов, участвующих во Всероссийском Шукшинском кинофестивале. Выбрать лучший должно было жюри, которое в этом году возглавила легендарная актриса советского кино Светлана Светличная. Жюри сделало выбор в пользу фильма «Я — учитель» режиссера Сергея Мокрицкого, он получил Гран-при. Специальным призом был отмечен фильм «Рядом с нами» священнослужителя Александра Новопашина.

Главное театральное событие Шукшин-

ских дней – постановка «Человек Земли», состоявшаяся на сцене Краевого драматического. Роль взрослого Василия Шукшина в ней исполнил выдающийся актер театра и кино Андрей Мерзликин, а юного Васю сыграл Саша Тихонов. В двух актах представлен разный Шукшин – полный надежд юноша, покидающий родные Сростки, и столичный режиссер, переживающий ситуацию творческого и личного кризиса. Финальная точка спектакля и самый его пронзительный момент – письмо матери умершему сыну в исполнении Тамары Сёминой.

Еще одна премьера состоялась на сцене концертного зала «Сибирь». Хореограф Владимир Васильев поставил в нашем городе балет по произведениям Шукшина «Жил человек». Пластические зарисовки по мотивам повести «Калина красная»,

рассказов «Охота жить», «Выбираю деревню на жительство» и других стали основой этой постановки в исполнении артистов Государственного молодежного ансамбля песни и танца Алтая.

